

ГРОМ НЕБЕСНЫЙ
**МЭРИ
СТЮАРТ**

ДЕРЕВО, УВИТОЕ ПЛЮЩОМ
ТЕРНОВАЯ ОБИТЕЛЬ

The Big Book

Мэри Стюарт

**Гром небесный. Дерево,
увитое плющом. Терновая
обитель (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стюарт М.

Гром небесный. Дерево, увитое плющом. Терновая обитель
(сборник) / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус», — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16560-0

Книги Мэри Стюарт завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших ее мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саспенс. Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стран мира. Героиня «Грома небесного» Дженнифер приезжает в монастырь у подножия Пиренейских гор, чтобы навестить свою кузину, и узнает страшную новость о ее смерти. Но путаница в объяснениях монашек заставляет Дженнифер усомниться в том, что на монастырском кладбище похоронена ее сестра... В романе «Дерево, увитое плющом» страсти кипят вокруг английского наследства. Юную Мэри вовлекают в опасную авантюру, ведь девушка как две капли воды похожа на исчезнувшую восемь лет назад внучку владельца родового гнезда... События, описанные в «Терновой обители», также происходят в Англии. Джили Рэмси переезжает в уединенное викторианское поместье, где любимая крестная оставила ей в наследство дом и сад, благоухающий цветами, целебными травами и немножечко... колдовством. Вскоре Джили узнает, что ее крестная недаром слыла ясновидящей и знахаркой, а попросту ведьмой...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16560-0

© Стюарт М.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Гром небесный	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	72
Глава 15	78
Глава 16	81
Глава 17	84
Глава 18	94
Глава 19	103
Глава 20	107
Глава 21	110
Глава 22	117
Глава 23	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Мэри Стюарт
Гром небесный. Дерево, увитое
плющом. Терновая обитель

© М. Ю. Юркан, перевод, 2007

© М. М. Виноградова, перевод, 2000

© А. А. Максимова, перевод, 1999

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Гром небесный

Посвящается родителям моего мужа Фредерику и Эстер Стюарт

Глава 1 Традиционная увертюра

У подножия Пиренейских гор расположился отель «Пимене», носящий имя одной из близлежащих вершин. За густой зеленью деревьев, затеняющих внутренний двор, начинается дорога в Лурд; с противоположной стороны к отелю подступает скалистое ущелье, по дну которого течет говорливая и довольно бурная речка Гав-де-По, которая сбегает с ледникового цирка. Окна уютной столовой смотрят прямо на это узкое горное ущелье, так что сидящим в зале хорошо видны влажные плиты мостика и тропа, ведущая к подножию пика Пимене.

Возле одного из этих окон, залитых июльским солнцем, за роскошным ланчем сидела двадцатидвухлетняя мисс Дженнифер Силвер. Она уже бывала в этих краях и теперь наслаждалась тем опьяняющим чувством узнавания, которое Франция неизменно дарит своим поклонникам. Непринужденная атмосфера ресторана с ее разноязычной болтовней, с экзотическими ароматами вин и закусок, с потрясающим видом из окон, поразительно отличалась от привычной оксфордской обстановки. Хотя, возможно, нечто общее все же было – прежде всего потому, что из-за соседнего столика, где расположились две среднего возраста дамы, одетые вопреки южному солнцу в толстые твидовые костюмы и горные ботинки, доносились обрывки разговора, явно не лишённого оттенка новейшей алхимии.

– Но, мисс Мун, дорогая... – Кусочек изысканно приготовленной *truite maison*¹ уверенно занял место на конце вилки. – Ведь известно, что к подобной слоистости приводит различная длительность процессов выветривания горных пород. Правда, здесь границы слегка размыты.

– О да, мисс Шелл-Пратт, полностью с вами согласна. – Мисс Мун с завидной сноровкой и изяществом бульдозера копалась в своей тарелке. – Недаром Штейнбахер и Блишштейн в своем гениальном труде «*Einführung in die Ursprünge der Magmatiten durch Differenziationen*»² упоминали о том, что троктолиты...

Но в этот момент официантка, симпатичная черноволосая *Bordelaise*³, явно не претендующая на знание английского языка, принесла *croquettes de ris de veau à la Parmentier, pommes de terre sautées*, а также *petits pois en beurre*⁴. Дженнифер, вполне естественно, не дослушала интригующе интересного разговора. Она сделала еще одно замечательное открытие: оказывается, элементарное чревоугодие – одна из невиннейших радостей жизни. Запивая телятину глотком рубинового вина, она подумала, что это изысканное изобилие обещает веселые каникулы, хотя ее появление здесь и было вызвано несколько странной причиной. При воспоминании о письме кузины Джиллиан, лежащем в кармашке сумочки, по лицу Дженнифер пробежала легкая тень... Но прочь грустные мысли – во время трехдневного путешествия из Оксфорда в Гаварни она запретила себе думать об этом и сейчас тоже не собиралась расстраиваться, тем более что скоро она встретится с Джиллиан.

¹ Форель по-домашнему (*фр.*).

² «Введение в происхождение магматитов через дифференциацию» (*нем.*).

³ Жительница Бордо (*фр.*).

⁴ Телятина а-ля Пармантье, жареный картофель, горошек в масле (*фр.*).

Меренги шантильи сменили на ее столе телятину, а за соседним столом на смену троктолитам пришло гиперстеновое габбро. Дженнифер же помимо собственной воли начала вспоминать события, которые привели ее нынче в этот славный пиренейский отель.

Отец Дженнифер был маститым профессором музыки в Оксфорде (как вы, конечно, помните, его Шестьдесят восемь вариаций на пятую из бетховенских Тридцати трех вариаций на тему вальса А. Диабелли стали сенсацией Эдинбургского фестиваля 1954 года). Основную часть своей жизни Дженнифер провела в красивом старинном особняке «Вишневый уют»; сад, обнесенный высокими стенами, выходил на Олдейт-стрит прямо под колокола церкви Христа Спасителя. Дженнифер была единственным ребенком, но если в раннем детстве она и ощущала свое одиночество, то к семи годам с ним было покончено. Именно тогда к Силверам приехала из Нортумберленда ее кузина Джиллиан, наполовину француженка. Родители Джиллиан погибли во время первого же военного налета. Она прожила у Силверов почти шесть лет и своим появлением избавила миссис Силвер от проблемы «подходящей компании» для Дженнифер. Незадолго до окончания войны Джиллиан вышла замуж за Жака Ламартина, который жил неподалеку от Оксфорда вместе с другими французскими эмигрантами. Муж ее был родом из Бордо, и вскоре после войны они покинули Англию, предпочитая климат Южной Франции.

В тринадцать лет Дженнифер вновь стало одиноко в «Вишневом уюте». Ежедневно она посещала дорогую частную школу рядом с домом, а в последний год ее отправили в один из самых престижных пансионатов Швейцарии. Эта заграничная поездка была единственной авантюрой, на которую миссис Силвер, истинно преданная традициям минувшего века, вынуждена была согласиться: так было принято. По возвращении из пансиона девушку полагалось вывезти в свет, подобрать подходящую партию. Так издавна повелось в кругу миссис Силвер, и она, в общем-то, не могла думать иначе. Если сама Дженнифер имела какие-нибудь планы на будущее, то пока не упоминала о них. Она с детства отличалась спокойным и сдержанным характером, но мать ошибочно считала ее излишне стеснительной. Дженнифер принимала жизнь такой, какая она есть, радостно и безмятежно, тогда как словоохотливой и легковозбудимой миссис Силвер жизнь казалась просто пресной. Мать и дочь на деле отлично ладили, их глубокая привязанность была основана на почти полном непонимании друг друга.

Профессор Силвер знал свою дочь гораздо лучше. Именно он решительно настоял (оторвавшись ненадолго от абстракции на темы Бартока), чтобы по возвращении домой Дженнифер продолжила свое образование. Миссис Силвер рассталась с радужными, но, увы, несбыточными мечтами о роскошных гостиных и в конце концов смирилась, найдя утешение в том, что выбор Дженнифер пал на изящные искусства – ведь их можно было все же считать женским занятием.

Итак, Дженни вернулась в Оксфорд и начала посещать Школу искусствования, продолжая жить с родителями в «Вишневом уюте». Конечно, трудно было ожидать, что высокие стены усадьбы долго останутся неприступными, – к восемнадцати годам Дженнифер стала прехорошенькой. В детстве она была обыкновенным ребенком, но тонкие черты лица и шелковистые золотисто-пепельные прямые волосы уже тогда обращали на себя внимание и обещали, что со временем она вырастет красавицей. Сейчас это обещание исполнилось по всем статьям, и миссис Силвер готовилась к решительным баталиям с ордами бедных и, естественно, недостойных дочери студентов, которыми профессор Силвер беспечно наводнял дом. Впрочем, ей не было нужды беспокоиться. Дженнифер была так равнодушна или невосприимчива к их восхищению, что ее мать лучшего не могла и желать.

Так продолжалось до встречи со Стивеном Мейсфилдом.

Он появился в Оксфорде несколько позже своих сверстников, потому что отдавал долг воинской повинности и, на свое несчастье, побывал в Корее. Там его ранили, и, прежде чем снова вступить в жизнь, так жестоко прерванную, он целый год провалялся в госпитале. В двадцать один год он уже был полон горького чувства потерянного времени, к тому же неуверен-

ность в собственных силах усугублялась хромотой, оставшейся после ранения. Его великолепная музыка была взвинченной почти до дикости, точно он набрасывался на заклятого врага, и профессор Силвер попеременно то хвалил, то ругал ее.

С самого начала Стивен завладел вниманием Дженнифер. Но даже отдаленно их отношения не походили на любовное увлечение – душа миссис Силвер была спокойна. Стивен явно не намеревался тратить на любовь ни время, ни энергию, да и Дженнифер эта идея еще не приходила в голову. Никто из них не сознавал, что безмятежность «Вишневого уюта» и естественная, спокойная чистота, лежащая в основе характера Дженнифер, действовали на Стивена подобно мощному наркотику. Сам он, поглощенный своей затмевающей все остальное музыкой, лишь иногда мысленно тянулся к Дженнифер. Благодаря спокойствию дочери и полнейшей занятости Стивена страхи миссис Силвер растаяли, она уже мечтала о более достойной партии и перестала тревожиться.

Так было вплоть до выпускного бала. В тот вечер к дому подъехало такси, и миссис Силвер, которой, конечно, и в голову не могло прийти дать ключ Дженнифер, поспешила вниз на звук скрипнувших тормозов. Дверь открылась в самый драматический момент, и материнское сердце миссис Силвер упало от неожиданности и страха.

Дженнифер, очаровательное светло-серебристое видение, уже стояла одной ногой на ступеньке крыльца, повернувшись к Стивену, который удерживал ее за плечи, не пуская в дом. Выражения ее лица миссис Силвер не видела, зато отлично разглядела лицо Стивена, и то, что она увидела, заставило ее широко распахнуть двери и церемонно пригласить их в освещенный холл. Стивен поспешил вежливо отклонить ее приглашение выпить чашечку кофе *à trois*⁵, резко повернулся и пропал в темноте улицы.

На следующий день он уехал – с первой премией в кармане – на два года в Вену для продолжения учебы, а миссис Силвер спешно насадила заросли шиповника вокруг своей спящей красавицы, и «Вишневый уют», теперь уже без опасного присутствия Стивена, постепенно погрузился в мир спокойной и привычной музыки. С тех пор прошло два года...

Дженнифер очнулась наконец от воспоминаний, заметив официантку, убирающую на поднос пустые тарелки. Соседки оставили в покое габбровые гиперстены и перешли к оливидам и клинопироксенам, а на столике Дженнифер меренги шантлиль сменились виноградом, персиками и пятью сортами сыра. Дженнифер с искренним сожалением вздохнула, покачала головой и заказала кофе.

– Вы позволите составить вам компанию? – раздался вдруг чей-то голос.

Она удивленно подняла голову. Мужчина, наблюдавший за ней во время ланча из дальнего угла, поднялся из-за своего столика и направился к ней.

На вид ему было лет двадцать шесть – высокий и худощавый, с каштановыми волосами и мягко очерченным ртом. Его живые глаза были полуприкрыты густыми темными ресницами. В резких движениях ощущалась странная развинченность, выдававшая нервное возбуждение, но в целом он двигался нормально, даже с некоторым изяществом, которое абсолютно не портила легкая хромота. Он был необыкновенно привлекателен и к тому же выглядел как человек, который многого добьется в жизни. В его лице не было и следа удачливой самоуверенности похитителя дамских сердец, и это впечатление подчеркивалось выражением сияющих светло-карих глаз и мягкой линией губ.

Глаза Дженнифер округлились, она вспыхнула, но быстро овладела собой, румянец на ее лице сменился мраморной бледностью.

– Стивен! – воскликнула она с ноткой неуверенности.

Он улыбнулся ей и выдвинул стул.

– Дженни... Можно?

⁵ Втроем (*фр.*).

Он вытащил сигареты, и, даже если его руки слегка дрожали, она была не в состоянии заметить это.

– Но... Стивен! Не может быть... каким ветром тебя принесло?

– Каникулы. Я здесь уже несколько дней.

– Но... именно здесь?

Он сделал вид, будто не понимает.

– Ах, ну конечно, не здесь, не в этом отеле. Я остановился в «Роландовом мече», это гораздо более скромный отель. А сюда прихожу иногда пообедать.

Пораженная до глубины души, Дженнифер машинально взяла сигарету.

– Какое феноменальное совпадение!

– Что правда, то правда.

Стивен так равнодушно произнес это, что она настороженно взглянула на него и отметила, как он задумчиво наблюдает за ней с каким-то странным выражением в глазах. Она нерешительно спросила:

– А разве не так?

– Конечно нет. Я решил, что настала пора нам увидеться вновь, вот и все. Я приехал прямо из Оксфорда.

– А мама... они там знают, что ты поехал сюда?

Улыбка скользнула по его губам.

– Мне кажется, все было предельно ясно.

Вдруг она заговорила о другом:

– А ты изменился.

Он широко улыбнулся:

– Ты хочешь сказать, что меня теперь не так-то легко спугнуть?

Краска вновь залила ее щеки.

– Нет, конечно нет! Как глупо! Но...

– Но? – вопросительно повторил он.

– По-моему, ты мог бы и попрощаться со мной тогда, – сказала она, не глядя на него.

– Я пытался.

Она вскинула глаза:

– Пытался? Когда?

– Рано утром, после бала. Твоя матушка сказала мне, что ты еще спишь, вот и пришлось уехать, не повидавшись с тобой. Я просил передать тебе привет. Разве тебе не сказали?

Она молча покачала головой, и, глядя на ее опечаленное лицо, Стивен почувствовал приступ такой же бессильной ярости, что испытал два года назад, в то раннее утро, когда, побуждаемый безотчетным чувством, вернулся к «Вишневому уюту», надеясь сам не зная на что. Возможно, на короткое свидание с Дженнифер, перед тем как уйдет его поезд.

Но миссис Силвер встретила его в большой музыкальной гостиной и постаралась с предельной ясностью объяснить, почему ему не стоит видеться с Дженнифер сегодня, а лучше бы и в дальнейшем. Она была безапелляционна, очаровательна и жестока. И с любезнейшим видом толковала об отсутствии средств, неопределенности его жизненных планов, а в довершение – о явно неустойчивом темпераменте музыканта. Стивен был слишком несчастен и зол, чтобы оценить всю тактичность последнего утверждения профессорской супруги, рука которой грациозно покоилась на премиальном стейнвейновском рояле мужа, а глаза многозначительно косили в сторону его кабинета...

Возражений не последовало. В ее словах было слишком много правды, и, кроме того, Стивен сам еще толком не осознал своих желаний. Лишь днем позже он понял, что два года не увидит Дженнифер, и тогда его вдруг захлестнула волна горечи. Учеба в Вене, казавшаяся прекрасным сном, обернулась годами изгнания, одиноких скитаний по бурным водам неиз-

вестности, вдали от спокойного и тихого средоточия его жизненных надежд. Дженнифер... Но добро бы он не разобрался только в себе – к несчастью, у него не было никакой уверенности в чувствах Дженнифер. Откровение вчерашнего дня должно было стать началом, а вместо этого стало концом. И раз уж так суждено, раз уж поезд набрал ход, он понял, что благоразумнее пока что забыть их первое свидание и все, что Дженнифер успела ему сказать.

Добравшись до Вены, он каждую неделю отправлял Дженнифер длинные и витиеватые занимательные послания, в основном о работе. Эти письма вполне могли быть написаны старшим братом – ведь миссис Силвер наверняка была их первым читателем.

К концу второго года изгнания у Стивена не осталось сомнений относительно своих желаний и намерений, он понял, что должен сделать, чтобы обрести мир и покой. Теперь понадобилась бы дюжина дуэний, вооруженных гораздо лучше миссис Силвер, чтобы помешать ему встретиться с Дженнифер. Но крепость сдалась без боя. Вернее, без боя сдался профессор, к которому миссис Силвер обратилась за помощью, взволнованная известием о возвращении Стивена. Отец семейства встретил Стивена в той же гостиной и привел его в полное замешательство разговором о будущем, который резко отличался от происшедшего здесь два года назад. Профессор с изрядной уверенностью толковал о вакантной должности, на которую Стивен мог претендовать... то есть фактически мог считать, что она у него в кармане.

Стивен вздрогнул и спросил недоверчиво:

– Здесь в Оксфорде, сэр?

– Именно здесь, – сверкнул глазами профессор. – Ведь Дженнифер так привыкла к этой атмосфере, – добавил он.

В итоге, все еще пребывая в полном замешательстве, Стивен оказался на улице с адресом отеля «Пимене» в кармане. В его ушах все еще звучали последние профессорские наставления:

– Ведь тебе нужно отдохнуть, правда? Надеюсь, ты ничего не имеешь против поездки во Францию? Как у тебя с деньгами? Отлично, ну, счастливого пути. Она сейчас в Лондоне у тетушки, но, будь я на твоём месте, я бы поехал прямо в Гаварни и встретился с ней там. Подальше от «Вишневого уюта» с его правилами – впрочем, ты с ними уже знаком. Там у вас будет гораздо больше шансов... Но будь поделикатнее, мой друг. Не думаю, конечно, что она такой уж хрупкий цветочек, как считает ее мать, но не спеши, не лети напролом.

И вот он сидит здесь рядом с ней, молча глядя на ее тонкий профиль и мучительно осознавая двухлетнюю пропасть, через которую придется перекидывать мостик; ему столько надо сказать ей, но сейчас еще не время, он скажет все позже. Дженни сосредоточенно изучала кончик своей сигареты и прислушивалась к напряженной тишине, возникшей между ними, – это было не прежнее, привычное дружеское молчание, и у нее сделалось беспокойно на душе. Что произошло? Почему он так озабочен? И... зачем он приехал? Ее сердце учащенно билось, но выражение лица не выдало нахлынувших на нее мыслей и чувств. Не могла же она начать первой, ведь он не сказал пока ничего определенного. А Стивен, видя ее смущение, чувствовал себя все более неуверенно и мысленно уже почти расстался со всеми своими надеждами и чаяниями.

Тупик...

Тишину разорвала тяжелая поступь хорошо подкованных ботинок мисс Шелл-Пратт и мисс Мун. Не прекращая ученой беседы, дамы встали из-за стола и двинулись в направлении гостиной.

– И как же они залегали? – Энергичная озабоченность мисс Мун обрушилась прямо на голову Стивена, когда дамы проходили мимо. – Горизонтально или все же вертикально?

– Вертикально, дорогуша, вертикально, – грубовато ответила мисс Шелл-Пратт, – и пласты залегания сильно смещены!

Дверь столовой закрылась за ними. Стивен, повернувшись, посмотрел им вслед с таким недоумевающим видом, что Дженнифер рассмеялась.

– Ума не приложу, о чем это они?

– Геология, Стивен, просто геология! Я слушала их в течение всего ланча. Неужели тебя не увлекает эта замечательная наука?

– Похоже, что нет. – Он поднялся. – Какая-то совершенно особенная наука – так мне показалось. Видимо, они из Кембриджа. Давай уйдем отсюда, Дженни. Мне бы хотелось угостить тебя ликером.

Глава 2

Прелюдия

В гостиной было людно, но они нашли два свободных кресла в прохладном уголке, и Стивен заказал напитки. В волнах долетающих до них разговоров было волнующее смешение языков и акцентов. Совсем рядом с ними три француза горячо обсуждали недавнее ограбление Бордоского банка; компания, поднявшаяся к ледниковому цирку этим утром, похвалялась перед теми, кому восхождение еще только предстояло; два швейцарских альпиниста делились опытом с французским пареньком, а где-то сбоку от Дженнифер троктолиты продолжали жить своей собственной жизнью.

– Вы еще не сговорились насчет восхождения? Тогда ни в коем случае не нанимайте мула у этого человека и...

– Бесцветный амфибол...

– ...Убивший банковского клерка. Конечно, шайка Дюпре, кто же еще. Марсея Дюпре взяли, а женщина – говорят, его сестра, – она сбежала...

– Говорю тебе, этот проклятый мул пустился вскачь...

– На высоте порядка четырех тысяч футов...

– Но попомните мои слова, ее тоже схватят... если только она уже не за кордоном...

– Слава богу, – сказал Стивен. – Кажется, несут наш ликер.

Официант с подносом, тесно уставленным бокалами, профессионально уверенно лавировал между столиками, умудряясь с истинно французской ловкостью не терять времени, но при этом он все же успевал проявлять живой интерес к предметам, столь горячо обсуждаемым клиентами. Он мгновенно улавливал нить разговора и вставлял пару слов, на ходу подавая напитки, с мастерством, свидетельствующим о солидном опыте в этом своеобразном виде прибыльных алкогольных гонок.

– Ваше перно, месье? Да, ужасное ограбление. Газеты писали, что один из преступников повесился в камере... Tant mieux...⁶ Мадам? Чинзано?.. Вы правы, Полю Леско следовало бы лучше присматривать за мулом... Да, конечно, это не мул, а черт знает что... Господа, вашим проводником был Дюбоне? Лучший проводник – Пьер Бюсак, но его редко поймаете в Гаварни, давненько он не спускался сюда на своем муле. Пожалуй, последний раз это было... Дайте вспомнить... В тот вечер была сильная гроза, недели три назад. Но если месье нуждается в проводнике, могу порекомендовать Роберта Врилака... Мадам? Ваша минеральная... Ах да, здесь везде горы... Вы знаете, все говорят, что... – Он с некоторым облегчением добежал до столика Стивена и с видом гонца, пробившегося к Аяксу с хорошей новостью, поставил перед ними бенедиктин. – Месье... Благодарю, месье...

И, пожелав Стивену удачных этюдов, он с тайным торжеством выскользнул из гостиной.

– Вот это да! Он уже и это разнюхал! – воскликнул Стивен.

– Что именно?

– Да просто я придумал себе хобби, балуюсь акварельками. Так, для отдыха – хочется иногда развлечься. Наверное, тебе они покажутся забавными.

– Вовсе не обязательно! Может, они приведут меня в восторг. Я постараюсь найти подходящие эпитеты. Но я не знала, что ты рисуешь.

– Я просто не осмеливался сказать тебе, милая. Что ж, теперь мне остается только дожидаться твоей компетентной оценки. Но оставим пока это... Насколько я понял, ты приехала навестить кузину?

⁶ Тем лучше (*фр.*).

Она кивнула, но по лицу ее пробежала легкая тень, и Стивен быстро спросил:

– В чем дело, Дженни? С ней что-то случилось?

– Н-нет... Вернее, да, Стивен. Я беспокоюсь за нее.

– Может, расскажешь?

– Конечно. По-моему, ты не встречался с Джиллиан? Она вышла замуж за Жака в тот год, когда кончилась война. Он занимался виноторговлей. В Бордо у них был уютный домик – я однажды останавливалась там, – они жили счастливо. Несколько лет назад Жак умер, а поскольку они не завели детей, то Джил осталась в Бордо практически одна. Мы были почти уверены, что она вернется в Англию. К тому же средств у нее оставалось не так много. Но она не захотела. По-моему, она вбила себе в голову вздорную идею, что будет обузой для нас, или еще что-то в этом духе. Потом мы узнали, что она стала преподавать английский в местной монастырской школе. А прошлой весной Джиллиан заболела. Не то чтобы серьезно, нет, чем-то вроде гриппа. Сама по себе болезнь не особенно опасна, но тем не менее проболела она достаточно долго. Мы снова написали ей, уговаривали бросить работу и приехать в Англию, но она решила перебраться в Пиренеи, чтобы восстановить здоровье и вообще прийти в себя.

– Сюда? В Гаварни?

– Не совсем. Она выбрала монастырь в соседней долине. Это монастырь Нотр-Дам-дез-Ораж, и при нем сиротский приют.

– Я знаю его. Вале-дез-Ораж – долина Гроз – находится в нескольких милях отсюда.

– Вот там-то, в долине Гроз, она и решила поселиться. В прошлом месяце она написала мне обо всем и предложила навестить ее на каникулах. Я ответила согласием и получила от нее еще одно письмо.

Стивен внимательно взглянул на Дженнифер:

– Из-за этого письма ты и расстроилась?

Ома медленно проговорила:

– Ей так хотелось увидеться со мной и обсудить... – Голос ее замер, глаза потемнели. –

Стивен, Джиллиан хочет стать монахиней.

Она выглядела настолько испуганной, что Стивен, сам того не желая, рассмеялся. Было очевидно, что для Дженнифер, в ее двадцать два года, католический монастырь представлялся чем-то вроде дворца далай-ламы.

– Ох уж эти мне протестантские взгляды! – воскликнул он. – Что особенного в ее желании?

Дженнифер кисло улыбнулась:

– Я понимаю. Конечно, с моей стороны глупо... Но, Стивен, я огорчена не только этим. Мне кажется, она опять заболела там, в монастыре. Я говорила, что она написала мне еще одно письмо. Это был ее последний вечер в Бордо. Взгляни, вот оно...

Она порылась в сумочке и протянула ему конверт.

Письмо было датировано двенадцатым июня. «Я ужасно рада, что ты приедешь. Мне просто необходимо повидать тебя и поговорить обо всем. Когда ты получишь это письмо, я буду уже в монастыре и, надеюсь, успею немного прийти в себя. Там, в горах, возможно, все станет проще и яснее... ты понимаешь, о чем я говорю. Сейчас мне не до того, и вообще я немного запуталась, но постараюсь разобраться и напишу подробнее, когда устроюсь в монастыре. Однако не будем опережать события. Мой старенький автомобиль еще неплохо бежит, и мы собираемся отправиться завтра на рассвете... Ты можешь остановиться в отеле „Пимене“, он не слишком дорогой, но, думаю, тебе там будет вполне удобно. А я узнаю, нельзя ли будет тебе пожить в монастыре, обычно в таких местах охотно принимают гостей, он расположен немного выше в горах. Было бы славно (и гораздо дешевле, насколько я понимаю). Я дам тебе знать, когда...»

Оторвавшись от письма, Стивен взглянул на Дженнифер и обнаружил, что глаза ее полны все той же тревоги.

– Но больше она не написала, – сказала она. – Прошло уже три недели, а от нее ни слова. Я не стала отвечать, поскольку со дня на день ждала ее весточки. Даже не знаю, добралась ли она.

– Послушай, – рассудительно начал Стивен, – не надо так волноваться. Теперь ты здесь, и все очень легко выяснить.

Дженнифер допила ликер и поднялась:

– Да, конечно. Я как раз и собиралась к ней.

Она произнесла это таким решительным тоном, что Стивен не удержался от насмешки:

– Чтобы посягнуть на ее свободу?

– Разумеется, если смогу. – Она встретилась с ним взглядом и рассмеялась. – Почему бы и нет?

– Дженнифер против Священной Римской церкви? Действительно, почему бы и нет? Но как на это посмотрит коллегия кардиналов?

– Это уж их проблемы, – невозмутимо сказала Дженни, забирая сумочку и направляясь к выходу. – Меня волнует только Джиллиан.

Образ миссис Силвер вдруг отчетливо промелькнул перед глазами Стивена, он усмехнулся и последовал за Дженнифер.

Они вышли из городка и начали подниматься в горы. Тропинка вилась вдоль долины реки Гав-д'Орсо. Домики позади них погружались в залитую солнцем впадину; за белой лентой дороги, точно брошенные в беспорядке игрушки, пестрели разноцветные крыши, церковный шпиль и горбатый мостик.

День выдался чудесный. Тропа бежала, петляя по склону то в одну, то в другую сторону. Справа круто спускались к реке зеленеющие луга, на другом берегу поднимались горные пастбища, где, тихо позвякивая колокольчиками, паслись небольшие стада. Но вот дорога повернула к югу, и впереди предстали далекие сине-зеленые кручи могучего кряжа, перегораживающего чашу долины. Поросшие сосновым лесом ярко освещенные склоны взмывали к гребням еще более далеких, задевающих небеса вершин. Ветер гнал вереницу легких облаков, вдали под солнцем белели пятна ослепительного снега, по которым пробегали их легкие тени, а за ними, вдалеке, совсем уже нереально проступали островерхие очертания гор.

Долина Гроз, как оказалось, была не так уж далеко. Она начиналась на Испанском кряже и сбегала к северу узким зеленым ущельем, несущим бурные ледниковые воды. Этот малый поток, Пти-Гав, сливался с водами Гав-д'Орсо в трех милях от Гаварни.

– Вот мы и на месте. Это и есть долина Гроз, – сказал Стивен. – Монастырь прямо за тем поворотом. – Он посмотрел на Дженнифер. – Может быть, тебе хочется дальше идти одной?

– Да, пожалуй. Спасибо за все, Стивен.

– Рад был услужить вам, – церемонно произнес он и улыбнулся. – Увидимся вечером.

Дженнифер свернула на тропу, ведущую в небольшую соседнюю долину. Неспешно продолжая путь, она достигла поворота и слева, немного впереди, увидела высокие белые стены монастыря, прилепившегося к подножию горного склона. В обрамлении сосен ярко белела на солнце стройная башенка. В тот самый момент, когда Дженни поняла, что это церковь, порыв ветра донес до нее серебристый колокольный звон и терпкий аромат богородицыной травки, или, проще сказать, тимьяна.

Она улыбалась, откинув назад голову и вслушиваясь в эти чистые всепроникающие звуки, все ее существо затрепетало, охваченное пылким восторгом. Но постепенно красота этого благовеста, разносящегося в таком странном, диковатом месте, вызвала иное ощущение – Дженни словно грезилась наяву, наслаждаясь и одновременно страшась чего-то. Дело, по которому она приехала сюда, казалось, вдруг потеряло значимость в этом возвышенном приюте колокольных звонов и плеска воды. У Джиллиан не могло быть ничего общего с этими ста-

рыми белыми стенами, поднимавшимися над вершинами соснового бора. Даже в Бордо Джиллиан выделялась своей внешностью среди француженок, а уж вообразить ее здесь... Вообразить стройную белокурую Джиллиан с глазами цвета нортумберлендского неба уединившейся в тиши долины Гроз, в монастыре... Нет, это абсолютно невозможно. Чтобы Джиллиан навеки похоронила себя в этой пустынной, дикой долине...

Дженнифер остановилась в нерешительности, глядя на отдаленные монастырские стены, словно то были стены мрачной тюрьмы или зачарованного замка, а возможно, и сама Башня Смерти в окружении стражников – скалистых гор. И она явилась, подобно возмущенному завоевателю, чтобы отвоевать Джиллиан... одна. Совсем одна. Даже слова в этом диком ущелье звучали холодно и печально.

По спине пробежал холодок, словно пролетевшая птица на мгновение закрыла солнце темным крылом. Она быстро огляделась вокруг с каким-то дурным предчувствием и мысленно выругала себя за это. Горы, казалось, притаились. Солнце немилосердно палило, и над пустынной долиной замерло все, кроме бурлящего пенного потока, отдаленных колокольных звуков да глухих ударов ее собственного сердца...

Вдруг сквозь шум воды она уловила звуки, не совпадающие с ударами сердца. Они неуклонно нарастали – *accelerando*⁷ – и раздавались откуда-то сверху. Ее охватило волнение и смутная тревога. Очевидно, в незапамятные времена так же чувствовали себя наши предки, для которых конский топот всегда означал опасность.

Стук копыт становился все четче и звонче и наконец вырвался из зарослей вместе с тремя гнедыми лошадьми, несущимися вперед с развевающимися гривами и вытянутыми шеями.

Дженнифер быстро отступила с тропы, но предосторожность оказалась излишней – кавалькада двигалась другим путем. Всадник на первой лошади устремился вниз, прямо по цветущему склону, навстречу потоку. Две другие лошади, без всадников, нырнули вслед за первой. Дженнифер поймала на себе быстрый взгляд; наездником оказался похожий на испанца юноша лет восемнадцати с сильным и гибким станом и смуглым лицом. Он легко и изящно держался в седле, казалось не прилагая ни малейших усилий; его головокружительный спуск пробуждал ощущение силы и какой-то дикой радости. Наездник и конь словно слились в единое целое; у реки, насколько Дженнифер могла видеть, всадник натянул поводья, сдерживая бешеный галоп, конь подобрался и перелетел через бурлящую стремнину. Следом прыгнули и две другие лошади – фонтан брызг обдал высокие шеи, солнечный свет, поблескивая, стекал с их упругих летящих тел.

Юноша и лошади – зрелище было так ослепительно прекрасно, что у Дженнифер перехватило дыхание. Она слегка прищурилась, ей виделся безупречный полет сияющих стрел, летящих к центру золотого диска мишени...

Звонкий перестук копыт пропал: лошади взбирались на противоположный склон, из-под копыт сбежал вниз быстрый сухой ручеек камней, и вскоре всадник и кони скрылись за голыми скалами.

Колокол умолк. Пыль, поднятая бешеной скачкой, начала оседать.

Местный паренек, видимо, просто забрал домой с фермы лошадей, которые там работали, подумала Дженнифер.

Она стряхнула с себя это затянувшееся наваждение и решительно направилась к монастырю.

⁷ С ускорением (*ит.*).

Глава 3

Вопросы и ответы

Темный свод массивных деревянных ворот, подвешенных на кованых петлях, подчеркивал белизну высоких и глухих монастырских стен. Подергав за старинный колокольчик, Дженнифер ждала, с напряженным вниманием прислушиваясь к раскаленной тишине. Кузнечик перепрыгнул через ее тень, словно веером взмахнув зеленовато-голубыми лапками, крошечная ящерица скользнула по гладкой поверхности камня – они казались неотъемлемой частью окружающего зачарованного безмолвия. Густой запах вздымающегося за монастырем соснового леса плыл в прозрачном воздухе и тоже навевал какие-то волшебные воспоминания.

Розовощекая девочка, отворившая наконец ворота, рассеяла магический ореол. Вероятно, это была одна из сироток, взятых на воспитание благочестивыми сестрами; на вид ей казалось не больше четырнадцати лет. Крепенькое юное создание было облачено в традиционное серо-голубое хлопчатобумажное платье. Ее круглое личико дышало здоровой яблочной свежестью, из-под платья выглядывали смуглые, как орех, голые ноги. Она застенчиво улыбнулась, распахнутые голубые глаза с любопытством уставились на Дженнифер.

Дженнифер сказала по-французски:

– Моя фамилия Силвер. Дженнифер Силвер. Меня, наверное, ждут. Я приехала навестить мою кузину, мадам Ламартин. Ведь она живет здесь?

Этот незатейливый гамбит вызвал совершенно неожиданную реакцию. Улыбка исчезла с румяного личика, будто быстрое облако набежало на солнце и смыло глянцевого блеск с яблочного бочка. Девочка молча попятилась с явным намерением тут же захлопнуть ворота.

– Надеюсь, – вежливо продолжала Дженнифер, – я прибыла в подходящее время? Ты позволишь мне войти?

Девочка, все еще тараща глаза, открыла было рот, но так ничего и не сказала. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, обутая в шлепанцы на веревочной подошве.

Дженнифер в недоумении начала сначала:

– Тебя не затруднит... – Внезапно ее осенила догадка, и она спросила: – Ты ведь французка, а не испанка?

Девочка быстро-быстро закивала, похоже было, что она вот-вот истерически рассмеется.

– Тогда будь добра, – твердо проговорила Дженнифер, абсолютно не понимая, почему этот онемевший ребенок не выпускает ее, – проводи меня к кому-нибудь из старших. Проводи меня, пожалуйста, к матери настоятельнице.

После этого, слава богу, девочка отворила створку ворот. Дженнифер очень не понравился тревожный огонек, все еще горевший в застывших, словно зачарованных глазах – а в их фарфоровой блестящей голубизне притаилось смятение, больше того, безотчетный страх. И похоже, за этим крылось не просто смущение или испуг, испытываемый при встрече с незнакомым человеком. По спине Дженни пробежал холодок, точно состояние девочки начало передаваться ей. Дженнифер строго сказала себе, что все это не иначе как причуды ее подсознания, в котором засело с полсотни романтических сказок о тайнах, скрытых за монастырскими стенами, испокон веку дававших пищу суеверным страхам. И еще она сурово напонила себе, войдя за испуганной сиротой в узкий дворик, что здесь трудно ожидать чего-нибудь в духе романов Анны Радклиф, у которой монастырские кельи и полночные ужасы, как день и ночь, просто не могут существовать друг без друга, и к тому же это место отнюдь не напоминало погруженное в крошечную тьму Трансильванское ущелье. Сия скромная и тихая обитель, основанная, очевидно, в Средние века, мирно грелась в лучах современной жизни.

Дворик, по которому вела ее девочка, решительно не укладывался в беллетристический шаблон монастырских описаний, здесь не было и намека на суровые бичевания или на заточен-

ных в подвалах узниц. Волны раскаленного воздуха зыбким маревом поднимались от земли, буйно выходящий по оштукатуренным стенам плющ почти скрывал стрельчатые окна. Сам двор казался источником тишины, неким средоточием безмолвия и зноя, где воздух словно препятствовал любому движению, а посередине в слегка пожухшей траве возвышался сруб колодца, над которым застыла в неподвижности разохшаяся бадья.

Два крыла монастырского здания тянулись по южной и восточной сторонам двора, в месте их соединения поднималась над кровлей квадратная башня церкви. Девочка направлялась через двор туда, где между южным крылом и церковью темнела стрельчатая арка, ведущая в монастырский сад.

Под сумрачными сводами было замечательно прохладно. Дженнифер замедлила шаги, с признательностью глядя на холодные камни, дарящие желанную свежесть. Несколько пологих ступеней по левую руку вели в вымощенный плитами коридор; чуть дальше впереди виднелась темная дверь, рядом свешивались по стене колокольные веревки, – по всей видимости, это был вход в церковь. На противоположной стороне находилась еще одна дверь, которая, как выяснилось позже, вела в трапезную и кухню, а над ними, на втором этаже, располагались кельи сирот и послушниц.

Юная провожатая быстро поднялась по ступеням, ведущим в центральную часть здания, где, очевидно, размещались основные службы. Здесь их снова встретило солнце, правда на этот раз его блеск смягчали роскошные узоры витражей – павлиний хвост теней с золотыми, нефритовыми и аметистовыми пятнами расстился по плитам вестибюля, достигая нижних ступеней мощной каменной лестницы.

– Мне кажется, – начала Дженнифер, но ее спутница почти бежала по коридору. – Мне кажется...

Испуганно взглянув на нее, девочка устремилась дальше, ее голые ноги быстро мелькали, расцвеченные россыпью гранатовых, янтарных и изумрудных оттенков. «Стойте, ждите, идите», – смятенно думала Дженнифер, заталкивая миссис Радклиф обратно в преисподнюю, откуда та упрямо высовывалась. Дженни поспешила вперед, цветные пятна скользнули с ее платья и погасли в полумраке облицованных панелями стен лестничного марша, по которым были развешаны небольшие и явно посредственные картины со смутно проступающими под толстым слоем лака изображениями святых. Конечно же, святой Себастьян, в изобилии утыканный стрелами, и святая Тереза, чудом только и удерживающаяся на своем облаке; третья фигура совсем туманно проступала сквозь темную лакировку, зато хорошо было видно ее окружение, состоящее из голубей, гусей, аистов, снегирей и еще каких-то птиц вроде австралийских попугаев... Святой Франциск со товарищи остался позади, и Дженнифер, догоняя свою провожатую, вошла в длинный коридор второго этажа. Солнечные лучи беспрепятственно проникали сюда сквозь простые оконные стекла, ярко освещая побеленные стены и ряд светлых дверей. В нишах между окнами тоже располагались фигуры святых, которые выигрывали от отличались от мрачных живописных изображений на лестнице. Яркостью своих ало-голубых с позолотой нарядов эти небольшие статуи соперничали с веселым разнообразием живых цветов, расставленных у их подножий.

Миссис Радклиф, пораженная в самое сердце, зачала и растаяла в этом изобилии света, и Дженнифер с непреклонной решимостью, которая заставила сироту замереть посреди коридора, проговорила:

– Постой, пожалуйста.

Девочка обернулась и посмотрела на нее.

– Смогу я все же увидеть сегодня мою кухню?

Вместо ответа, к изумлению Дженнифер, сиротка вдруг взвизгнула и крепко зажала рот руками. В ее голубых глазах по-прежнему было испуганное выражение. Она судорожно вздохнула и ничего не сказала.

– Но послушай, – начала Дженнифер и, поскольку беспокойство ребенка передалось ей, встревоженно закончила: – Что-то случилось? Может, кухня больна? Ведь мадам Ламартин у вас, правда?

Девочка, все еще зажимая ладошкой рот, прерывисто дышала, и тут Дженнифер совсем смутилась и испугалась, увидев, что эти распахнутые печальные глаза полны слез. Она склонилась к девочке, но та увернулась и со всех ног бросилась бежать по коридору. Звук ее шагов быстрой чечеткой скатился по лестнице, удаляясь, простучал по плиточному полу вестибюля и затих.

Брошенная в пустынном коридоре, Дженнифер некоторое время ошеломленно смотрела вслед убегающей девочке, потом, мысленно встряхнувшись, огляделась.

Справа тянулся ряд закрытых дверей, слева – святые, пребывающие в нерушимом спокойствии, а в самом конце солнечной галереи, в тупиковой стене, была еще одна особая дверь. О том, что эта дверь не простая, можно было догадаться по затейливым накладкам чугунного литья, украшенным завитушками. Наверняка за ней находится комната настоятельницы, туда, видимо, и вела ее девочка. Однако Дженнифер стояла в нерешительности – глубокая тишина вокруг действовала угнетающе. Надо было дойти до конца коридора и просто постучать в ту дверь, но с каждой минутой это казалось все более невозможным. Здешнее безмолвие пугало – Дженнифер вдруг вспомнила, что с момента их встречи девочка не произнесла ни слова. «Может быть, это такой монастырь, в котором все дали обет молчания, – в тоске размышляла Дженни, все еще стоя посреди коридора. – Трапписты – так они называют себя... или орден траппистов – мужской? Да кто же все это запомнит?..»

Но тут волосы у нее на затылке зашевелились, точно по ним пробежал сухой ветерок. Она спиной почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Дженнифер оглянулась и увидела лишь ясные карие глаза святого Антония, улыбающегося ей с высокого постамента в окружении иммортелей и погасших свечей. Святой Антоний, нашедший утраченное... В его застывшей улыбке не было ничего, что могло вызвать у Дженнифер недавний мистический страх. Отвернувшись, Дженнифер встретила взгляд неподвижной черной фигуры, стоявшей, точно еще одна статуя, в проеме распахнутой двери. Но ведь только что дверь была закрыта! И эта статуя глядела живыми, настоящими глазами.

Одуряющее безмолвие этого странного места сделало свое дело: мозг Дженнифер на мгновение отключился, отказываясь воспринимать тот очевидный факт, что перед ней наконец появилась одна из обитательниц монастыря, которая могла прояснить ситуацию. Внезапное появление монахини в длинном черном облачении привело Дженнифер в состояние шока: что-то болезненно сжалось внутри, кровь отхлынула от сердца, она перестала понимать, что к чему. Разве она не ожидала, что в этом залитом солнцем коридоре появится монахиня в полном облачении? Но, видимо, такова была магия высокогорной долины, гнетущего молчания монастыря и необъяснимого поведения сироты, что, охваченная предчувствием чего-то ужасного, Дженнифер восприняла черную монахиню как призрак, явившийся прямо из Средневековья, из времен инквизиции.

В следующее мгновение монахиня заговорила, превратившись из призрака в высокую женщину с неприятным и властным голосом:

– Buenos días, señorita⁸. Преподобная мать настоятельница сейчас занята, но, наверное, я смогу быть вам полезной. Пожалуйста, проходите.

Комната, куда вошла Дженнифер, как, впрочем, и монастырь в целом, носила все тот же отпечаток бедности. Скучная обстановка маленькой квадратной кельи состояла из узкой кровати, жесткого стула, комода и анаоя. Выскобленных до белизны половиц никогда не оскорбляла щетка полотера, а незатейливый анаой точно специально располагался так, чтобы взгляд

⁸ Добрый день, сеньорита (исп.).

молящегося был обращен не к прекрасной перспективе залитых солнцем горных лугов, а утыкался в грубо вырезанное распятие, со всей очевидностью напоминавшее о том, что оно есть орудие пытки. «Этот дух святости, – подумала Дженнифер, проходя в сумрачную стерильность комнаты, – слишком сильно отдает власяницей». Если для сестер монастыря Богоматери Гроз такая жизнь была привычной, то Джиллиан она подходила менее всего.

Обитательница кельи тихо прикрыла дверь и обернулась.

Черты ее лица, хорошо видимые теперь в ровном свете из небольшого окна, выдавали испанское происхождение, так же как и первая произнесенная по-испански фраза. Дженнифер доводилось видеть такие породистые тонкие лица в обрамлении плоеных воротников – они гордо взирали со старинных полотен. Удлиненный тонкий нос с рельефными изогнутыми ноздрями, четко очерченные скулы и подбородок, тонкая линия когда-то страстных губ – породистая высокомерная пожилая испанка, изнуренная воздержанием. Только в глазах, больших темных глазах, еще тлел огонь, когда-то полыхавший ярко; полуопущенные веки, морщинистые и темно-коричневые, словно увядшие лепестки мака, прикрывали соколиную зоркость взгляда. Некогда эти глаза сверкали, но сияние давно потускнело и ослабело, сейчас их застывшее холодное выражение напоминало обсидиановые глаза сфинкса.

Стоя возле двери, испанка по-монашески сложила руки, спрятав их в складках длинных рукавов. Единообразие черного платья и головной накидки не нарушалось изящным прочерком белого апостольника, обрамляющего лицо. Поверх тяжелого, длинного, до самого пола, платья было надето что-то вроде туники, подпоясанной простой веревкой. Как в Средние века (теперь Дженнифер ясно видела мысленным взором полотна испанцев семнадцатого века), капюшон полностью скрывал волосы и плотно прилегал к подбородку. Тонкое легкое покрывало спадало на спину. Если что-то и оживляло мрачный облик монахини, то это были свисающие с пояса четки и маленький нагрудный крест.

Легким наклоном головы она предложила Дженнифер присесть на единственный стул. Сама она при этом оставалась все там же, у двери.

Дженнифер села. Странно, но необъяснимое ощущение тревоги не покидало ее. Сейчас, когда Дженнифер очутилась лицом к лицу с одной из обитательниц монастыря, которая спокойно стояла в своем средневековом наряде на фоне аскетической простоты бедных стен и выскобленного соснового пола, все прежние глупые страхи и волнения, казалось бы, должны были покинуть девушку. Но отчего-то – и правда, отчего? – облик монахини в черном не успокоил, а, наоборот, обострил чувство тревоги, не покидавшее ее в эти минуты.

Рука испанки вынырнула из складок рукава и прикоснулась к нагрудному кресту, повергнув Дженнифер в глубокое изумление: на тонкой белой руке сверкнул перстень с массивным аметистом, его мягкий женственный свет резко выделялся на черной ткани платья. Словно замороженная, девушка, не отрывая взгляда, следила за движениями руки, тут же отметив про себя, что и накидка, и платье приглушенно поблескивают волнами дорогого шелка. Покрывало тоже было шелковое и тонкое, как батист.

И этот крест с рубинами, который трогают длинные пальцы... Строгое сияние рубина перекликалось с нежными оттенками аметиста. Эта роскошь была какой-то безрадостной, а на фоне строгих голых стен казалась даже отталкивающей.

– Так чем могу служить? – произнес невозмутимый четкий голос.

Дженнифер тут же решительно отбросила свои мимолетные и, учитывая нервное состояние, возможно, субъективные впечатления и без промедления перешла к делу:

– Моя фамилия Силвер. Насколько мне известно, моя кузина, мадам Ламартин, живет в вашем монастыре...

Она умолкла, сама не вполне понимая почему. Выражение смотревших на нее черных глаз не изменилось, лишь рубин на груди женщины полыхнул и погас. Но испанка ничего не сказала. Дженнифер спохватилась и немного торопливо стала объяснять:

– В письмах она просила меня навестить ее. Как она и советовала, я сняла на две недели комнату в Гаварни. Я приехала сегодня утром и поднялась сюда в надежде поскорей увидеться с ней. Это возможно или я пришла не вовремя?

Она выжидательно замолчала.

Испанка не торопилась с ответом. Помедлив, она переспросила:

– Вы кузина мадам Ламартин?

– Да.

– Она говорила, что вы можете приехать и встретиться с нею здесь?

– Да, – ответила Дженнифер, пытаясь скрыть свое нетерпение.

– Но вы англичанка?

– Так же как и она. Она вышла замуж за француза, и ее мать была француженкой, но сама она англичанка.

– Но... – начала было женщина и остановилась.

Тяжелые веки медленно опустились, не успев, однако, скрыть вспыхнувшее в глазах удивление. Это было не просто изумление, к нему явно примешивалось еще что-то. Но что именно – Дженнифер не смогла разобрать. Пауза затянулась.

– В чем, собственно, проблема? – спросила Дженнифер. – Наверняка она упоминала, что я должна приехать. Вот я и приехала, ведь она не попросила меня отложить поездку.

Глаза ее собеседницы были по-прежнему прикрыты веками. Она произнесла медленно, каким-то отсутствующим тоном:

– Нет, она не упоминала об этом. Мы не предполагали, что у нее есть... родственники.

Последняя фраза прозвучала на редкость фальшиво, и Дженнифер вновь почувствовала сильную тревогу. Она сказала, пытаясь сохранять вежливость и спокойствие:

– Понятно. Значит, мое появление – полная неожиданность. Извините. Но все же мне не терпится встретиться с ней. Пожалуйста, сестра, не могли бы вы проводить меня?

Дама в черном продолжала стоять как монумент, и внезапно терпение Дженнифер лопнуло, все волнения последних минут окончательно утвердили ее в дурном предчувствии. Она вдруг поняла, что должна немедленно увидеть Джиллиан: к чему эти глупые вопросы, просто абсурд какой-то, ведь монастырь не тюрьма. Во всяком случае, Джиллиан еще не приняла обет, и даже если в этой обители строгие правила, они пока что на нее не распространяются. Почему тогда на каждом шагу она словно наталкивается на невидимую стену? Дженнифер начала понимать, что странное поведение девочки и расспросы монахини свидетельствуют о существовании необъяснимых препятствий на ее пути к Джиллиан.

Она заговорила спокойно, уже овладев собой:

– Я знаю, что моя кузина болела, она писала мне об этом. Может быть, она все еще больна? С вашей стороны было бы очень любезно сказать мне правду. И в любом случае мне бы хотелось повидать ее.

Ее слова наконец возымели какое-то действие. Тяжелые веки поднялись, и она вновь встретилась с холодным неподвижным взглядом.

– Боюсь, это невозможно.

– То есть как – невозможно? – резко сказала Дженнифер. – Вы не имеете права! Ведь она здесь, не так ли?

Глаза испанки опять полыхнули затаенным огнем, и совсем неожиданно Дженнифер почувствовала, как в ее душу закрадывается холодный липкий страх.

– Она здесь? – повторила она.

– О да, – сухо сказала испанка, – она здесь. Она умерла две недели назад и похоронена на нашем кладбище. Проводить вас туда?

Глава 4

Прогулка по райскому саду

Еще не осознавая всей трагедии случившегося, Дженнифер как во сне следовала уже пройденным путем за своей провожатой. Глухие двери и сияющие окна, безучастные святые, прозябающие в своих нишах... «Я нашел утраченное...» Незамеченной промелькнула гипсовая улыбка святого Антония. Не поднимая глаз, Дженнифер медленно сходила по широкой лестнице, провожаемая взглядами святого Франциска, святой Терезы, святого Себастьяна... Утешение, сострадание исходило от темных полотен, но Дженни на них даже не взглянула. Вестибюль, еще полный переливчатого света, который роился в солнечных лучах синевато-пурпурно-топазовой пылью. Прохладные гулкие арочные своды, вход в церковь – все это мелькало и тут же таяло, словно мираж.

Здание осталось позади, и на них обрушилось великолепие цветущего сада.

Если главной особенностью этого монастыря была бедность, то сад напоминал рог изобилия. Но даже здесь чувствовалась строгая монашеская рука: не было естественной красоты цветущих лужаек, только строгие клумбы под персиковыми деревьями, покрытые ковром лаванды, чабреца и лилового розмарина, а чуть дальше, вдоль стен, тянулись ряды яблонь и груш, под которыми колыхались серебристые волны шалфея. Абрикосовая аллея служила границей виноградника, сдерживая буйство виноградных лоз. Под деревьями на аккуратных грядках алели сочные помидоры. В конце обсаженной самшитом дорожки, точно на страже, стояли два апельсиновых деревца с симметричными кронами, увешанные глянцевыми зелеными плодами; они в точности походили на сказочных гвардейцев, охраняющих врата волшебной страны или райского садика, словно срисованного с полустертой средневековой гравюры. Базилик, огуречник, шафран, иссоп, можжевельник, анютины глазки, голубой мускатный шалфей и скромный лимонный тимьян... Здесь царил запах разогретой влажной земли, а пряные ароматы трав и смолистый дух окрестных сосен сонно смешивались со свежестью лаванды. Птичьих песен не было слышно, но воздух наполнял громкое жужжание пчел.

Ничего этого Дженнифер, даже смутно, не воспринимала, впрочем, как и ее мрачная провожатая, у которой, видимо, были к тому свои, не менее уважительные причины. Опустив голову, монахиня быстро проследовала между апельсиновыми деревьями по дорожке, окаймленной стройными бордюрами, за которыми сонно колыхались маки, в направлении чугунной калитки в восточной стене сада. Неподалеку от стены она вдруг судорожно дернулась – пчела ли прожужжала возле самой щеки, ящерица ли промелькнула у ног, или просто спелый абрикос беззвучно упал в траву, – и при виде этого резкого движения Дженнифер неожиданно пришла в себя. Она замедлила шаги и сказала:

– Сестра, одну минуту...

Монахиня обернулась. Белые руки вновь исчезли в складках рукавов, рубин же ярко горел на солнце. Тень персикового дерева сплела солнечный узор на ее платье и набросила вуаль на верхнюю часть лица.

– Пожалуйста, – сказала Дженнифер, удерживая ее легким движением руки, – подождите минутку. Пожалуйста, расскажите мне немного о случившемся. Вы же понимаете, какой это удар. Мне бы хотелось узнать, как... как все произошло.

– Что именно вы хотите знать?

В подобных обстоятельствах сам этот вопрос звучал уже достаточно странно, а сухой голос и абсолютное безразличие монахини привели Дженнифер в ярость. Она окончательно сбросила с себя печальное оцепенение и сказала запальчиво:

– Разве не естественно, что я хочу знать обо всем? Я приехала сюда в надежде повидаться с кузиной. Я ничего не слышала о ней с тех пор, как три недели назад получила ее приглашение.

Пытаюсь выяснить, где она, и наталкиваюсь на глухую стену молчания. Наконец вы заявляете, что она умерла, и считаете, что мне этого достаточно?! Не кажется ли вам, что я имею право знать, как она умерла? И почему никто из родственников не был извещен о ее смерти?

Этот взрыв негодования не вызвал никакой реакции, монахиня стояла склонив голову, но ее покорная поза была начисто лишена смирения. Дженнифер поймала себя на поистине странном ощущении – ей показалось, что испанка вдруг занялась какими-то срочными и сложными вычислениями. Так или иначе, но результат не замедлил сказаться в изменении позы, и к концу монолога Дженнифер монахиня, видимо, была вполне готова дать ей нужную информацию. Более того, она настроилась дать полный отчет, чтобы в дальнейшем уже не возвращаться к этой теме.

– Она умерла от пневмонии. Болезнь началась после автокатастрофы, которая произошла тринадцатого июня, когда она ехала из Бордо. Очень неудачный день для каких-либо поездок: перед этим шли затяжные дожди, а под вечер, когда она уже миновала Лу, началась сильная гроза. Авария произошла чуть ниже Гаварни. Говорят, дождем размыло глинистый склон над дорогой. Видимо, автомобиль занесло, и он съехал в ущелье. Она...

– Минутку, – прервала Дженнифер гладкое повествование, – что значит «говорят» и «видимо»? Разве вы не знаете, как произошла авария? Ведь Джил, то есть мадам Ламартин, заболела пневмонией уже потом, после катастрофы. Наверное, она была в состоянии рассказать, как все случилось.

– Ничего подобного, – убежденно возразила монахиня. – Она ничего не рассказала. Я уже говорила, была буря, автомобиль сорвался в ущелье, мадам получила шок, но, к счастью, отделалась легкими ушибами. Ущелье было неглубокое. Никто не видел, как это произошло. Она сумела сама выбраться на дорогу, но идти ей пришлось далеко, да еще в такую ужасную грозу... – Под черным покровом рукавов произошло какое-то едва заметное движение. – У ворот монастыря силы покинули ее, она была почти без сознания. Мы внесли ее в дом и уложили в постель. Она вся горела и бредила до утра. Это продолжалось недолго. Через восемь дней, во вторник, она умерла. Мы сделали все, что смогли.

– Постойте... Где, вы сказали, это произошло?

– Не доезжая шести миль до Гаварни.

– Тогда почему она не обратилась за помощью в Гаварни? Зачем стремилась именно в монастырь? Ведь она шла по городку? Неужели никто не видел Джил?

Отрывистые вопросы потрясенной Дженнифер сыпались один за другим почти как обвинения, но если ее собеседницу и оскорбил этот повышенный тон, то она не подала виду – глаза ее были опущены и голос звучал ровно:

– На этот вопрос я не могу вам ответить, сеньорита. Откуда мне знать, почему она поступила так, а не иначе. Есть только факты. Она не осталась в городке и без всякой помощи одна поднялась сюда. Возможно, авария так повлияла на нее, что она помнила только о цели своего путешествия и старалась скорее добраться до монастыря. Ясно одно: у наших ворот она была уже в совершенном изнеможении. Насквозь промокшая и почти без чувств. Ее организм не справился с болезнью, она умерла.

– Да... все понятно. Вы, конечно, вызвали доктора из Гаварни?

– Конечно. – Она наконец подняла голову и взглянула на Дженнифер, и, хотя глаза были откровенно злыми, голос звучал почти спокойно. – Будьте уверены, сеньорита, уж мы сделали все возможное. В делах такого рода у нас большой опыт. Доктор осмотрел ее и сказал, что она не могла попасть в более надежные руки. – Она помолчала и добавила: – Отец Ансельм был с ней до конца. Он сказал, что она отошла с миром.

Тихий сад дышал тысячью благодатных ароматов, поднимающихся от трав и цветов. Злость растаяла, и Дженнифер почувствовала, что ее охватывает раскаяние. Она сказала взволнованно:

– Извините меня, сестра. Я не хотела сказать, что вы плохо ухаживали за моей кузиной. Уверена, вы сделали все возможное. Простите мою резкость, но это ужасно, вы понимаете? Я не могу поверить. Это невозможно... Джиллиан...

Она умолкла.

Улыбка скользнула в уголках тонких губ испанки и исчезла. Голос ее словно немного оттаял, и ответ прозвучал довольно мягко:

– Я понимаю вас, сеньорита. Вам, должно быть, очень тяжело. Возможно, я говорила слишком прямо, но нас тут учат принимать смерть как неизбежность. Поймите, мы не воспринимаем ее как трагедию, и нам трудно перестроиться на то, что для вас смерть – только горе.

– Конечно, вы абсолютно правы, – сказала Дженнифер. – И я бы, наверное, рассуждала так, не будь известие столь неожиданным. Но я проделала весь этот длинный путь с единственным желанием – повидать кузину. Это было целью моей поездки. Мы так давно не виделись, и нам надо было многое рассказать друг другу. Отчасти из-за этого мое потрясение и было таким сильным. А главное, если бы нам сразу сообщили о ее болезни, я успела бы...

– Но это было невозможно. Я же сказала, что она все время бредила. Она не могла сообщить ничего о себе и своих родственниках. Если бы мы знали о вашем существовании, то, безусловно, известили бы вас. Но она никого не упоминала.

– Да, верно, вы говорили... Единственное, – сказала Дженнифер неуверенно, точно оправдываясь, – я подумала, ведь среди ее бумаг могли быть какие-то сведения, наверное, и мое письмо...

– У нее не было никаких бумаг. – Голос испанки звучал по-прежнему мягко, и выражение лица не изменилось, но последние слова она подчеркнула интонацией. – Ничего, – добавила она с нажимом, и это прозвучало уж слишком неестественно.

«Почти как угроза, – подумала Дженнифер. – Стой! Опасно для жизни!» И вновь в глубине темных глаз испанки, за полуопущенными веками появилась (на этот раз Дженнифер не могла ошибиться) какая-то холодная расчетливость. Уверенность в том, что интуиция ее не подводит, что здесь что-то нечисто и о чем-то испанка явно умалчивает, обрушилась на Дженнифер, как удар. Не говоря ни слова и стараясь не выдать своих чувств, она следила за монахиней в ожидании объяснений, которые могли бы стереть тревогу, вызванную этим разговором. Но испанка даже не пыталась что-либо объяснить. По ее губам скользнула легкая змеиная улыбка. Дженнифер внутренне содрогнулась: как ей могло показаться, что эта улыбка согрета дружеским чувством?

Испанка с холодной решимостью направилась в сторону чугунной калитки в высокой стене сада.

– Итак, если вы хотите посетить могилу вашей кузины...

Дженнифер молча последовала за ней к выходу из сада.

Глава 5

Траурный марш (печально)

Маленький кладбищенский дворик с трех сторон окружали все те же высокие стены, а четвертой он примыкал к церкви, к дверям которой вела аккуратная дорожка. В стене напротив также была дверь, за нею, очевидно, начиналась дорога в горы, но она, в отличие от церковных дверей, была заперта и полускрыта зарослями карминно-красных роз. Этот зеленый уголок, как и сад, был полон своеобразного очарования, словно сюда не дотягивалась строгая монастырская рука. Конечно, трава была подстрижена, и немногочисленные могилки выглядели ухоженными, но горным цветам и травам было позволено цвести вдоль стен, там, где их посеял своевольный ветер, – крокусы, звездочки камнеломки, какие-то неизвестные крошечные белые и желтые колокольчики и голубой дубровник.

Испанка, шелестя по траве шелковым подолом, привела Дженнифер к могиле возле дальней стены, туда, где стелющиеся вьюнки покачивали своими граммофончиками: прикрывая свежесрезанный дерн, они явно напоминали о недавних похоронах. У могильного холмика стояла на коленях монахиня с маленькой лопаткой в руках. Дженнифер была уже в таком взвинченном и нервном состоянии, что ей показалось на редкость подозрительным и мрачным занятие этой женщины – та делала небольшие углубления в могильном холмике. Но как только очередной приступ темного животного страха прошел, Дженни сообразила, что монашка просто сажает цветы в ямки, хорошенько прижимая землю у корней ловкими толстыми пальцами. Услышав приближающиеся шаги, монашка подняла голову и улыбнулась. Ее доброе старое лицо со здоровым румянцем на щеках и голубыми глазами, окруженными сетью веселых морщинок, подействовало на Дженнифер успокаивающе.

Ее спутница с отчетливым испанским акцентом сказала по-французски:

– Это сестра Мари-Луиза. Она ухаживает за нашим садом.

Садовница разогнулась, отбросила длинные рукава, высвобождая сильные руки, и тыльной стороной ладони по-крестьянски утерла пот со лба. Рядом с испанкой она выглядела простой фермершей, ее голос и жесты подчеркивали эту разницу. На удивление небрежно она кивнула в сторону говорившей, широко улыбнулась Дженнифер и произнесла с сильным южным акцентом:

– Храни тебя Бог, дитя.

Дженнифер показалось, что это пожелание было сделано неспроста.

– Сестра Мари-Луиза, – продолжала испанка, и теперь в ее голосе явно слышались высокомерные нотки, – присматривает за делами земными.

Даже если сестра Луиза и поняла скрытую в этом замечании издевку, то виду не показала. Она хмыкнула и широко повела вокруг крепкими натруженными руками, словно в подтверждение сказанного.

– Да, сад и огород в моем ведении: кому-то ведь надо подкармливать грешную плоть сестер. – Она подмигнула Дженнифер и как-то по-домашнему добавила: – Сколько за столом – столько в царствии небесном, а в пустом-то брюхе дьявол гремит. Так и получается, что, возделывая этот Божий сад для Господа нашего, я забочусь о Его живых душах, ну а придется – и об умерших...

Ее рука погладила обложенный дерном холмик.

Холодный голос испанки лишился последних признаков выразительности:

– Эта девушка – кузина покойной мадам Ламартин, она пришла взглянуть на ее могилу.

Пожилая монахиня резко подняла голову, прищурила глаза от солнца и в первый раз, похоже, обратила внимание на выражение лица Дженнифер. Смешливые искорки исчезли из ее глаз, испачканной в земле рукой она мягко коснулась руки девушки.

– Бедное дитя.

В ее голосе было столько доброго участия, что Дженнифер вдруг почувствовала, как к глазам подступили слезы. Она стояла, не в силах сдержать их, и постепенно голубизна и золотистая зелень кладбищенского уголка слились в дрожащей туманной дымке. Сквозь слезы она видела, как испанка молча направилась ко входу в церковь. Когда высокая темная фигура скрылась под сводами храма, Дженнифер неожиданно для себя испытала огромное облегчение.

Сестра Луиза, все еще стоя на коленях у могилы, снова коснулась руки девушки.

– Посиди со мной, дитя, – мягко сказала она.

Дженнифер, ни слова ни говоря, опустилась рядом, и монахиня спокойно вернулась к своей работе. Они помолчали.

– Ты только что узнала о ее смерти? – спросила наконец монахиня.

– Да.

– Так я и думала. Никто из нас не подозревал, что у нее есть родственники, она ничего не говорила о вас. Не знаю почему, но мы считали, что она одинока. – Ее короткие сильные пальцы вновь ласково коснулись травы. – Вот ее могила.

Дженнифер молча кивнула. Чувствуя под рукой теплую свежесть травы, она успокоилась, и маленькие звездочки соцветий наконец перестали расплываться и снова стали четкими. Она вытерла слезы.

– Поплачь, если хочется, – сказала сестра Луиза. – Я стара, и мне незачем лукавить. Мне тоже немного страшно думать о делах, которые ее милость называет «неземными», но зато я понимаю, что приносит утешение в такое время, а что нет. И знаю, что сейчас не будет никакого толку от разговоров о том, как хорошо твоей кухне там, куда она ушла. Ведь сейчас ты, понятное дело, не в состоянии воспринимать такие рассуждения. – Она решительно опустила в лунку очередной цветок. – Поэтому давай, поплачь, поплачь. Вот справишься со своим горем, пройдет время, и ты, наверное, поймешь, как она счастлива.

– Счастлива?

Монашка глянула на нее своими мудрыми глазами.

– Да, – сказала она и, взяв следующий цветок, начала старательно расправлять корни. – Тебе рассказали, как это случилось, дитя мое?

Она мотнула головой в сторону молчаливых зданий.

– Да. – Дженнифер почувствовала, что голос ее достаточно окреп. – Она... сестра, которая привела меня сюда, рассказала.

Сестра Луиза разогнула спину.

– Она?! Значит, ты не виделась с матерью настоятельницей?

– Как я поняла, она занята. И эта сестра встретила меня вместо нее.

– Никакая она не сестра, – брякнула старушка до крайности по-житейски. – Она не принадлежит к нашему ордену и, надеюсь, принадлежать не будет, хотя бы пока жива мать настоятельница. Да, именно так. – Она заметила изумленный взгляд Дженнифер и улыбнулась, точно немного смущенный старый гном. – Пусть я оказываю слишком уж большое предпочтение делам земным, я и понесу за это наказание. Но я же живой человек, и нельзя без конца испытывать мое терпение, а ее милость только тем и занимается. «Сестра Мари-Луиза... – подражая, проворковала она своим южным говорком, и Дженнифер невольно начала улыбаться, – ведает делами земными!...» Пресвятая Дева, а чем она-то сама ведает, в своих шелках да кольцах? – Она схватила цветок и ловко вогнала его в лунку. – И зачем совать нос в чужие дела? Ведь надо же так расстроить человека! Плохие новости можно сообщить по-разному, и сразу видно, что она не умеет этого делать. Спору нет, хозяйство она ведет отлично, лучше некуда, но пускай и не пытается играть роль матери настоятельницы. Я всегда это говорила и буду говорить. – Она хорошенько встряхнула цветок и скосила глаза на Дженнифер. – Ага, мне удалось заставить тебя улыбнуться, девочка. Многое простится мне за это.

Было очевидно, на что она намекала: испанка выглядела по-монашески только благодаря изысканно-торжественному черному облачению да внешним аксессуарам – кресту и четкам. «Неудивительно, что ее роскошный наряд смотрелся как-то фальшиво», – подумала Дженнифер и взглянула на простое саржевое платье, льняное покрывало и белый изгиб апостольника, обрамляющего доброе старое лицо. На груди висел серебряный крестик, на потемневшей от работы руке блестело золотое колечко Христовой невесты. Она стояла на коленях, из-под платья выглядывали ноги в грубых черных чулках и изрядно стоптанных туфлях.

Тем временем старушка тараторила дальше:

– Да-да, донья Франциска заведует хозяйством, ну и прекрасно. У нее есть голова на плечах и хватка... Вот только не совала бы она нос в чужие дела...

Но тут сестра Луиза с запозданием спохватилась и умолкла. Когда она заговорила снова, ее голос звучал уже гораздо менее запальчиво:

– Она пришла из-за гор во время беспорядков в Испании. Много лет тому назад. Она знатного рода, древнего как мир и очень богатого. Насколько я поняла, все ее родичи – особы, приближенные ко двору... Одна фамилия чего стоит: де-что-то, эль-что-то, и-что-то и так далее – одно суесловие, как ты понимаешь. Но они приняли участие в тех беспорядках и потеряли все... Подробностей не знаю, ведь она считает ниже своего достоинства делиться с такими, как я. Но одно ясно: ей пришлось покинуть Испанию из-за каких-то темных делишек. Мать настоятельница давно знакома с их семьей, говорят, они когда-то делали весомые вклады в казну нашего ордена. Видно, поэтому мать настоятельница и позволила ей остаться, хотя никогда не предлагала вступить в общину. А я слышала, что она с самого начала ужасно хотела вступить.

Невольно заинтересовавшись, Дженнифер спросила:

– Неужели за все эти годы она не была, как это говорят, посвящена в духовный сан?

Сестра Луиза хихикнула явно не по-монашески:

– Вот уж нет. Непонятно, но я, конечно, не в курсе всех обстоятельств, а каждый скажет, – она снова заговорщицки подмигнула, – каждый скажет, что мать настоятельница и слышать не желает об этом, как бы хорошо донья Франциска ни вела дела нашего монастыря. Нет призывания свыше, – добавила она, посадив в землю очередное растение. – Так, по крайней мере, говорят.

Дженнифер, мысленно возвращаясь к их сегодняшнему разговору, вспомнила то высокомерное величие, скрытое под неподвижной аристократической маской, огонь, тлеющий под полуопущенными веками, и подумала, что вполне понимает очевидно продуманное вмешательство испанки в дела настоятельницы. И изысканный наряд, наверное, тоже продуман до мелочей. Непонятно было другое: почему такая особа предпочла миру сие скромное уединение. Может, объяснение кроется в ее семейных делах? Внезапно Дженнифер вспомнила, что несколько раз назвала донью Франциску «сестрой» и та ни разу ее не поправила.

Сестра Луиза не сводила с девушки пронизательных голубых глаз.

– Ты, наверное, думаешь, что я злая старая сплетница? Может, и так, но если моя пустая болтовня немного отвлечет тебя от тяжелых мыслей, то в ней больше пользы, чем вреда. Тебе уже лучше, детка?

– Да, спасибо вам, сестра. Я... честно говоря, я еще не осознала... Мне просто не верится, что Джиллиан... Я имею в виду... – Совсем запутавшись, Дженнифер немного помолчала. – Если бы я видела, как все это произошло, тогда – другое дело, понимаете?

– Понимаю. Но ведь донья Франциска должна была обо всем рассказать тебе.

– Не знаю. Мне показалось, что она почти ничего не сказала, или, возможно, я была так поражена, что не восприняла и половины. Я поняла только, что произошла авария и что в сильную грозу моя кузина добралась до монастыря, заболела и умерла.

– Увы, дорогая, так оно и было. – И она привычно перекрестилась, даже не стряхнув землю с руки. – В ночь на понедельник была ужасная гроза. Недаром же эту долину зовут долиной Гроз. – Она вопросительно посмотрела на Дженнифер. – Ты англичанка?

– Да.

– А кузина – француженка?

– Нет, тоже англичанка.

Монахиня изумилась:

– Англичанка? Но она говорила по-французски...

– О да. – Дженнифер пустилась в объяснения: – Она в совершенстве знала французский. Понимаете, мать ее была француженкой, и потом она вышла замуж за француза. Но отец англичанин. Они родом из Северной Англии.

– Ясно, – кивнула старушка. – Все же странно, что она ничего не говорила о них и даже о своем муже.

– Он умер, не очень давно.

– А-а, понимаю. Погоди, а она знала о твоём приезде?

– Конечно знала. Она сама пригласила меня. Она и посоветовала мне остановиться в Гаварни, но писала, что узнает, нельзя ли мне будет пожить несколько дней в монастыре.

– Тогда, – блеснув глазами, сказала сестра Мари-Луиза, – тем более странно, что она никому не сообщила о тебе.

– Сначала мне тоже так показалось, – сказала Дженнифер, – но раз она все время бредила и горела в лихорадке, то, видимо, просто была не в состоянии вспомнить...

– Так-то оно так. Но ведь были моменты, когда она приходила в себя. Вот что странно...

Дженнифер, присев на пятки, уставилась на сестру Луизу:

– Значит, она все же приходила в себя?

– Конечно. Ты же знаешь, как это бывает: периоды бреда у таких больных сменяются периодами прояснения. Понятное дело, лихорадка сильно ослабляет человека, но сознание вполне ясное. По-моему, у нее были такие периоды.

– Но, – сказала Дженнифер, – донья Франциска дала мне понять, что Джиллиан, моя кузина, все время была в беспамятстве. И просто не могла вспомнить обо мне.

Сестра Луиза как-то не по-монашески передернула плечами:

– Ну уж не знаю, что тебе и сказать, девочка. Сама-то я не видела твою кузину, но от Селесты точно знаю...

– От Селесты? Кто она?

– Это одна из сироток, самая старшая и милая девочка. Она вместе с доньей Франциской ухаживала за твоей кузиной.

– Донья Франциска сама за ней ухаживала?

– Ну да. Она очень опытна в таких делах. Именно она привела твою кузину сюда и настояла, чтобы она сама и Селеста ухаживали за ней. Понимаешь, ведь у нас маленькая община, и хотя донья Франциска очень норовистая дама и высоко задирает свой испанский нос, – она вдруг улыбнулась, – но в болезнях разбирается. Уж я-то по себе знаю: зимой меня обычно донимает ревматизм, и она всегда помогает мне.

– Значит, Селеста рассказывала вам, что у кузины были моменты просветления?

– Уж и не помню, что она говорила, но я поняла именно так. На самом деле из-за этого-то я и копаюсь здесь. Ты же знаешь эти цветочки, девочка?

– Нет. О чем вы?

– Гентиана. Веселенький цветок. Его еще называют горечавкой. Весной вся могилка будет ярко-голубой. Ярче, чем те выюнки.

Дженнифер глядела на нее, недоумевая:

– Да ведь...

– Сейчас горечавки цветут уже только в горах, понимаешь? Посмотри, вот букетик в вазочке. Но те, что я сажаю, зацветут весной. Я специально накопила их, чтобы к весне над ней зацвели горечавки. Ты ведь знаешь, как она любила синий цвет. Селеста говорила мне. Потому-то я и подумала, что твоя кузина иногда приходила в себя, раз уж она рассказала Селесте о своих любимых цветах. Вряд ли она говорила об этом в бреду.

– Вряд ли. Но...

– Селеста обычно собирала их для нее. И когда твоя кузина умерла, я решила, что обязательно посажу их на ее могиле. – Она кивнула в сторону других покрытых цветами холмиков. – Это единственное, что я могу для них сделать. Сестра Тереза, как видишь, любила анютины глазки, а старушка сестра Марианна все твердила, что самые веселые – горные маргаритки. А горечавки расцветут у твоей кузины.

– Спасибо. Вы очень добры.

Но голос Дженнифер почему-то дрожал, словно она задыхалась, и старая монахиня с удивлением взглянула на нее.

– В чем дело, детка?

Дженнифер не отвечала. Она сидела, глядя на свои зажатые в коленях руки, и отчаянно пыталась собраться с мыслями и разобраться в этих новых, поразивших ее сведениях.

– Ну-ка перестань. Что с тобой?

Дженнифер подняла голову, откинула со лба прядь волос, точно хотела отбросить тень сомнений. Она спокойно встретила встревоженный взгляд добрых глаз.

– Сестра Луиза, моя кузина была дальтоником.

Старушка озадаченно посмотрела на нее и машинально подобрала лопатку. Потом взяла очередное растение и принялась сажать его.

– Да?..

– Вы понимаете, что это означает?

– Ну конечно. В молодости у меня был приятель, так его брат страдал этим. Никто ничего и не узнал бы, не пойдя он работать на железную дорогу. Вскоре это выяснилось, и его уволили. Оно и понятно, ведь там светофоры – красный, зеленый. Он не различал их. – Она приминала землю у корней цветов. – Не судьба, видно. Но все судьбы в руках Божьих. Парень пошел работать сторожем. А сейчас у него уже ресторанчик в Ментоне и шестеро детей, а жена умерла. Если бы ты знала его жену, – добавила она, похлопывая лопаткой по земле, – то сочла бы ее смерть за милость Божью. Упокой, Господи, ее душу.

– Надо же, как бывает, – сказала Дженнифер, не зная, что и ответить на сей словесный пассаж.

Сестра Луиза заметила ее замешательство.

– Так, говоришь, и твоя кузина?.. Я всегда считала, что это бывает только у мужчин, а женщины... По-моему, так доктор говорил.

– Да, – сказала Дженнифер. – Совершенно верно, обычно дальтонизм бывает у мужчин, и самая распространенная разновидность как раз та, что была у брата вашего знакомого, который не различал красное и зеленое. Но у Джиллиан, моей кузины, был очень редкий случай – тританопия.

Сестра Луиза снова бросила совочек и с нарастающей тревогой взглянула на девушку:

– Что?

Дженнифер подумала, что во французском эквиваленте это слово должно звучать как «la tritanopie». Она повторила еще раз:

– Тританопия. Это сине-желтый дальтонизм.

Сестра Луиза перевела взгляд на вазочку с синими цветами. Потом вопросительно посмотрела на Дженнифер.

– Так ты говоришь, что твоя кузина... что мадам Ламартин...

– Она совсем не различала желтого и синего, оба этих цвета для нее всегда были лишь различными оттенками серого. То есть... То есть, – заключила Дженнифер, – если бы она и увидела цветы, то не узнала бы их.

Старушка смотрела на только что посаженные на могилу цветы.

– Должно быть, я ошиблась, – робко сказала она, – но, собирая их для нее, я была совершенно уверена...

Дженнифер взволнованно склонилась к ней и коснулась ее руки.

– Нет, сестра. Вы не могли ошибиться, ведь все очень просто. И вы, и Селеста. Ведь Селеста часто собирала их для нее, не так ли?

– Так, но...

Дженнифер показала на вазочку в траве:

– Кто набрал этот букетик?

– Селеста.

– Вот именно. И она не раз говорила вам, что мадам Ламартин нравятся горечавки, что это ее любимые цветы?

– Да, да, говорила. Но постой, – все еще недоумевая, сказала старушка, – я что-то не пойму. Зачем твоей кухне надо было притворяться?... – Она оборвала фразу и пожала плечами. – Хотя сейчас это уже не важно. Ведь цветы я посадила, в общем-то, для живых. Просто памятный знак. Маргаритки, анютины глазки, горечавки... Мертвым все едино.

Она вновь взялась за лопатку и вернулась к работе. Потом быстро взглянула на напряженное лицо Дженнифер и мягко добавила:

– Ну, не расстраивайся. Что же делать... Просто ошибка...

– Но это не ошибка! – закричала Дженнифер. – Это какая-то путаница, загадка, и она очень тревожит меня! Вы же сами сказали: к чему ей было притворяться? Это глупо, тем более что она не могла... – Она не договорила и закусила нижнюю губу. Пальцы ее нервно обрывали мелкие травинки. – Как ни крути, все это совсем непонятно, – заключила она, и вдруг ей почему-то вспомнился взгляд доньи Франциски из-под полуопущенных век. И точно холодом повеяло. – Странно, – добавила она, будто разговаривая сама с собой, – еще одна непонятная вещь.

Сестра Луиза ловкими крепкими пальцами утрамбовала землю вокруг очередного цветка, потом вытерла руки о траву. Стараясь успокоить Дженнифер, она сказала:

– По-моему, девочка, здесь нет ничего загадочного. Все очень даже понятно, сама подумай. Наверное, твоя кузина сказала так просто из вежливости: Селеста ведь старалась, собирала для нее цветы, она, естественно, обрадовалась и, желая поблагодарить девочку, сказала, что это ее любимые цветы. Ты меня слушаешь? Видишь, как все просто?

– Ну да. Однако...

– Что – «однако»?

– Если она была настолько внимательна и вежлива, то явно была в состоянии вспомнить обо мне, – категорично заявила Дженнифер. – Уж об этом она должна была подумать в первую очередь.

– Ты права, конечно. Непонятно, почему она не попросила известить вас.

– А если просила? – как бы размышляя вслух, произнесла Дженнифер. В наступившей вдруг тишине она открыто встретила испуганный взгляд старушки. И, взвешивая каждое слово, сказала: – Донья Франциска ясно дала мне понять, что кузина не вспоминала обо мне и ничего не просила передать. Но, по ее мнению, это объяснялось тем, что Джиллиан умерла, так и не приходя в сознание. Судя по вашим словам, последнее утверждение неверно. Так может быть, и первое тоже?

– Не пойму я тебя что-то, дитя мое... – пробормотала старушка и умолкла. Ее испачканные в земле руки задрожали, и она сцепила их, чтобы скрыть волнение. Приятно, конечно,

немного посплетничать, но прямое обвинение – совсем другое дело. Она была явно озабочена – тревога промелькнула в ее глазах. – Не понимаю, о чем ты толкуешь.

– И я понимаю не больше, – сказала Дженнифер и сама удивилась суровым ноткам, невольно прозвучавшим в ее голосе. – А девочка, Селеста, она не могла все это выдумать?

Естественный нажим, с которым было произнесено «она» в последней фразе, моментально вызвал в памяти другой образ, точно длинная холодная тень испанки легла на траву между ними.

Губы монашки дрожали, руки беспокойно мяли траву.

– Селеста? О нет, нет. Такая добрая, хорошая девочка. Уж она-то никогда не обманывает... – Невольно подчеркнутое «она-то» опять оживило образ испанки. – Она бы не стала ни с того ни с сего говорить, что мадам Ламартин любит горечавки. И потом, такую мелочь нарочно не придумаешь.

– Это уж точно.

Дженнифер отвела глаза, чтобы не видеть искреннего огорчения старушки. Она слегка повернулась, сидя на корточках, и попыталась сосредоточить взгляд на изящной ажурной калитке. Зеленые ветви абрикосовых деревьев согнулись под тяжестью крупных золотых плодов.

– Бывает, сестра, люди выдумывают просто так, из любви к искусству, – сказала она тихо.

Старая монашка ничего не ответила.

– Послушайте, – продолжала Дженнифер, – давайте посмотрим на дело с другой стороны. Допустим, она сказала, что любит горечавки, просто из вежливости. И раз обратила внимание на такую мелочь, значит чувствовала себя достаточно хорошо. Но тогда почему же она не попросила сообщить мне? Если же ее любовь к цветам была искренней...

– То что тогда?

Сестра Луиза затаила дыхание.

– Тогда она не известила меня, – продолжала Дженнифер, – потому что не знала о моем существовании. И она не говорила по-английски, потому что не знала этого языка. Ведь так тоже могло быть.

Она сидела в напряженной позе и смотрела на старушку. Руками она так сильно обхватила колени, что костяшки пальцев побелели.

– Неужели вы не понимаете, что это значит? – почти прошептала она. – Эта женщина не была моей кузиной.

Они оцепенело уставились друг на дружку поверх трепетной синевы цветов.

– В любом случае, – сказала Дженни, – я уже не могу верить, что умершая женщина была моей кузиной Джиллиан!

Над монастырскими зданиями гулко и властно забил колокол.

Глава 6

Предзнаменования

Этот резкий звук словно вырвал их из оков смутных и темных подозрений и вернул к действительности солнечного дня. Сестра Луиза тихонько ойкнула и начала торопливо собирать свои инструменты. По-старчески скованные движения дрожащих рук выдавали ее преклонный возраст, но колокольный звон, казалось, вернул ей если не полную безмятежность, то некое состояние спокойного достоинства, приличествующее ее призванию. Собравшись с духом, она с легким укором сказала:

– Ты расстроена, дитя мое, и не знаешь, что говоришь. Такое просто невозможно... – Она не договорила, вздохнула и почти с вызовом закончила: – С чего ты взяла, что у доньи Франциски, как и у любого из нас, есть хоть малейшая надобность обманывать тебя?

Дженнифер не отвечала, поглощенная своими мыслями. Она тоже опомнилась и со всей ясностью поняла, как глупо было высказывать свои подозрения кому-либо из членов общины, к которой в какой-то мере принадлежала и донья Франциска. Последние слова сестры Луизы вряд ли можно было оспорить.

– Кроме того, – ворчливо сказала сестра Луиза, – есть же документы. У нее были документы.

Дженнифер быстро подняла голову:

– Правда?

– Конечно. Ты должна посмотреть их. Тебе все покажут, и давай не будем больше об этом, – твердо сказала старушка, беспокойно обшаривая рукой траву у могилки. – Куда подевалась моя лопатка?

– Вот она, под розами.

– Спасибо, дитя мое. От судьбы не уйдешь – вот что я думаю. Ну а теперь мне пора. Уже звонят к детской службе.

Она, кряхтя, начала подниматься. Дженнифер встала с колен и помогла ей.

– Благодарю, дитя мое, – сказала сестра Луиза и, глядя в сторону, добавила с легкой дрожью в голосе: – А что до нашего разговора, забудь о нем. Я не должна была слушать тебя. Ты слишком потрясена, и, поверь, я сочувствую твоему горю. Ведь ты и думать не думала ни о чем таком, и вдруг эта ужасная новость... – Она помедлила немного. – И может быть, ее преподнесли тебе без должной деликатности. Тебе надо отвлечься, выспаться. К утру все твои сомнения исчезнут сами собой.

– Возможно.

Сестра Луиза с возросшей уверенностью погладила руку девушки.

– Это большое несчастье, – продолжала она, – ты сильно огорчена и пока не в состоянии смириться со смертью кузины. Но завтра, поверь, завтра тебе станет легче.

– Утро вечера мудренее, – произнесла Дженнифер слегка сдавленным голосом.

Монахиня огорченно взглянула на нее. Дженнифер, спохватившись, погладила руку старушки.

– Простите меня, – сказала она, заставляя себя улыбнуться. – Вы абсолютно правы, сестра. Я в ужасном состоянии. Все это глупости. Конечно, всему есть свое объяснение. Будем надеяться, что завтра...

Сестра Луиза ухватила за это слово, точно оно было волшебное:

– Завтра. Именно, завтра. А пока возвращайся в отель. Хорошенько поужинай да выпей винца, чтобы покрепче уснуть. Ну а если к утру твои тревоги не развеются, приходи к нам. Нам нечего скрывать!

Она улыбнулась, представив себе, насколько смехотворны все подозрения. Дженни тоже улыбнулась, а старушка, уже серьезно, добавила:

– Завтра вся эта неразбериха кончится, донья Франциска и Селеста будут рады рассказать тебе все, что знают.

Улыбка сошла с лица Дженни. Она торопливо сказала:

– Вы не расскажете им, чего я тут наговорила? Я была сама не своя. Все это глупости. Пожалуйста, простите меня, и забудем об этом.

– Все забыто, – твердо сказала сестра Луиза. – Не волнуйся, девочка, я ничего не скажу. – Она с некоторым беспокойством взглянула на Дженнифер. – И помни, если возникнут новые проблемы, надо обращаться к кому следует, к матери настоятельнице! В любом случае тебе стоит повидать ее!

– Да-да. Обязательно. Я непременно зайду поговорить с ней.

– Правильно. И все сразу станет на свои места. Ну, мне надо поторапливаться, иначе опоздаю к мессе. – Она по-приятельски подмигнула Дженнифер. – Ты, наверное, считаешь меня старой грешницей, которая только и делает, что копается в саду да в огороде. Но на самом деле по числу земных поклонов я давно обогнала всех праведниц. А если и наговорила тут чего-то в сердцах, то забудь об этом.

Дженнифер ответила монашке ее же словами:

– Все забыто.

– Храни тебя Бог, девочка! Найдешь сама дорогу?

– Думаю, да, благодарю вас.

– Тогда я с тобой прощаюсь. *Au revoir, mon enfant*⁹.

– *Au revoir, ma soeur*¹⁰.

Монашка скрылась за чугунным кружевом садовой калитки, оставив Дженнифер одну на кладбище.

Она медлила, окидывая взглядом убранный синими горечавками могилу, но в этот момент дверца во внешней стене монастыря отворилась и в нее проскользнула девушка. Она аккуратно закрыла дверь, обернулась и, увидев Дженнифер, замерла на месте. Она учащенно дышала, хватая ртом воздух, как после быстрого бега. Это была юная и очень симпатичная смуглянка, ее изящная грация угадывалась даже под вылинявшей синью мешковатого сиротского наряда. Щеки девушки пылали, волосы свободно раскинулись по плечам, точно ветер, играя, распустил их. В руках ее был букет цветов.

Она постояла, неуверенно глядя на Дженнифер, потом быстро прошла по дорожке и присела у свежей могилы. Вытащив из вазочки слегка увядшие цветы, она торопливо начала при-
страивать на их место свежие.

– Ты Селеста?

Девушка смущенно подняла глаза и кивнула.

– Я кузина мадам Ламартин, – сказала Дженнифер, – и приехала к ней в гости. Мне только что сообщили о ее смерти. Сестра Луиза рассказала, что ты ухаживала за ней. Я очень тебе благодарна.

Селеста выпрямилась, оторвавшись от своего занятия, и удивленно посмотрела на Дженнифер.

– Кузина? – Печаль и недоумение смешались в ее взгляде. – Мне... Мне очень жаль вас, мадам. Наверное, ужасно узнать... услышать, что... Мне искренне жаль.

– Да, действительно ужасно, – сказала Дженнифер.

⁹ До свидания, дитя мое (*фр.*).

¹⁰ До свидания, сестра (*фр.*).

Она следила за девушкой, но красивые глаза Селесты не выражали ничего, кроме жалости и нарастающей озабоченности.

– Я не знала, что у мадам Ламартин есть кухня, – сказала Селеста. – Если бы мы знали, что у нее есть родственники...

– Вы бы, несомненно, известили их о ее болезни или, по крайней мере, о смерти? – мягко закончила Дженнифер.

– Ну конечно! – воскликнула Селеста. Она тряхнула головой, отбрасывая назад упавшую прядь волос, и внимательно посмотрела на Дженнифер. – Как странно, мадам, что она не сказала нам о вас.

– Да, да. Очень странно. Особенно, Селеста, если учесть, что она, видимо, была в состоянии вспомнить о нас.

Девушка согласно кивнула:

– Да, несколько раз ей становилось лучше, она даже разговаривала с нами. Да, в самом деле, ведь ее спрашивали, не хочет ли она сообщить о себе кому-нибудь.

– Правда? – мягко сказала Дженнифер.

– Как положено, – сказала Селеста и вновь занялась устройством букета в вазочке. – А теперь мне надо идти. И так уже опаздываю.

Она воткнула последний стебелек на место и собралась уходить. Но Дженнифер жестом удержала ее.

– погоди минутку... Я так признательна тебе за цветы.

– Пустяки.

– Наверное, было тяжело ухаживать за ней, утешать...

Дженнифер замялась, не зная, как продолжить свою мысль.

Девушка покраснела и уставилась в землю.

– Пустяки, – повторила она. – Я... я полюбила ее. – Она взглянула на Дженнифер полными слез глазами. – Мне искренне жаль вас, мадам. И то, что вы узнали об этом только сейчас, это...

Она качнула головой и закусила губу. В ее лице было столько искренней, неподдельной печали, что Дженнифер вновь заколебалась. В этот момент кто-то крикнул:

– Селеста!

Голос принадлежал донье Франциске. Девушка вздрогнула и обернулась, румянец схлынул со щек, точно отброшенная волной пена. Глядя на темную величественную фигуру, приближавшуюся к ним по дорожке, Дженнифер почувствовала, как у нее перехватывает дыхание. Подосадовав на себя, она попыталась отогнать тревогу и спокойно сказала:

– Надеюсь, я не слишком задержала Селесту, донья Франциска. Сестра Луиза рассказала мне, как она помогала вам ухаживать за кухней. Я так благодарна ей.

Тяжелые веки на мгновение приподнялись, испанка посмотрела прямо в глаза Дженнифер. Затем склонила голову и перевела взгляд на девушку:

– Уже полчаса назад ты должна была находиться в келье. Где ты пропадала?

Селеста едва слышно ответила:

– Собирала цветы на могилу мадам Ламартин.

Она стояла, не глядя на донью Франциску, и нервно теребила край платья.

Вспышка раздражения промелькнула в глазах испанки, но произнесла она довольно спокойно:

– Это хорошая мысль, Селеста. Однако осуществить ее ты могла бы значительно раньше. Даже благочестивые порывы не должны искушать тебя. Нельзя пренебрегать своими обязанностями.

– Да, сеньора.

Лицо Селесты совсем побелело, она не смела поднять глаз от земли.

– Поспеш и хорошенько подготовься к службе. – Донья Франциска украдкой взглянула на Дженнифер, не упуская из виду покорно опущенную головку Селесты. – И после трапезы немедленно зайди ко мне.

– Да, сеньора.

– Единственно, мне хотелось бы... – начала Дженнифер.

Хотя ее напряженный голос звучал несколько громче обычного, краткая властная команда заглушила его:

– Немедленно, Селеста.

Дженнифер вспыхнула, но, овладев собой, сказала самым любезным тоном:

– Вы позволите, сеньора?.. Подожди, Селеста.

Испанка выглядела совершенно ошеломленной, и даже Селеста, уже повернувшаяся, чтобы уйти, остановилась. «Похоже, донье Франциске редко осмеливались перечить», – удовлетворенно подумала Дженнифер и сказала быстро, почти скороговоркой:

– Мне бы хотелось зайти сюда завтра. Принести букет цветов и еще раз попрощаться с кухней.

Донья Франциска настороженно следила за Дженнифер.

– Конечно. Сегодня вы пережили большое потрясение, и, возможно, завтра вам захочется поподробнее расспросить нас. Заходите ко мне, когда придете.

«Королевское соизволение или королевский приказ... Что ж, вероятно, я приму приглашение», – подумала Дженнифер. Вслух она сказала:

– Благодарю вас, сеньора. – И внезапно повернулась к Селесте. – Значит, ты специально ходила в горы за горечавками? Мне, правда, казалось, что розы всегда были...

Девушка отступила и как-то сжалась. Ее бледное личико внезапно будто поглупело. В глазах промелькнул страх. Она затараторила:

– Позвольте, позвольте мне уйти, донья Франциска все знает. А мне нельзя задерживаться.

Испанка не взглянула на Селесту. Она следила за Дженнифер. Лицо ее было спокойно, взгляд неподвижных темных глаз не выражал никаких эмоций. Она сказала почти шепотом:

– Иди, Селеста.

Едва девушка успела скрыться в темном проеме дверей, как на башне начали звонить к службе. Обернувшись, Дженнифер встретила с напряженным взглядом доньи Франциски.

– Пожалуй, я тоже пойду, – сказала она. – *Au revoir, señora*¹¹.

– *Au revoir, mademoiselle*¹². Но вы придете завтра?

– О да, – ответила Дженнифер. – Приду завтра, непременно.

– *C'est bien*¹³, – бесстрастным голосом сказала донья Франциска и бесшумно поплыла по траве вслед за Селестой.

Вскоре она исчезла в темных дверях церкви.

Дженнифер быстро вошла в сад, источающий пряные ароматы, через решетчатую калитку, которая с лязгом захлопнулась за ней. Арочный свод над калиткой, как некий оазис, хранил еще остатки тенистой прохлады среди раскаленного солнцем дня. Она задержалась там, прислонившись спиной к чугунной решетке. Ее трясло как в лихорадке: волна за волной накатывали тревожные предчувствия, пробивающие глухую стену горестного оцепенения, вызванного известием о смерти. То был сокрушительный удар, но появившаяся сейчас робкая фантастическая надежда почему-то вселяла еще больший ужас. Дженни не могла совладать с собой; руки вцепились в железные прутья, а спина так сильно прижалась к решетке, что, казалось,

¹¹ До свидания, сеньора (фр.).

¹² До свидания, мадемуазель (фр.).

¹³ Отлично (фр.).

приросла к ней. Сердце бешено колотилось, точно хотело выпрыгнуть, билось в горле, билось о ребра и сжалось наконец в каком-то болезненном оцепенении. Ее онемевшие руки словно прилипли к железным завиткам, колени слегка подгибались. Она закусила губы, стараясь унять дрожь, и постояла некоторое время неподвижно, закрыв глаза.

Постепенно эта буря чувств начала утихать. Дженнифер немного отстранилась от решетки. Сковывающее напряжение понемногу покидало ее тело, овеваемое ласковым благоухающим ветерком. Дженни открыла глаза, и тут же все краски и запахи сада, струящиеся в потоках тепла, нахлынули и унесли ее в свой целительный мир – мелисса и тимьян, резкий сладкий аромат сочных абрикосов, золотых среди глянцевиной листвы, по-домашнему уютный запах лаванды и шалфея, и сонные маки, покачивавшие своими алыми головками. Тихо стрекотали цикады, спрятавшиеся в тени персикового дерева. Дженнифер медленно выпрямилась, оторвалась от калитки, потеряла затекшие руки и попыталась сосредоточиться.

Первая мысль, которая пришла ей в голову, была достаточно ошеломляющей: итак, она не ошиблась. То, что зародилось как тревожное предчувствие и переросло в явное недоверие, теперь раскрылось и стало непреложным фактом. Тут что-то нечисто. Так или иначе, но в ее безумных, обнадеживающих подозрениях была изрядная доля правды; и каким бы образом ни объяснилась в конце концов загадка синих цветов, поведение доньи Франциски при их втором разговоре да и откровенный испуг Селесты доказывали, что здесь скрывается какая-то тайна. И она должна выяснить, в чем тут дело. Было очевидно нежелание испанки дать ей поговорить с глазу на глаз с Селестой, и так же очевидно, что именно это Дженнифер должна сделать.

Колокол умолк. Она взглянула в сторону арки монастырского здания. Колокольные веревки висели на месте, еще слегка покачиваясь. Под аркой никого не было. Должно быть, сейчас все в храме. Потом донья Франциска поговорит с Селестой и запретит ей отвечать на вопросы. Возможно, что испанка сумеет воспрепятствовать ее завтрашней встрече с матерью настоятельницей.

Дженнифер опять закусила губу, на этот раз задумавшись. Она приняла решение. Для собственного успокоения и по многим другим причинам ей необходимо выяснить как можно больше именно сегодня. Она побудет в саду, а сразу после окончания службы разыщет настоятельницу и открыто спросит ее обо всем. «Абсолютно откровенно, – решительно говорила сама себе Дженни, – поскольку я категорически отказываюсь верить, что этой ложью опутан весь монастырь. Сестра Луиза целомудренна, как маргаритка, и божественно проста. Да и Селеста, похоже, была искренней – до определенного момента, пока я не заговорила о цветах. Нет, мать настоятельница не может быть замешана в обмане, это уж слишком напоминало бы романы миссис Радклиф... Я увижусь с ней после службы, и она расскажет мне все, что знает. На худой конец, даст мне посмотреть документы и все бумаги, которые были у Джиллиан».

Пение в церкви прекратилось, а звук органа, объемный и величественный, достигая сада, разливался легкой воздушной волной над ухоженными клумбами и виноградными лозами. Услышав звук шагов со стороны церковных дверей, Дженнифер вновь прижалась к калитке. Видимо, сестры проходили из храма в трапезную. Она выглянула из своего укрытия, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь густое сплетение лоз. Сироты в голубых платьях, послушницы и мрачные монахини проходили там в благочинном молчании. Но вот дверь захлопнулась. Послышался стройный хор детских голосов, затем застучали стулья и скамьи, когда все общество устраивалось за столом.

Дженнифер проскользнула обратно в кладбищенский дворик и пошла по дорожке к дверям церкви.

Возможно, она сумеет незаметно проникнуть на второй этаж, а там... Она была почти уверена, что массивная дверь в конце коридора вела в комнату настоятельницы. По всей вероятности, мать настоятельница первой покинет трапезную, а уж когда Дженнифер встретится с ней, то даже вездесущей и властной испанке вряд ли удастся помешать их разговору.

Она лишь смутно представляла себе, что конкретно хочет выяснить, но при ее теперешней растерянности и подозрениях любая попытка была все же лучше, чем ничего. Чувствуя некий внутренний волнующий подъем, Дженнифер тихонько открыла двери храма и, покинув солнечный дворик, вошла внутрь.

Глава 7

Сокровища мадонны

Окунувшись в прохладный полумрак церкви, Дженнифер решила, что у нее есть немного времени и можно разузнать, каким святым поклоняются в этом монастыре, отличающемся аскетизмом. Когда дверь плавно закрылась за ней, обрубив солнечные лучи, на несколько мгновений Дженнифер ослепла от резкой смены света. Зрение постепенно вернулось к ней, храм обрел очертания... Маленький боковой алтарь, узкие нефы, возвышающийся алтарь впереди...

Она стояла, замерев, и осматривалась.

В сущности, сама церковь мало чем отличалась от остальных зданий монастыря: те же побеленные стены, те же каменные своды дверей и окон. Массивные строгие колонны. В простенках между окнами – тусклые и непритязательные изображения Крестного Пути. Единственной скульптурой была небольшая статуя Богоматери в маленьком боковом алтаре. Но на этом аскетизм, похоже, кончился. По главному нефу, разрезая надвое светлое пространство, протянулась алая полоса. Темно-красный ковер, подобно потоку крови, приводил взгляд прямо к алтарю, – так прожилка на лепестке цветка ведет пчелу к сердцу золотого нектара. Мимо тяжелых колонн и простых скамей вверх по ступеням к затененной апсиде с мерцающим алтарным светильником...

Дженнифер быстро прошла по дорожке и поднялась по ступеням. Она задержалась возле низкой алтарной ограды из темного дерева, с удивлением разглядывая прекрасную резьбу.

Светильник был, несомненно, позолоченным, именно сюда приводила алая полоса ковровой дорожки. Семь изящных подсвечников мерцали на ветвистом стволе светильника, там же, у алтаря, стояли массивные двойные канделябры, тоже золоченые, но это было еще не все. В глубине, на восточной стене, висел великолепный триптих, все три полотна окаймляли серебристо-голубые рамы. Даже не слишком просвещенный глаз студентки Дженнифер оценил высокое мастерство живописца, напряженную динамику и вдохновенные лики святых. Такой шедевр – и вдруг здесь? В этой церкви? Окрыленные пророческие жесты, чопорные мантии, скользящие диагонали серебра, пурпура и лимонной охры... «Надо же было умудриться, – недоуменно рассуждала про себя Дженнифер, – спрятать всемирно известного Эль Греко в этом заброшенном монастыре! Неужели никто... – Тут ее мысли стали совсем сбивчивыми. – Ведь есть музеи, галереи и великие соборы в его родном Толедо, неужели никто не воспрепятствовал? Ведь здесь этот шедевр можно считать заживо погребенным».

Она прижала ладони к глазам и потом вновь взглянула на триптих. Шедевр? Эль Греко? Нет, это абсурд. Откуда здесь взялся Эль Греко? Наверное, просто воображение разыгралось, она что-то путает, вот и все. Но сильное впечатление, оставленное картиной, не исчезало. Нет, все-таки она не ошибается: Эль Греко самый узнаваемый среди художников. И может ли копия или подделка вызвать то смешанное чувство восторга и сопереживания, которое мы ощущаем, созерцая подлинные шедевры? Снова и снова вглядываясь в триптих, Дженнифер опять начала сомневаться: конечно, глаз у нее еще не наметан, и она могла принять отличную копию за подлинник. Нет, все-таки это не копия! Да какая разница? Даже если это первосортная копия, а не подлинник, странно видеть ее в монастыре, который живет как будто бы на грани нищеты.

Она всмотрелась в темноватую живопись по краям полотен в слабой надежде обнаружить подпись, но ничего не нашла. Тогда, припомнив, что художники, бывало, подписывали свои полотна с обратной стороны, она осмотрела картину сзади. Рама была сплошной и скрывала холст. Пальцы Дженнифер разочарованно пробежали по краю рамы. И вдруг она что-то нащупала. То ли кусочек бумаги, то ли какая-то щепочка торчала из-под деревянной рамы. Прогнув голову подальше и напрягая зрение, Дженнифер разглядела в полумраке обтрепанный

уголок бумаги, спрятанной под рамой. Она осторожно оттянула ногтями краешек и с волнением вытащила листок.

Она не представляла себе, что это может быть; если бы она хоть ненадолго задумалась, то поняла бы, что листок не могли засунуть под раму три века назад. Дженнифер вернулась к ступеням алтаря, где было светлее, и расправила бумагу слегка дрожащими пальцами. Пожелтевший и пыльный листок немного порвался на сгибе, когда она расправляла его. Похоже, это было письмо, вернее, часть письма, написанного по-французски: «...C'est alors après avoir reçu l'assurance de notre ami mutuel que j'ai osé vous approcher...»

С нарастающим интересом Дженнифер начала читать сначала:

...Обращаюсь к Вам по рекомендации нашего общего знакомого. Я с облегчением услышал о Вашем согласии и полагаю вполне естественным в данных обстоятельствах, что Вы назначили столь высокую цену. Итак, решено: я приеду, как было условлено, вечером шестого сентября и заплачу Вам ранее оговоренную сумму – три миллиона франков.

Ваши указания по поводу упаковки я принял к сведению. При данных обстоятельствах в них нет особой необходимости.

Исаак Ленорман

Больше на листке ничего не было; современный стиль, абсолютно современное правописание и ничего не говорящая подпись. Дженнифер задумчиво нахмурилась: положить записку на место? Вряд ли здесь чей-то тайник, – похоже, бумагу просто засунули за раму в том месте, где она чуть отставала. Может быть, так, а может быть...

Из полумрака бокового нефаса часовни послышался звук легких шагов, и Дженнифер невольно вздрогнула. Сразу отбросив все домыслы, она сунула листок в сумочку и спустилась по ступеням, досадуя, что безмолвная таинственность церкви опять наводит на нее страхи, которые она пыталась отогнать. Дженни заглянула в боковой придел и увидела там девочку в голубом сиротском платье, которая стояла, преклонив колени, на границе светового потока, освещавшего статую Девы Марии. Пока Дженнифер была в главном алтаре, одна из сирот тихонько вошла сюда, чтобы помолиться.

Она с любопытством разглядывала маленький боковой алтарь и опять отметила необычную вещь: небольшая изящная статуя была сделана из бронзы и слоновой кости, крошечные драгоценные камни сверкали на рукояти меча, пронзающего сердце Девы. Notre Dame de Douleur... Скорбящая Богоматерь – довольно странный выбор для церкви сиротского приюта. Дженнифер спешно повернула к выходу, упрекая себя за то, что потратила впустую столько времени. Но когда она проходила мимо, девушка перекрестилась и поднялась с колен. Это была Селеста.

Поблагодарив судьбу, которая свела ее с девушкой до встречи с доньей Франциской, Дженнифер остановилась в ожидании. Селеста на мгновение склонилась к подножию статуи и затем быстро пошла в сторону северных дверей.

Заметив, что ее поджидают, она замедлила шаги.

– Селеста, – мягко сказала Дженнифер, – я так надеялась увидеть тебя снова.

– Но... но мадемуазель, я думала, вы уже ушли!

– Я могла уйти. Но все же я здесь, как видишь. Ответь мне, пожалуйста, на пару вопросов...

Явное беспокойство вновь вспыхнуло в больших глазах Селесты.

– Мне кажется, я не могу... – нервно начала она.

– Неужели это правда, Селеста, – перебила Дженнифер, – что мадам Ламартин не упоминала про своих английских родственников, даже когда ты спрашивала ее о них?

Глаза Селесты расширились.

– Так оно и было, мадемуазель! Конечно! Если бы она сказала...

– Понятно. Совершенно не представляю, почему она ничего не сказала. Судя по твоим словам, она была в здравом уме и твердой памяти. И раз уж она не вспомнила о нас, тому должны быть причины.

– Мадемуазель!..

Дженни продолжала, не обращая внимания:

– Предположим, она упоминала обо мне и просила вас с доньей Франциской известить меня, а вы пренебрегли ее просьбой. Или, допустим...

Но Селеста, покраснев от негодования, возмущенно прервала ее:

– Да что вы, она ни о чем не просила! Я уже говорила вам, мадемуазель, – ни о чем! То, в чем вы нас подозреваете, – большой грех! Это чудовищно!

– Нет, – спокойно сказала Дженнифер, – совсем не грех. Просто халатность. И этого достаточно, чтобы тебе не очень-то хотелось отвечать на мои вопросы. Чем ты так напугана, Селеста?

– Я? Напугана? Глупости, мадемуазель! – И действительно, теперь она выглядела скорее рассерженной, чем напуганной. – С чего мне бояться вас?

– Откуда мне знать? Сначала ты не боялась. Я заметила, что ты испугалась, только когда я спросила тебя о цветах.

Селеста опустила глаза и замкнулась в себе. Она молчала.

– Возможно, ты сообразила тогда, что допустила ошибку?

Селеста подняла на нее глаза:

– Ошибку? Не понимаю. Какую ошибку?

– Ладно, не важно. Но почему ты смутилась, когда я спросила о цветах?

Селеста вдруг улыбнулась:

– Совсем нет.

– Ну хорошо, – сказала Дженнифер. – Тогда расскажи, почему ты принесла на могилу горечавки. Мне кажется, я пойму, правда это или нет.

Селеста выглядела озадаченной.

– Да я ведь уже сказала. Я... я любила ее.

– Да, я поняла. Но почему именно горечавки?

– Они ей нравились.

– Она сама сказала тебе об этом?

Смятение, сквозившее во взгляде девушки, стало немного угасать. «Такое впечатление, – подумала Дженни, – что она ждала каких-то более трудных вопросов».

– Да.

– А как это было?

Селеста беспомощно развела руками:

– Мадемуазель, я не понимаю, чего вы хотите.

Дженнифер терпеливо продолжила:

– Как это было? Ты принесла ей цветы, и она просто поблагодарила тебя, сказав, что они милые? Или не так? Попытайся вспомнить, Селеста. Ведь она была моей кузиной, и мне дорог любой пустяк, о котором она говорила. Я тоже хотела бы принести ей завтра эти цветы...

Селеста не могла почувствовать, как глупо и сентиментально звучат эти слова, она была слишком юной и слишком привыкла к символическим знакам монастырской жизни. Поэтому, еще несколько смущенно, но уже мягче, она взглянула на Дженнифер и задумчиво свела брови. Дженнифер ждала, затаив дыхание от волнения.

– Нет, – сказала наконец девушка. – Все было не так. Я вспомнила, почему решила, что горечавки – ее любимые цветы. Это было вскоре после ее появления в монастыре. Я принесла большой букет цветов – разных, и поставила возле ее постели. Она лежала и смотрела

на меня. Потом протянула руку, вот так медленно... – Вспоминая этот жест, Селеста отвела руку в сторону. – И коснулась горечавок. Она сказала: «Вот эти, синие, Селеста, как они называются?» – «Горечавки», – сказала я. А она говорит: «Какие красивые. Никогда не встречала такого оттенка. Поставь поближе, я хочу разглядеть их». И после этого я стала каждый день приносить их ей.

– Спасибо.

Дженнифер глубоко вздохнула, и Селеста, заметившая выражение ее лица, опять забеспокоилась:

– Все, мадемуазель?

– Да, все, – взволнованно сказала Дженнифер и попыталась улыбнуться. – И пожалуйста, прости, что я подумала, будто ты меня обманываешь.

– Ничего, мадемуазель. А теперь, если позволите, я...

– Конечно. Ты должна встретиться с доньей Франциской, верно? – Дженнифер с трудом удалось совладать с дрожью в голосе. – Но, будь добра, покажи мне, пожалуйста, где комната матери настоятельницы.

– Я? Пожалуйста.

Селеста снова занервничала и, бросив на Дженнифер тревожный взгляд, поспешила к выходу из церкви.

Следуя за своей торопливой проводницей через вестибюль и потом по знакомой уже широкой лестнице, Дженни тщательно пыталась хоть немного привести в порядок свои сбивчивые мысли. То, что она сейчас услышала, определенно было правдой: концы начинали сходиться, даже если в новом виде история делалась еще более загадочной. Умершая, вероятно, и правда не имела родственников, и главное – она не была дальтоником.

И следовательно, это была не Джиллиан Ламартин.

«Но что же дальше? – радуясь и отчаиваясь одновременно, думала Дженнифер, пока Селеста вела ее по светлому коридору второго этажа. – Что же делать? Господи, где теперь искать разгадку?»

Второй раз за этот день она встретила ясный взгляд карих глаз святого Антония, взирающего на нее поверх свечей. Много свечей, много вопросов и просьб у молящихся...

«Возрадуйтесь, ибо я нашел утраченное...»

Она протянула руку и коснулась одного из венков бессмертника у подножия статуи святого, потом обернулась, заметив, что девушка остановилась и собирается постучать в ближайшую дверь.

– Нет! – резко сказала Дженнифер.

Рука Селесты замерла, не коснувшись двери. Дженнифер вспыхнула, ее глаза потемнели от досады.

– Я же просила показать комнату матери настоятельницы. А это не ее комната.

– Но я...

– Это ведь комната доньи Франциски, не так ли?

– Да, только я подумала...

– Тебя просили показать комнату матери настоятельницы. Так будь добра сделать это, – сказала Дженнифер.

В голосе и глазах ее появилась такая ледяная холодность, что миссис Силвер не узнала бы свою мягкую и спокойную дочь.

Селеста покорно опустила руку. Потупившись, она проскользнула мимо Дженнифер и повела ее дальше в конец коридора.

– Вот комната матери настоятельницы, мадемуазель.

– Спасибо.

Девушка остановилась сбоку, и Дженнифер постучала.

Послышалось приветливое: «Войдите».

Она вошла, почувствовав какую-то робость. Дверь комнаты закрылась за Дженнифер, и, подобно слабому эху, в дальнем конце коридора хлопнула еще одна дверь.

Глава 8

Блюз

В комнате настоятельницы Дженнифер встретил яркий солнечный свет. Свободным потоком проникал он сквозь незашторенное окно, теплой волной ударялся о кремовые стены и потолок и падал на светлый дощатый пол, где лежала грубая узкая дорожка, как бы подчеркивавшая то, что здесь тоже придерживаются спартанских правил. Два кресла с прямыми спинками, обычный деревянный стол, незатейливый аналой, – вряд ли подушечка когда-либо покрывала низкую подколенную скамеечку. Ничто не смягчало эту быющую в глаза бедность, кроме декоративной тарелки на стене – барельеф на ней изображал Мадонну с младенцем. Вспомнив церковь, Дженнифер с интересом взглянула на тарелку, но была разочарована: грубая имитация, из самых дешевых, подделка под бирмингемскую глазурованную терракоту, купленная, вероятно, в Лурде.

– Проходите, – вновь прозвучал тихий голос.

На диванчике у окна, окутанная солнечными лучами, сидела очень пожилая монахиня. Она не повернула головы, но мягкой старческой рукой показала на одно из кресел. Дженнифер присела.

– Я – мисс Силвер, кузина мадам Ламартин. Я приехала повидать кузину, и мне сообщили, что она умерла несколько дней назад.

Теперь монахиня повернулась в ее сторону. Бьющий в глаза свет мешал Дженнифер, но все же она разглядела округлое бледное лицо, сплошь покрытое морщинками, точно ладошка после долгой стирки. Но не страсти наложили эти бесчисленные морщинки, а неумолимые годы. Однако лоб под черным чепцом был совершенно гладким, как будто она никогда не хмурила брови. Трудно понять, какое выражение таилось в выцветших глазах, но линия губ была мягко очерчена.

– Я слышала о вашем приезде, мадемуазель. Мне искренне жаль, что вас поджидало такое известие. Это грустная история: друзья всегда грустят, когда один из них умирает в столь молодом возрасте. – Она улыбнулась. – Нелегко, понимаю, принять смерть как начало, а не конец.

– Да.

– Ты уже видела могилу кузины, дитя?

– Да, матушка, – ответила Дженнифер и умолкла.

Ее невольно взволновала успокаивающая доброжелательность старушки, она не знала, с чего начать разговор. Подозрения и тревоги стали вдруг такими далекими... Мудрость и доброта жили в этой непритязательной и милой комнате.

Ошибочно истолковав ее молчание, приоресса заговорила сама, кротко, но без сентиментальности, и если бы Дженнифер действительно считала себя понесшей тяжкую утрату, то и тон, и смысл сказанного ее успокоили бы, но при теперешних обстоятельствах они только еще больше затрудняли начало разговора.

Наконец она почувствовала, что нашла достаточно нейтральную тему.

– Сегодня я разговаривала с доньей Франциской и сестрой Луизой, – сказала она. – Я узнала, что у кузины были с собой документы, и...

– Все правильно, – с готовностью подтвердила мать настоятельница, – ты, конечно, можешь забрать документы. Ей удалось как-то не потерять их, видимо, потому, что ремешок сумочки обмотался вокруг запястья. Донья Франциска взяла на себя заботу о багаже, который привезли позже из машины, но бумаги у меня. – Она поднялась, выдвинула ящик стоящего рядом комода, на мгновение склонилась над ним и вынула плоскую кожаную сумочку, которую протянула Дженнифер. – Это все, что у нее было с собой, дитя мое. Возьми. Теперь это принадлежит тебе.

– Благодарю вас, – сказала Дженнифер, взяв сумочку; ее пальцы беспокойно теребили застежку. – Вы не против, если я открою ее, матушка?

– Ну что ты! Делай что хочешь.

И приоресса, вернувшись на свой диванчик у окна, склонилась над четками, предоставив гостью самой себе и дав ей некую иллюзию уединения. Дженнифер торопливо заглянула в сумочку и, вытащив содержимое, разложила все на коленях. Расческа, пудра, зеркальце, ланкомовская помада, ключи, пачка билетов, пухлый кошелек и довольно объемистый конверт, тоже с деньгами. Дженнифер пересчитала их – сотня тысяч франков или что-то около того. Она задумчиво нахмурилась над купюрами. Да, Джиллиан вполне могла закрыть счет в банке и забрать все сбережения, она ведь была почти уверена, что останется здесь навсегда.

Она рассмотрела конверт. На нем был штамп Бордоского банка, адрес, написанный по-французски ровным почерком: «Madame Lamartine, 135R de la Pompe, Bordeaux»¹⁴. И еще на нескольких документах был тот же адрес.

Больше в сумочке ничего не оказалось.

Дженнифер начала медленно запихивать все обратно. Приоресса, оставив в покое четки, обернулась к ней и мягко сказала:

– Дитя мое, что еще тревожит тебя? Ты расстроена только смертью своей кузины? Или есть что-то еще? Если хочешь, поделись со мной.

Дженнифер подняла голову и слегка прищурилась: послеполуденное солнце еще не умерило свое яркое сияние.

– Да, я бы хотела...

– Так расскажи, в чем дело.

– Матушка... – Она глубоко вздохнула. – То, что я собираюсь сказать, должно быть, покажется вам крайне странным, но, я надеюсь, вы простите меня и выслушаете.

– Я слушаю.

И Дженнифер заговорила. Но не о своих подозрениях по поводу того, что донья Франциска и Селеста, возможно, знают больше, чем говорят, а о том, почему ей так трудно поверить, что женщина, похороненная на маленьком кладбище, была ее кузиной; о том непонятном обстоятельстве, что даже в бреду она, очевидно, ни разу не перешла на английский, ни разу не упомянула об Англии и своей семье.

– Но вы, – сказала Дженнифер в заключение, – вы сами навещали ее, конечно. Она была в сознании, когда вы виделись с ней? Неужели она так ничего и не сказала?

– При мне – ничего. Когда мне рассказали, что ты приехала, я была поражена и очень расстроилась, что тебя поджидало такое известие... – Она немного помолчала, словно в раздумье, потом спокойно сказала: – И жаль, что ты не пришла прямо ко мне. Но... – Она задумалась и не закончила начатую фразу. – Должна сказать, что за твоей кузиной ухаживала в основном донья Франциска. Конечно, я была огорчена и одновременно удивлена, поскольку твоя кузина ничего не говорила о родственниках. Единственное, на что я надеюсь, что ты простишь нам невольный грех, который мы совершили.

– Да, конечно. К тому же я не думаю, что это был грех. Я уверена, что эта женщина ничего не говорила о родственниках просто потому, что у нее их не было, – эта женщина не была моей кузиной.

– Мадемуазель...

– Минуточку, – взмолилась Дженнифер, – послушайте, матушка. Во всей этой истории, вне всякого сомнения, есть на редкость странные вещи.

И она рассказала приорессе о горечавках, синих цветах, которые умершая различала и любила, и о том, что Джиллиан никогда в жизни не видела синего цвета.

¹⁴ «Бордо, ул. де ла Помп, 135, мадам Ламартин» (фр.).

Мать настоятельница сидела спокойно и слушала.

– Теперь вы понимаете, – закончила Дженнифер, – почему я так уверена, что той ночью к вам пришел кто угодно, только не Джиллиан. И если это верно, то куда же исчезла кухня?

В комнате наступила тишина.

– Что ж, – сказала наконец старая монахиня. – Понятно. Все это поистине странно. Более того, трудно представить, как могла произойти такая серьезная ошибка.

– Действительно трудно. Но теперь вы понимаете, почему я не в состоянии уехать и оставить все как есть?

– Да, это вполне естественно. Но все же, если ты права и твоя кухня жива, почему она не известила тебя? Или нас? Ты говоришь, она знала о твоём приезде сюда?

– Да, знала. Но с ней могло что-то случиться, и именно это тревожит меня.

– Но что могло случиться? Если умершая девушка была не мадам Ламартин, почему она не призналась в этом? И наконец, почему у нее были документы твоей кухни?

– Не представляю, но...

– И машина, с которой произошла авария той ночью, тоже принадлежала твоей кухне. Дженнифер молчала.

– Если твои подозрения справедливы, – спокойно продолжала размышлять приоресса, – мы должны подумать не только о том, где сейчас мадам Ламартин, но и том, кто была умершая.

Они помолчали некоторое время.

– История с цветами, – сказала наконец монахиня, – именно это окончательно убедило тебя, да?

– Наверное. Да, именно это.

– И по этому признаку ты могла бы узнать свою кухню?

– Только в данном случае – наоборот. То есть если умершая не была дальтоником, то она не могла быть Джиллиан. И это можно сказать почти с полной уверенностью. Случаи дальтонизма у женщин и так достаточно редки, а сине-желтый тип – крайняя редкость.

Вдруг Дженнифер прервала себя и взмахнула рукой.

– Какая же я глупая! Толкую о каких-то второстепенных вещах и ни разу не попыталась узнать главное. Когда я говорила с Селестой, то была слишком увлечена своей мыслью. А ведь надо было начинать с другого!

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросила монахиня.

– Как она выглядела! – торжествуя воскликнула Дженнифер. – Как выглядела умершая девушка?

Пожилая женщина спокойно молчала. Легкая улыбка тронула ее губы.

– К сожалению, дитя мое, я не могу помочь тебе. Я ее не видела. Никто, кроме доньи Франциски и Селесты, ее не видел.

Дженнифер недоуменно взглянула на нее:

– Никто не видел? Но я поняла, что вы ее навещали.

– Да.

– Тогда я не понимаю...

– Видишь ли, дитя мое, – сказала настоятельница, – я слепа и давно ничего не вижу.

Она сидела спиной к играющим солнечным бликам и улыбалась чуть печальной улыбкой.

– О, матушка... простите меня, – запинаясь, сказала Дженнифер.

– За что прощать? – Старая монахиня улыбнулась. – Порой мне кажется, что окружающие воспринимают мою слепоту острее, чем я сама. – Сказав это, она выпрямилась, в голосе ее появились бодрые, властные нотки. – Мне кажется, дитя мое, самое малое, что мы можем сделать, это предложить тебе наше гостеприимство. Я лично уверена, что все твои предположения слишком эксцентричны и маловероятны... Извини великодушно, но я убеждена, что твоя

кузина умерла. Когда мы в более спокойной обстановке обсудим все факты, то, несомненно, найдем для них простое объяснение.

Дженнифер молчала. Она зажала руки в коленях и, задумавшись, едва ли слышала последние слова монахини. Что, если действительно пожить в монастыре? Это же отличная возможность: можно наблюдать, расспрашивать, проверять на ничего не подозревающих обитателях все утверждения доньи Франциски... На лучшее едва ли можно было надеяться.

– Ты подумай над вопросами, которые тебя интересуют, а начать поиски надо, конечно, прямо отсюда. Если ты поселишься у нас...

– Вы так добры. Но если я приму ваше предложение, не будет ли мое пребывание слишком большой обузой для монастыря?

– Это самое малое, что мы можем сделать. Грех лежит на монастыре. Хотя и по неведению, но все же мы виноваты, что печальное известие обрушилось на тебя так неожиданно. Позволь нам искупить грех.

– Вам нечего искупать. – Дженни улыбнулась. – Но я с удовольствием принимаю ваше предложение. Благодарю вас.

– Вот и хорошо, тогда вечером приходи к нам.

– Прямо сегодня, матушка?

– Чем скорее твоя душа успокоится, тем лучше. Но если ты думаешь, что в отеле могут возникнуть сложности...

– Нет-нет, вряд ли. Я предупредила хозяина, что могу уехать в любой момент... Понимаете, кузина надеялась, что я смогу пожить здесь вместе с нею.

– Итак, мы ждем тебя к вечеру, если успеешь собраться. Если нет, завтра. Мы рады тебе в любое время, дитя. Даже если твои поиски приведут все к той же печальной истине, что твоя кузина мертва. Я уверена, наша тихая обитель в какой-то степени тебя утешит.

Дженнифер почувствовала, что в этой спокойной тишине ее подозрения постепенно тают.

– Спасибо, – просто сказала она. – Я с радостью приду. Здесь такие чудесные места, и мне кажется, что если где и можно найти успокоение, то именно здесь.

– Ты почувствовала это? Я очень рада.

Лицо настоятельницы просветлело.

– Только что я побывала в вашем храме, – сказала Дженнифер. – Алтарь просто великолепен. Я бы даже сказала, полной неожиданностью было увидеть его в такой скромной и уединенной обители.

– Да, да, у нас все достаточно скромно. Но простота зданий гармонично сочетается с этими высокогорными долинами. Барочная пышность и великолепие были бы неуместны в долине Гроз. Здесь хороши крепкие и простые белые стены. А нашим окнам не нужны витражи, потому что в них смотрят горы.

– Но ваши картины, светильники и резьба...

– Обо всем этом, – спокойно ответила мать настоятельница, – я ничего не могу сказать. Как ты уже, наверное, поняла, несколько лет назад я с большим облегчением передала все хозяйственные заботы в крепкие руки доньи Франциски. С некоторых пор убранством церкви занимается в основном она. Я знаю, что там появилось много нового: картины, ковры, новые подсвечники... В прошлом году она наняла в Бордо рабочего, и он сделал для нас алтарную преграду. В былые годы я придерживалась простоты в убранстве, но сейчас заметила, что некоторым, вернее, большинству наших сестер легче нести свой крест, любуясь красотой статуй и светильников. Поэтому, хотя мы и не можем позволить себе тратить значительные суммы на все эти вещи, я разрешила донье Франциске делать все, что ей заблагорассудится, к удовольствию и радости молодых сестер. И конечно, – она улыбнулась мудрой тихой улыбкой, – детей.

Дженнифер вспомнила святых и ангелов, парящих на крыльях над алтарем, вспомнила великолепную алтарную преграду, которой вряд ли касалась рука «какого-то рабочего из Бордо», вспомнила золотые подсвечники флорентийской чеканки, мерцающие «на радость детям»... Похоже, не одна тайна поджидает ее в монастыре Богоматери Гроз. Если сопоставить золотые светильники и святых Эль Греко... Дженнифер сразу припомнилось письмо, что она обнаружила за триптихом. Сейчас его содержание показалось ей гораздо более важным, особенно в связи с упоминанием о «трех миллионах франков». Нервная дрожь пробежала по ее телу, и словно игла кольнула в сердце.

– Понимаю вас, – сказала Дженни и огорчилась оттого, что голос ее снова дрогнул. – Там очень красиво. Неужели все это – заслуга доньи Франциски?

За ее спиной послышался тихий голос испанки:

– Я нужна вам, мать настоятельница?

– Да, конечно... – Приоресса не удивилась: острое чутье, дарованное слепым, должно быть, уже подсказало ей о присутствии третьей персоны. – Я рада, что ты заглянула. Есть один момент, который хорошо бы по возможности прояснить прямо сейчас. Ты ведь уже знакома с мадемуазель Силвер?

– Да.

– Она, в состоянии некоторого смятения, пришла повидать меня, Франциска.

Не взглянув на Дженнифер, донья Франциска проговорила тем же спокойным, бесцветным голосом:

– Ее горе вполне естественно.

– Правильно. Но ее привела ко мне не только скорбь об умершей кузине. – Она обернулась к Дженнифер, которая, не шелохнувшись, сидела на своем стуле. – Я полагаю, донья Франциска – именно тот человек, с которым тебе надо поговорить, дитя мое. Расскажи ей о том, о чем сейчас поведала мне, – о своей убежденности, будто бы в смерти твоей кузины есть некая тайна.

Лицо доньи Франциски дернулось, как от пощечины, глаза вдруг ожили, и она впиалась взглядом в лицо девушки. Они полыхнули каким-то стальным блеском. Что было в них? Гнев? Сомнение? Страх?

Сжимая дрожащими пальцами сумочку, Дженнифер тщетно пыталась вывернуться из этой непредвиденной ситуации.

– Это не так уж важно, матушка. Может быть, позже. Давайте лучше пока оставим...

– Нет, уж лучше сейчас, – твердо сказала приоресса.

Повернувшись в сторону неподвижной фигуры испанки, она кратко и точно пересказала все сомнения и подозрения, которые изложила ей Дженнифер. А та не осмеливалась поднять глаза на донью Франциску, но чувствовала на себе ее немигающий, тяжелый взгляд. Испанка стояла в жутковатой неподвижности, спокойно, она словно окаменела, лишь рубин посверкивал на ее груди.

– Поэтому я подумала, что будет лучше всего, – заключила настоятельница, – если мадемуазель поживет у нас некоторое время и...

При этих словах донья Франциска вдруг резко дернулась, как марионетка. Рубин вспыхнул.

– Здесь? У нас?

– Да. – На лице приорессы отразилось удивление. – Мне кажется, это самое меньшее, что мы можем сделать для нее. И если на свежую голову она надумает провести расследование, то лучшего места и придумать нельзя.

– Расследование? О каком же расследовании тут может идти речь?

– Во-первых, я бы хотела знать, – сказала Дженнифер и поразилась непоколебимой твердости своего голоса, – как выглядела мадам Ламартин?

Донья Франциска обернулась и смерила ее взглядом. Последовала небольшая пауза. Потом испанка улыбнулась:

– Она была не очень высокой и довольно хрупкой. Волосы светлые, немного вьющиеся, серые ясные глаза. Прямой нос и довольно густые прямые брови. – Она говорила медленно, наблюдая за Дженнифер из-под полуопущенных век. – Вас устраивает такое описание, мадемуазель?

– Вполне, – упавшим голосом сказала Дженнифер.

Донья Франциска повернулась к приорессе. Визгливые нотки, появившиеся в ее голосе, напоминали звук пилы, вонзающейся в ствол дерева.

– Вот видите, никаких расследований больше не понадобится. Ничего загадочного нет, мать настоятельница. Предположения мадемуазель просто возмутительны и...

– Франциска...

Старческий голос был тих, но испанка замерла на половине тирады и склонила голову:

– Простите, мать настоятельница.

– *La petite*¹⁵ – наша гостья, – мягко сказала приоресса, – и мы виноваты перед ней. Все, что ты хочешь сказать, я готова выслушать после вечернего богослужения. А сейчас я была бы рада, если бы ты распорядилась насчет комнаты для мадемуазель.

– Мать настоятельница, у нас нет свободных комнат, – сказала донья Франциска вполне смиренным, но очень выразительным тоном.

– Нет? Кто же в той комнате, где была мадам Ламартин?

– Сестра Мари-Жанна. Она не переносит холода.

– Ах да. А лазаретная комната?

– Там двое сирот...

– Да. Помню. Тогда... – Ее незрячее лицо повернулось в сторону Дженнифер. – Видите, мадемуазель, какое скромное гостеприимство мы можем оказать. Может быть, вы не откажетесь разделить с кем-нибудь комнату? Если нет, не стесняйтесь, просто скажите.

– Подселить к кому-нибудь? – вмешалась донья Франциска, не давая возможности высказаться Дженнифер. – У нас нет свободных кроватей.

– Так ли? Ведь сестра Мари-Жанна перешла в свободную комнату. Мадемуазель не против поселиться у Селесты?

Послышался свистящий, как шипение змеи, выдох испанки:

– Мадемуазель Силвер не желает...

Дженнифер впервые подняла голову и открыто взглянула в лицо испанки. Взгляды их скрестились, словно стальные клинки.

– Напротив, – сказала она, – я просто в восторге.

Солнце уже сильно клонилось к западу, когда Дженнифер наконец вышла за ворота и поспешила вниз, в долину. Постепенно краски дня становились гуще, тени западных вершин удлинились, легкая синева легла на долину и петлявшую по ней дорогу. Дженни снова почувствовала тягостную уединенность этих мест, она поежилась и ускорила шаги, словно пыталась убежать от неприятных мыслей и воспоминаний. Еще совсем недавно эти места казались ей такими прекрасными, она вспомнила цветы и пряный ветерок, шум воды, трех лошадей в летящем галопе и свет, игравший на их шелковистых боках. Это было в тот момент, когда, нырнув с тропы, они перелетали через поток; она вспомнила пенный натиск воды, такой прозрачный и тусклый в затененной глубине ущелья...

Там, над прозрачно-пенным потоком Пти-Гав, на фоне золотистого неба четко выделялась фигура всадника. Лошадь не двигалась, только ветер играл ее гривой. Всадник был точно

¹⁵ Здесь: милая девушка (фр.).

вырезан из черной скалы. Но в его посадке уже не было той легкости, что поразила Дженнифер в полдень; чуть склоненная вперед голова ушла в поднятые плечи – он напоминал затаившегося хищника, отслеживающего добычу.

Монотонный шум воды поглощал все остальные звуки в долине. Всадник пошевелился – лошадь прянула и громко заржала, словно острые шпоры впились в ее бока. Потом и лошадь, и всадник исчезли за скалой, оставив за собой гулкую россыпь выбитых копытами камней.

Достигнув проезжей дороги, Дженнифер повернула в сторону Гаварни. Чуть позже, когда возле нее остановился большой туристский автобус и вежливый голос предложил подвезти до городка, она с благодарностью приняла предложение, необычайно остро вдруг ощутив, что возвращается к действительности. Вскоре Дженнифер уже стремительно сбегала по дорожке, ведущей к отелю; ее переполняла надежда на дружеское участие и поддержку Стивена.

Глава 9

Интерлюдия (страстно)

Дженнифер вошла в столовую отеля и, не найдя там Стивена, поняла, как сильно хотела его увидеть. Глубоко разочарованная, она села за столик, машинально взяла салфетку и рассеянно просмотрела изысканное меню. Она поглощала принесенный обед, не ощущая вкуса, и внимательно следила за дверью. Но Стивен все не шел. «Должно быть, обедает в своем отеле», – подумала она, с удивлением отметив, что это больно ее задело.

Она чувствовала себя полностью опустошенной, особенно мучительно было сознавать, как необходимы решительные действия и как трудно сделать первый шаг.

Пролог с детективной завязкой...

Антракт перед первым действием... некое уникальное безвременье, фантазия, рассыпающаяся под ударами сомнений. Что, если она ошибается? Что, если в результате всему этому есть простейшее объяснение? А она навоображала черт-те что. Таинственные призраки издевались над ней: Джиллиан жива... Джиллиан где-то спрятана, кто-то держит ее взаперти... Джиллиан в опасности... Она пыталась отогнать их. Такого не могло случиться. Или – случилось?

После обеда Дженнифер неимоверным усилием воли заставила себя отыскать хозяина отеля и, извинившись, сообщила ему об изменении своих планов.

– Я предупреждала вас о такой возможности, – закончила она, – но сама не ожидала, что придется съехать так быстро. Безусловно, я заплачу вам за сегодняшнюю ночь.

Хозяин открыл было рот и собрался что-то возразить ради приличия, но, взглянув на Дженнифер повнимательнее, передумал и стал вдруг крайне предупредителен. Его доброта и очевидная симпатия, однако, ничуть не улучшили ее настроения. Когда Дженнифер наконец освободилась, то почти выбежала из освещенного холла, одержимая единственной мыслью – найти Стивена.

Лишь две-три тусклые звездочки прокололи сгустившиеся сумерки, но, обойдя отель, Дженнифер сразу увидела Стивена у реки. Не глядя под ноги, она бросилась к нему по крутому склону между темными соснами, спотыкаясь о корни, избороздившие узкую тропинку.

Стивен стоял на каменном мосту, перекинутом над высоким речным порогом, и смотрел на кипящую внизу пену. Рябины протянули над водой свои ветви, вовлеченные свежим ветерком в легкий светлый танец, и само ущелье подсвечивалось снежными бурунами падающей воды. Он стоял, наклонив голову, и смотрел на несущийся поток.

Вид знакомой фигуры оказал на Дженнифер совершенно деморализующее действие: сбегая в темноте по тропе под соснами, она чувствовала, что теряет остатки самообладания и не в силах больше сдерживаться. Пока она была вынуждена нести свою ношу одна, то почему-то воспринимала все относительно спокойно, но сейчас этот тяжелый груз словно придавил ее. Необходимо было поделиться с кем-то своими переживаниями, она знала, что дружеское участие снимет добрую половину проблем. В данный момент Стивен был ей нужен как воздух. Спокойствие, сила, уверенность... Чего еще надо? «Старший брат» Стивен... Она вдруг обрадовалась, что нашла такое простое объяснение своему желанию видеть его. Старший брат и друг Стивен... Все очень просто. Защитившись этим целомудренным объяснением, точно улитка своим домиком, Дженнифер бежала к нему, протягивая руки.

Он повернул голову и увидел ее. Из-за шума падающей воды не было слышно, что она зовет его, однако он разглядел в сумерках и узнал бегущую к нему с протянутыми руками Дженни.

– Это же Дженни! – едва слышно прошептал он.

– Стивен... Ой, Стивен!

Он быстро повернулся, протягивая к ней руки, она влетела в его объятия и прижалась к нему. Его сердце бешено колотилось. Он обнял ее, голова его склонилась, и губы искали... Но она уткнулась ему в плечо, и его губы нашли только шелк ее волос. Он произнес осевшим голосом:

– Дженни...

Она не поднимала головы.

– Дженни!

Никакой реакции. Томительная неизвестность быстро прошла, он понял, что она плачет. Очевидно, случилось какое-то несчастье. Дрожала она не от страсти, а от слез и искала в нем только сочувствия. Дружище Стивен, придержи коней, глупец: она и не догадывается о том, что ты...

Спустя несколько бесконечно долгих минут он неузнаваемо изменившимся голосом спросил:

– Ну, Дженни... Что случилось, Дженни?

Она сотрясалась от рыданий, еще теснее прижимаясь к его плечу. Он замолчал и покрепче обнял ее. Вскоре рыдания начали утихать. Стивен уже овладел собой, его лицо снова было непроницаемо, но дышал он еще несколько учащенно, и рука, машинально гладившая ее волосы, слегка дрожала. Он криво усмехнулся, заметив это, и убрал руку.

Немного погодя она чуть отстранилась и занялась поисками платка.

– Возьми мой, – предложил он. – Уж не знаю почему, но мужчина всегда лучше экипирован на этот крайний случай. Видимо, привычка к самостоятельности.

Прикладывая к глазам платок, Дженнифер выдавила довольно жалкую улыбку:

– Твое плечо промокло? Извини. Надо отметить, Стивен, ты поразительно ловко справился с вышеупомянутым крайним случаем. Наверно, у тебя большой опыт?

– Обычно не больше трех девушек в день.

– Бедняжка, извини.

– Дитя ты неразумное. – Слова были шутливыми, но голос звучал ласково, и глаза озабоченно всматривались в ее лицо. Он обнял ее за плечи и повел к другому берегу. – Давай расположимся там, где сможем слышать друг друга, и ты мне все расскажешь.

Они поднимались по тропе, которая вела к горным пастбищам, начинавшимся почти от края этой прохладной тенистой расщелины. Теплый вечерний воздух принес запахи трав, можжевельника, и горный ветерок смешивал их тонкие оттенки. Шум реки постепенно перешел в бормотание и вскоре совсем растворился.

Луг окружала низенькая изгородь, они присели возле нее на гладком, еще теплом камне, и Дженнифер, глядя в землю, начала свой рассказ. Она рассказала о том, как странно приняли ее в монастыре, о все возрастающем предчувствии несчастья и, наконец, о том, как донья Франциска ошеломила ее известием о смерти Джиллиан.

– Умерла?! – Стивен был поражен. – Бедняжка Дженни. Мне очень жаль. Ужасная история... Как ты пережила это? Черт возьми, конечно, Джиллиан собиралась удалиться от мирской жизни, но все-таки они могли бы побеспокоиться и сообщить вам об этом.

Дженнифер сжала руки и сказала отрывисто:

– В том-то и дело, Стивен. Послушай...

Она рассказала свою таинственную историю о дальтонизме и синих цветах, о необычайной скрытности умершей, о том, что ей удалось узнать из разговоров, и обо всем увиденном в монастыре. И через всю эту пеструю повествовательную ткань черной нитью проходила испанка – она то откровенно лгала, то просто мешала, причем ее настороженное, расчетливое поведение явно свидетельствовало, что она чего-то боялась... только чего?

Уже встала луна и отправилась в плавание по звездной глади, подобно безмятежному лебедю среди лотосов на темной воде пруда. Горы и луга еще проступали в темноте. Легкий

ветерок неслышно пробежал по траве. Настала такая тишь, что они слышали шорох травы у своих ног.

Стивен наконец заговорил, и его слова разрушили оцепенение:

– Да, как подумаешь обо всем этом... Похоже, денек тебе выдался не из легких. Сигарету, Дженни?

Его лицо осветилось пламенем зажигалки.

Она посмотрела на него долгим, внимательным взглядом.

– Стивен, ты должен поверить мне.

– Я верю до определенного момента.

– Что это значит? До какого момента?

– Того самого, после которого ты начала сочинять сказку про Великого Гиньоля¹⁶. В ее основе факты хотя и странные, но в итоге наверняка имеющие простое объяснение.

– Ты так думаешь?

Голос Дженнифер зазвенел от нервного напряжения. Услышав его, Стивен криво улыбнулся.

– Моя милая девочка, – прямо сказал он, – посмотри на свои рассуждения: две молодые, внешне похожие женщины поменялись местами. Одна умирает, даже на смертном одре не выдав своего настоящего имени. Вторая, уважаемая английская леди, исчезает бесследно. Мы остаемся с двумя сомнительными проблемами. Первая: кто была умершая? Вторая: где Джиллиан? – Он покачал головой. – Все это очень неубедительно.

– Почему?

Он произнес намеренно жестко:

– Потому что резонно принять вместо двух невероятных одно вполне приемлемое и уже известное объяснение: Джиллиан умерла и похоронена.

Спустя некоторое время Дженнифер сказала дрожащим голосом:

– А я надеялась, что ты pomoжешь мне.

– Именно это я и пытаюсь сделать, Дженни, неужели ты не понимаешь? – Он невольно вздохнул. – Я не хочу, чтобы ты сочиняла невероятные истории. Ты можешь поставить себя в очень неловкое положение, предъявив обвинение людям, которых едва ли можно отнести в разряд преступников.

– Нет, я говорила только о донье Франциске...

– Допустим, она солгала тебе, и ты ее невзлюбила. Но это еще не делает ее преступницей.

– Почему обязательно преступницей?! Но если бы ты видел ее сегодня и говорил с ней, тебе ее поведение тоже показалось бы очень странным.

– Ладно. А кто эта женщина? Что она делает в монастыре?

Дженни пересказала то, что узнала от сестры Луизы.

– А потом я еще пыталась выпросить кое-что у послушницы, которая провожала меня к выходу из монастыря. Милая девушка явно испытывала какой-то панический страх перед доньей Франциской. В итоге я поняла, что эта дама прекрасно ведет дела, не касающиеся религиозных вопросов. И еще, хотя, конечно, девушка не говорила об этом, но по выражению ее лица я поняла, что все они недолюбливают донью Франциску и считают, что она злоупотребляет слепотой матери настоятельницы. Правда, никто не говорит ей об этом. В своей душевной простоте они склонны все же верить испанке.

– Похоже, она пользуется большим авторитетом у сирот и послушниц?

– Да. И наверное, по той же причине. У меня создалось впечатление, что мать настоятельница передала ей часть своих полномочий, как бы в виде компенсации за отказ принять ее в орден. Знаешь, что она мне напомнила? Те старые добрые времена, когда королевы, герцо-

¹⁶ Великий Гиньоль – главный персонаж французского кукольного театра ужасов.

гини или просто высокопоставленные особы, разочаровавшись и почувствовав, что им смертельно надоела как политика, так и болонки и приемы, удалялись в монастыри, снизойдя до сана аббатисы.

– Ты не упоминала о болонках, – со смехом заметил Стивен.

– Ты же понял, что я имею в виду. Если отбросить болонок и весь ее веласкесовский облик, она... Ох, как она мне подозрительна, Стивен! Не только из-за Джиллиан. Еще из-за церкви. Очевидно, что она истратила безумные деньги на все это...

– Драгоценная моя Дженни, существует масса копий Эль Греко. Не станешь ведь ты утверждать, что...

– Нет, конечно нет. Но такие великолепные копии тоже стоят немалых денег. И вещи, отделанные золотом и слоновой костью, я уж отличу от подделки. Неплохо бы узнать, где и как она их достала.

– Ты говорила, что она богата?

– Была. Ее семья разорилась. Сестра Луиза сказала, что она пришла в монастырь с пустыми руками. И если все честно, то почему мать настоятельница ничего не знает?

– М-да, – задумчиво произнес Стивен. – Допускаю, тут какая-то странность. Но возможно все же, что существует вполне легальный источник... Я имею в виду, что нельзя незаметно прибрать к рукам такие большие деньги. Ведь речь идет, наверное, о миллионах франков.

– Миллионы франков... – прошептала Дженни. Она открыла сумочку и вытащила помятый листок бумаги. – Вот, Стивен, прочитай.

– Что это?

Она рассказала, как обнаружила этот листок за рамой триптиха. Он присел у изгороди и осветил письмо зажигалкой. Изменчивый ветерок утих, и пламя горело ровно. Прочитав письмо, он потушил зажигалку и нахмурился.

– Ну, что скажешь, Стивен?

– Я? Ничего. Но конечно, упоминание о сумме в три миллиона франков – есть о чем подумать...

Он вернул ей листок, и она положила его обратно в сумочку. Стивен затушил сигарету о камень.

– Так что же? – опять спросила Дженнифер натянутым голосом.

– Если ты будешь настаивать на детективной истории, это принесет тебе только вред, – сказал он рассудительно. – Но разве тебя остановишь! Да и сам я тоже ни черта не пойму в этой истории.

– Полиция...

– О нет! – Он повысил голос. – Ради бога, Дженни! Ты иностранка, протестантка, к тому же одна в довольно диком районе чужой страны. И Джиллиан – только по мужу французенка, никто не будет поднимать шум без убедительных доказательств.

– Д-да... Понимаю... Тогда мне остается только одно.

Он подозрительно посмотрел на нее:

– Что же?

Дженнифер встала и придавила ногой окурок.

– Жить в монастыре до тех пор, пока не докопаюсь до чего-нибудь.

Он тоже поднялся:

– Дженни, ну как мне убедить тебя, что все это чепуха? Ты просто сама все запутала.

– Нет, – невозмутимо сказала она. – Пойми, я должна выяснить, где Джиллиан.

– Но, милая моя девочка...

Она вспыхнула, ее непрочное спокойствие улетучилось.

– Ради всего святого, Стивен! Можешь считать меня абсолютной дурой, если хочешь, но я все равно не верю, что в той могиле похоронена Джиллиан! Не верю! Неужели ты не понял такой простой вещи? Я не верю, не верю, что она умерла!

Дженнифер, слегка задыхаясь, обернулась к нему. От возмущения ее начало трясти. На фоне неподвижных скал и ступающих сумерек ее тонкая фигурка казалась такой хрупкой и уязвимой. Она выглядела на редкость трогательной и очень юной в этом бессмысленном вызове и отчаянии. Стивена вдруг захлестнула такая сильная волна желания, что он сам испугался. И удивился, как же она ничего не замечает, глядя на него своими сверкающими глазами. В смятии Стивен с трудом подыскивал слова:

– Моя милая девочка...

– И перестань называть меня милой девочкой! – оборвала его Дженнифер.

Он рассмеялся и уступил так неожиданно, что ее злость перешла в изумление. Ей, конечно, не пришло в голову, что он хватался за любые доводы, лишь бы удержать ее в Гаварни. Зачарованная принцесса покидает охраняемый будуар...

– Хорошо, мой хрупкий цветочек. Будь по-твоему. Но давай действовать сообща.

– Ты хочешь сказать, что поможешь мне, Стивен?

– Да. Если тебе так хочется неприятностей, то я предпочитаю, чтобы ты не нарывалась на них в одиночку. Только не делай из меня героя этой истории, Дженни. Я сделаю все, что смогу, но мелодрама – не мой стиль.

Она глубоко вздохнула и улыбнулась ему, удивившись, что не встретила ответной улыбки в его глазах: он следил за ней с непроницаемым и отрешенным лицом египетского фараона.

– Я знала, что ты поддержишь меня!

В ее голосе сквозило торжество и облегчение, она приблизилась к нему с сияющими в лунном свете глазами.

Почти не сознавая, что делает, Стивен обнял ее за плечи и привлек к себе. Дженнифер, еще охваченная волнением, не сопротивлялась... Она подняла свое очаровательное личико и спросила с наивным нетерпением:

– Что мы будем делать дальше?

Он на мгновение крепче прижал ее к себе.

– Ты действительно хочешь знать?

– Конечно!

– Для мужчины с моим неустойчивым темпераментом, – проговорил Стивен сквозь зубы, – я проявил потрясающую выдержку. – Он разнял руки и рассмеялся, глядя на ее озадаченное лицо. – Ладно, милая. Сейчас наша задача – доставить тебя в монастырь в целости и сохранности. – Он мягко взял ее за подбородок и повернул ее лицо к лунному свету. – В монастырь... Это должно подойти вам, Спящая красавица.

Она отстранилась.

– Почему ты так называешь меня? Вообще, ты говоришь сегодня много странных слов.

– Это все луна.

– И я вовсе не «хрупкий цветочек».

– Ну-ну, рассказывай, – сказал Стивен. – Скажу откровенно, в данный момент моя душа исходит жалостью к донье Франциске.

Дженнифер нервно засмеялась, волнение еще не улеглось.

– Что ж, возможно... И уж когда я обоснуюсь в долине Гроз...

– Надеюсь, мне удастся раздобыть машину. Местный жандарм, Аристид Кельтон, мой собутыльник, у него есть старенький «рено», и я уверен, он одолжит мне его на время.

– Чудесно. А то непонятно, что бы я делала с моими чемоданами.

– Ну, если я не достану машину, то кто-нибудь из погонщиков отвезет твои пожитки на муле завтра утром. Один из них живет чуть выше монастыря, его зовут Пьер Бюсак. Думаю, он не откажется, если его попросить. К тому же там есть еще один парень с лошадьми...

– С тремя? Гнедыми?

– А ты откуда знаешь?

– Так, случайно. Кажется, я видела его сегодня.

Они медленно спускались по тропе. Теперь, когда решение было принято и появился хоть какой-то план, Дженни почувствовала, что ее напряжение заметно ослабло. Она скосила глаза на Стивена. Он поймал ее взгляд и улыбнулся. Его отчужденность и замкнутость совсем исчезли. Все встало на свои места. Она взяла его протянутую руку, и они пошли дальше, держась за руки.

– Этот паренек, – спросила она, – он тоже живет в долине?

– Он из Арля, там ферма его дяди, а сюда он приводит стадо на лето и пасет его. Хижина его, говорят, на той стороне долины.

– Ты что, хорошо его знаешь? – удивилась Дженнифер.

– Нет, просто он подходил несколько раз посмотреть на мои акварели. Обычно он снует туда-сюда между Гаварни и долиной Гроз.

– Ты рискнул подвергнуться местной критике? Это очень смело, Стивен. Она, должно быть, беспощадна.

– Она потрясающе искренна. – Стивен ухмыльнулся. – Луис просит только об одном – нарисовать его коней, а я не умею. Мадам Бюсак, увидев мои работы, сказала прямо, что живопись для нее ничего не значит и она предпочитает фотографию... Мы увидимся завтра?

– Не знаю, Стивен. Там видно будет...

– Я приду. Но пойми меня правильно, я приду, если ты захочешь. Знаешь, Дженни...

– Что?

– А если я возьму бутылочку вина, кое-что из еды и мы встретимся завтра, скажем, на повороте к монастырю? Устроим пикник и обменяемся новостями.

– Отлично придумано. Но... насчет новостей, Стивен... Ты-то какие новости надеешься узнать?

– Я, пожалуй, перекинусь парой слов с местным лекарем и священником. Все же оба они видели Джиллиан... ну, эту женщину.

Они вышли на мост. Дженни повернулась к нему:

– Стивен... – Она на секунду задумалась. – Понимаю, ты думаешь, я сумасшедшая, и, наверное, каждый сказал бы так... Но я не могу иначе. Ты понимаешь меня?

– Да, понимаю.

Она почти смущенно коснулась его руки.

– Я ужасно благодарна тебе. И так рада, что ты здесь...

Стивен решительно сказал:

– Ладно, все это чудесно... Ты уже уложила свои пожитки?

– Да.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

– Еще не поздно. Пойдем, узнаем у Аристиды Кельтона насчет машины, а потом, если хочешь, можно заглянуть к священнику.

– С таким заманчивым предложением трудно не согласиться, – церемонно ответила Дженнифер и пошла вверх по тропинке.

Глава 10

Коллекция святых (сбор и хранение)

Несмотря на то что служба давно закончилась, отец Ансельм еще не пришел домой. Следуя указанию его экономки, Дженнифер и Стивен поднялись на горку к вырисовывающейся темным силуэтом на окраине городка церковке. Трехдольное восточное окно желтело под звездами, изливая какой-то отрешенный и одновременно притягательный свет, в котором словно утверждалась триединая связь между необъятной бездной звездных высей и припавшим к земле и вросшим в нее каменным зданием, что притулилось на склоне горы. Внутри их встретил аромат ладана, смешанный с резким запахом сгоревшего воска, – меланхолическое благоухание, ностальгическое, как *rot-pourri*¹⁷. Оно витало между колонн над ошестинившимися восковыми свечами, высокими подставками перед нишами, в которых прятались раскрашенные гипсовые скульптуры святых.

Казалось, здесь воистину был назначен сбор всех святых. У каждой колонны три ниши, в каждой нише по святому... В боковых нефках тоже стояла череда святых, больших и маленьких, цветных и однотонных, веселых и печальных. Возле одного маленького и печального святого они и обнаружили отца Ансельма за прозаическим занятием – он вытирал со статуи пыль.

Священник был человек хрупкого телосложения, с узким лицом, пронизательными темными глазами и изрядной величины носом.

Он был не стар, но волосы, еще оставшиеся на его голове, поседел, и спина сгорбилась, видимо, от постоянных бдений над потускневшими старинными манускриптами. Седина и сутана спасали его от слишком явного сходства с жучком-долгоносом, которому и мог принадлежать такой нос. Он приветствовал посетителей веселым взмахом пыльной тряпки, немедленно рассеявшей вокруг всю старательно собранную пыль. Они поздоровались, и Дженнифер начала вежливо восхищаться церковью. Отец Ансельм засиял от удовольствия, и не успели они опомниться, как оказались на долгом и тернистом пути жития святых.

– Святой Поликарп... – отец Ансельм набрал побольше воздуха в легкие, – святой Бритий, святой Мартин...

Он задержался, чтобы смахнуть невидимую пыль с пьедестала святого Мартина.

Стивен попробовал вклиниться в его монолог:

– Мы пришли, *mon rége*¹⁸, чтобы узнать...

– Святой Ремигий, епископ Реймский, – продолжал отец Ансельм, бдительно и проворно взмахивая тряпкой и переходя к следующей колонне. – Святой Иннокентий, – представлял он, – святой Бонифаций, святая Альфегия, святой Луций...

– ...узнать об одной женщине...

– Святая Перпетуя, дева и мученица...

– ...которая умерла около двух недель назад...

– Святой Власий, епископ... – новый взмах тряпкой, – святой Симон и, конечно...

– Святой Иуда, – машинально закончила Дженнифер.

К ее удивлению, это произвело слегка отрезвляющее действие на отца Ансельма, вставшего на тропу святых. Словно впервые полностью осознав их присутствие, он засиял и обернулся к Дженнифер.

– Да, и святой Иуда, – признал он. – Мадемуазель хорошо знает святцы?

– О нет, нет, – торопливо сказала Дженни, – только немного.

Отец Ансельм заулыбался в предвкушении удовольствия.

¹⁷ Здесь: ароматическая смесь из цветов и благовонных трав (*фр.*).

¹⁸ Отец (*фр.*).

– А вы слышали, – взволнованно спросил он, – о святом Бидульфе?

– Нет.

– О святом Онисиме?

– Тоже нет.

– О святом Августине из Гиппо?

– Никогда.

Отец Ансельм торжествующе повернулся к колонне:

– Вот они. Все здесь.

И он с гордостью махнул своей тряпкой.

Стивен украдкой взглянул на часы и хотел было вставить слово, но на него уже не обращали внимания. Дженнифер и отец Ансельм, выказывая живейшую радость от общения друг с другом, скрылись за следующей колонной, вероятно, чтобы лицезреть святого Бидульфа и его еще более редкостных собратьев. Стивен удрученно вздохнул и последовал за ними.

– Крайне интересная церковь, – говорила Дженнифер с видом совершеннейшего восхищения, – и такая необычная. А коллекция статуй... Никогда не встречала ничего подобного, даже во Франции. А дома мы, как правило, обходимся каким-нибудь одним святым.

– Не считая святого Симона...

– И святого Иуды, – кивнула Дженнифер.

Они счастливо улыбались друг другу. Затем Дженнифер сказала будто между прочим:

– А что за удивительная статуя Мадонны в монастыре, не правда ли? Не знаю, видела ли я что-либо более прекрасное.

Сухонький священник выглядел озадаченным.

– Какая статуя? Вы, наверно, имеете в виду ту, что в коридоре второго этажа? Там святая Анна, дитя мое.

– Нет-нет. Статуя в маленьком алтаре церкви. Мне кажется, она просто чудесная, как и триптих в главном алтаре.

– Уж и не знаю, – искренне сказал отец Ансельм. – Ведь это современные вещи, верно? Не скажу, чтобы я внимательно разглядывал эти картины. Вкусы мои достаточно старомодны, к тому же я очень близорук.

Он смущенно кашлянул.

И действительно, несмотря на множество статуй, церквушка была вполне заурядна и не отличалась особой изысканностью вкуса. Весьма вероятно, что отец Ансельм принял за современную живопись удлиненные, возвышенные образы Эль Греко. Но, явно слегка помешанный на статуях, он не мог не заметить бесценной Мадонны. Подняв глаза, Дженнифер прочла то же удивление в глазах Стивена, но в этот момент отец Ансельм добавил:

– Что же это за статуя... Я не помню вообще ни одной... В боковом алтаре Богоматери – там висит картина, очаровательная вещица, голубая с золотом. Как-то раз, помнится, дети возлагали цветы перед ней.

Итак, в приемные дни они прятали свои сокровища. Дженнифер, не осмеливаясь взглянуть на Стивена, подавила в себе желание выяснить, имеют ли золотые светильники такую же способность к исчезновению. Вместо этого она сказала, показав на большую группу святых:

– Да здесь у вас просто изобилие. Все они... малоизвестные, совсем забытые.

Эта попытка направить разговор в другое русло оказалась вполне успешной. Отец Ансельм радостно воскликнул:

– Так и есть! Это стало смыслом моей жизни. Я решил, что в моей церкви никто не будет забыт. Несколько лет назад, – с отсутствующим видом продолжал он, полируя и без того сияющие подсвечники возле святого Августина из Гиппо, – я написал книгу о всех святых этой церкви. Представьте себе, мадемуазель, их жития завели меня в неизвестные и далекие места. Конечно, в переносном смысле.

– Да-да, понятно.

– Многолетний, кропотливый труд... но теперь можно сказать, что он завершен, и в итоге мы имеем свод, а лучше сказать, компендиум, в котором не упущено ни одно имя, никто не забыт.

– Просто потрясающе!

– Получив сан здешнего кюре, я приложил все силы, чтобы почтить память всех, кто принес свою жизнь на алтарь веры и был почти забыт.

– Мне кажется, это замечательная идея, – с теплотой в голосе сказала Дженнифер. – Вы создали действительно уникальную церковь.

– Посвященную, – сказал отец Ансельм с внезапным смешком, – всем святым. И с этим уже ничего не поделаешь.

Он еще раз на прощание прошелся тряпкой по подсвечникам святого Августина и мельком посмотрел на Стивена. Взгляд отца Ансельма стал вдруг удивительно цепким и ясным.

– Итак, – сказал он, взмахнув тряпкой и вытряхивая пыль, – вы хотели задать мне несколько вопросов о той женщине, что умерла в среду, двадцать первого июня, в монастыре долины Гроз? Я слушаю тебя, сын мой...

Но в результате не выяснилось почти ничего нового.

– Сначала думали, что она пошла на поправку, – сказал отец Ансельм. – Но потом, в среду вечером, ее состояние резко ухудшилось. Казалось, она угасает на глазах. За мной послали, но, когда я приехал, она уже умерла. Было около одиннадцати вечера. – Он взглянул на Дженнифер. – Вы говорите, это была ваша кузина, мадемуазель?

Она утвердительно кивнула.

– Мне очень жаль, – просто сказал отец Ансельм.

Дженнифер встретила взглядом со Стивеном, и он едва заметно кивнул ей.

– Отец... – начала она.

– Да, дочь моя?

– Я надеюсь, вы не сочтете мой вопрос слишком странным. Это сугубо личное дело, понимаете, и...

– Я никому не скажу.

– Мне бы хотелось спросить вас о вполне определенных вещах...

Отец Ансельм слегка отвернулся от нее, устремив вдумчивый взгляд на святого Онисима, и сказал:

– Спрашивай о чем угодно, дитя мое, и я расскажу все, что знаю. Так о чем ты хочешь спросить?

– Мы хотели бы знать, отец, как она выглядела, – сказал Стивен.

Священник на мгновение отвернулся от святого Онисима и удивленно посмотрел на Стивена:

– Сын мой, она была мертва, а умершие...

– Нет, вы меня не поняли, – торопливо сказал Стивен, – я спрашиваю о цвете ее волос, глаз и тому подобное.

– Но ведь здесь мадемуазель... – Отец Ансельм не договорил и вновь обернулся к святому Онисиму. – Она была белокурая, глаза серые или голубые, не помню точно. Что до ее роста, тоже не могу сказать. Она была очень худая, измученная болезнью. Умершие мало похожи на живых, а я видел ее незадолго до смерти. И при свечах, – добавил он.

– Она говорила по-французски?

– Да, конечно. Я бы никогда не подумал, что она не француженка, если бы вы не сказали. Ее имя, тоже... вы понимаете...

Он начал соскабливать воск, накапавший на пьедестал святого Онисима.

– Она была в сознании? Я имею в виду, она не бредила, когда вы были у нее?

– Нет. Она вполне здраво мыслила и знала, что умирает.

– Знала, что умирает? – тихо переспросила Дженнифер.

– Да, именно так.

– И она ничего не просила передать, никого не упоминала?

Он отрицательно покачал головой.

– Я знаю, – смущаясь, сказала Дженнифер, – что вам нельзя разглашать тайну исповеди, но ведь вы можете просто, не называя имен, сказать, вспоминала ли она о ком-нибудь?

Отец Ансельм мельком взглянул на нее:

– Да, могу. Но она ничего подобного не говорила. Мне очень жаль, мадемуазель. – Его голос стал печальным. – Она даже не успела исповедаться. Конец наступил быстрее, чем мы ожидали. Да, слишком быстро...

Все помолчали. Потом священник вдруг взглянул на Дженнифер, в его ясных черных глазах появилась новая мысль.

– А вы видели ее документы? Ведь обычно у всех есть документы.

– Да, я смотрела их.

– Но тогда, – сказал отец Ансельм, внимательно глядя на святого Онисима, – что же еще можно добавить? Боюсь, мне нечего сказать.

Когда они уходили, он был всецело поглощен полировкой колонны, пребывая поистине в святом неведении.

Глава 11

Ноктюрн

У ворот монастыря Стивен пожелал Дженнифер спокойной ночи, и она несколько настороженно позвонила в колокольчик, надеясь, что удастся избежать новой встречи с доньей Франциской. Но боялась она напрасно. Ее встретила незнакомая симпатичная молодая послушница в белом головном уборе. Под звуки пения, доносившегося из церкви, они быстро пересекли дворик и вошли под арку. Пройдя через трапезную, поднялись на второй этаж и оказались в длинном узком коридоре с многочисленными дверями по обеим сторонам. Послушница остановилась и постучала в одну из дверей. Не дождавшись ответа, она открыла дверь и пригласила Дженнифер войти.

Как и следовало ожидать, комната оказалась маленькой и унылой: там стояли две кровати, два стула, два небольших комода. На стене висела картина, изображающая Мадонну с младенцем, под ней на полу лежала подколennая подушечка. Окно выходило на южную сторону, в сад, и вдали, в горах, таинственно светлели залитые лунным светом снега Испании.

Послушница показала на кровать у окна:

– Это ваша, мадемуазель, и вот этот пустой комод тоже. Я переписала для вас расписание трапез и служб, но, – она улыбнулась, – вы не должны считать себя обязанной посещать их. Мать настоятельница особо подчеркнула, что вы должны чувствовать себя совершенно свободно и приходить и уходить, когда пожелаете.

Дженнифер поблагодарила ее, и девушка удалилась, закрыв за собой дверь.

Она подошла к окну и выглянула в сад. Слева за стеной сквозь темное сплетение яблоневых ветвей проглядывало кладбище и внешняя стена со спускающимся с нее пушистым ковром роз и голубых выюнков. Ну вот она и здесь, в самом центре таинственных событий, и ее томило предчувствие, что скоро что-то произойдет. Но для начала в любом случае придет Селеста.

Она отошла от окна, и вновь ее поразили унылый вид безликой комнаты. Ничто не давало ключа к характеру ее обительницы. Возле двери висел черный плащ, веревочные шлепанцы аккуратно стояли под стулом – вот и все. Даже занавесок на окнах не было. Ни цветов, ни картинок, за исключением Мадонны, ни книг, кроме маленького розового молитвенника, лежащего на комодике. Она взяла его и сразу же насторожилась. Дженни внимательно рассматривала книжицу. Розовая кожа переплета поблескивала золотым тиснением, страницы украшали изящные средневековые арабески в цветовой гамме зеленого, пурпурного и золотого. Дженнифер с легким трепетом перелистывала их, восхищаясь тонкой работой, и вскоре осознала уже знакомое странное несоответствие. Это же чувство она испытала недавно... В церкви... Тусклая скромная церквушка с простыми оштукатуренными стенами, обычными окнами и... сокровищами Италии и Испании, сверкающими перед роскошными светильниками.

Ситуация вполне сходная – прелестная маленькая вещица, которую так беспечно положили на уродливый грубый комод. Она взглянула на Мадонну и, уже не удивляясь, отметила, что склоненное над младенцем лицо улыбается той просветленной улыбкой, которая обычно светится на знаменитых полотнах Мурильо.

Молитвенник лежал на ее ладони, и страницы сами собой переворачивались, пока книга не раскрылась на первой странице, форзаце.

В верхней части была надпись: «Марии Селесте от Марии Франциски, un don en Dios»¹⁹. Мадонна улыбалась.

¹⁹ Дар Божий (исп.).

Дверь тихонько отворилась, и в комнату проскользнула Селеста. Дженнифер, с книжечкой на ладони, почувствовала смущение, точно ее застали за неблаговидным занятием. Она улыбнулась девушке и сказала:

– Прости, пожалуйста, я без спросу взяла твой молитвенник, Селеста. Какая прелестная книжечка.

Девушка покраснела, будто от досады, но, пробормотав: «*De rien, mam'selle*»²⁰, присела на кровать, повернувшись спиной к Дженнифер, и начала расстегивать сандалии.

Дженнифер, с сомнением глядя на ее спину, решила, что откровенничать лучше в темноте, и не стала пока продолжать разговор. Но когда она, переодевшись, вышла из маленькой умывальной, Селеста уже свернулась под одеялом, лицом к стене. Если она и не спала, то явно притворялась спящей.

Разочарованно вздохнув, Дженнифер задула свечку и легла в постель.

Она проснулась в полнейшей темноте и некоторое время сонно соображала, где находится. Потом мысли стали более связными, и она подумала о разбудившем ее звуке. Ветер? Вечером было тихо, наверное, он поднялся ближе к ночи, и теперь за окном вздыхали раскачивающиеся сосны, а порывы ветра рассыпали по стеклу залпы дождевой дроби.

Но нет, был еще какой-то легкий звук, именно он разбудил ее. Тихий и отчетливый стук, прорезавший тишину комнаты.

Дверь... Как будто дверь закрылась с тихим стуком.

Она села на кровати и, напрягая зрение, всмотрелась в темноту. Вещи постепенно приобрели свои очертания, и она увидела, что кровать Селесты пуста, а из-под стула исчезли сандалии. Порывшись в сумочке, Дженнифер выудила коробок, с третьей попытки умудрилась зажечь спичку и при свете ее дрожащего огонька окинула взглядом комнату. Да, сандалии исчезли, и черный плащ тоже... Конечно, Селеста могла просто выйти ненадолго по вполне естественной надобности, а в коридоре прохладно. Нельзя, уговаривала она себя, во всем видеть тайные мотивы.

Спичка догорела, но то, что она увидела в последнем отблеске огня, заставило ее вновь схватиться за коробок. Что же это? Да, так и есть: ночная рубашка Селесты свешивалась с кровати. Дженнифер осторожно, стараясь не погасить спичку, выскользнула из постели и направилась к комоду, в который Селеста вечером убрала свою одежду. Она выдвинула ящик. Пусто.

Вторая спичка погасла, когда Дженни подошла к подсвечнику. Она стояла в полной темноте и быстро прикидывала варианты. Селеста могла пойти к кому-то в монастыре, скажем в комнату доньи Франциски или, возможно, в церковь. Но стала бы она одеваться для этого? Плащ ведь был достаточно теплый. А что, если она вышла из монастыря... Дженнифер на ощупь подошла к окну и выглянула в сад. Темные очертания гор и лесистых склонов туманно и грозно вырисовывались в обманном свете луны, сосны поблескивали каплями дождя, низкие облака проносились, отбрасывая рваные тени. И тут она заметила длинную черную тень, целенаправленно пересекавшую сад. Она промелькнула мимо яблонь, метнулась в калитку и исчезла в кромешной тьме за стеной кладбища. Дженнифер высунулась из окна и в момент внезапного затишья услышала, как щелкнула задвижка. Это открылась дверь во внешней стене.

Дженни начала действовать чисто машинально – даже позже она не могла объяснить себе, почему приняла именно такое решение. Быстро одевшись, она накинула плащ и уже через несколько минут оказалась у той же стены. Ветер раздувал полы плаща. Она мысленно выругала себя за глупость. Разумеется, Селесты и след простыл – ведь на ее стороне темнота и преимущество во времени. Да разве удастся выяснить что-нибудь – что именно, она и сама толком не знала. Разве что-то разглядишь в такую темень?

²⁰ Ничего, мадемуазель (*фр.*).

Невероятно, но вдруг в отдалении ей померещилось какое-то движение, когда быстро несущиеся в небе тучи на миг поредели. Да, действительно, впереди, ярдах в семидесяти, маячила черная фигура. Она шла против ветра, и плащ за спиной надулся, как парус.

Благодарная теперь и шуму ветра, и темноте ночи, Дженнифер устремилась в погоню.

Ветер был не сильный, но иногда налетали такие порывы, что дух захватывало и трудно было удержать равновесие на каменистой тропе. Селеста скорым шагом поднималась по склону прямо в лес, и вскоре обе они уже окунулись в его спокойную чернильную глубину. Здесь ветра не было, он отдаленно вздыхал в кронах и больше не мешал движению; шаги поглощала теперь мягкая, точно войлок, хвоя. В этой глубокой бархатно-тяжелой темени Дженнифер чуть не заплутала, ее спасла только тропа, бегущая прямо к уже отмеченной бледным светом луны лесной опушке... словно свет в конце туннеля. Она почти бежала по сухой и мягкой тропе, и тут фигура впереди, на мгновение показавшись в просвете на фоне безоблачного неба, свернула влево и исчезла из виду, вновь скрытая косым дождем.

Выйдя из леса, Дженнифер обнаружила, что дорожка действительно резко поворачивает влево, к югу от лесной полосы, и переходит в петляющую вверх по склону каменистую осыпь. Она выбралась на эту едва различимую дорогу и немного сбавила шаг, но не потому, что вдруг задумалась, куда и зачем идет или что собирается делать дальше, а просто осознав, что ей крайне необходимо выяснить, куда направилась Селеста так тайно и спешно. Она должна выяснить причину, какой бы ничтожной та ни оказалась.

И разве эта ночная вылазка недостаточно таинственна? Итак, приподняв намокшие полы плаща, она устремилась навстречу дождю и ветру, надеясь лишь на то, что Селеста не спряталась за выступом скалы, а спокойно продолжает следовать своей дорогой.

Вскоре, однако, Дженни успокоилась: она разглядела в очередном просвете темную фигуру, уже взобравшуюся на гребень горы. Немного позже Дженнифер тоже поднялась туда и остановилась.

Фигура исчезла. Но вдаль, чуть правее, виднелся свет. Какие-то небольшие постройки прилепились к скалистым склонам, и в центральном домике горел свет, падая широкой полосой из окна с раскачивающимися ставнями. Где-то гроыхнула цепь, залаяла собака, и все стихло.

Значит, Селеста вошла в дом... Дженнифер вспомнила, о чем говорил Стивен, и внезапно почувствовала такое сильное волнение, точно находилась на пороге открытия.

«Этот человек живет в долине, – говорил он, – на ферме за монастырем...» Как же его фамилия?... Он же называл... Бюсак, да, точно – Бюсак. Пьер Бюсак... Она произнесла про себя это имя, глядя на освещенное окно, и вдруг пробудилось еще одно воспоминание. Официант в отеле тоже упоминал Пьера Бюсака, говорил, что тот был в городке в ту грозную ночь, три недели назад. В ночь, когда машина Джиллиан сорвалась под откос...

Дженни дрожала от волнения и страха. Конечно, это могло ничего не значить, но интуиция подсказывала ей: что-то важное в этом совпадении определенно есть. И раз уж она зашла так далеко, то, невзирая на страх, должна закончить начатое. Надо выяснить, что за дела у Селесты с Пьером Бюсаком. Дженнифер начала осторожно приближаться к окну, обходя полосу света и стараясь не встревожить собаку. Ветер поскрипывал дверью и хлопал ставнями, и этот аккомпанемент хорошо скрадывал звуки ее шагов. И собака, видимо, привыкла к полуночным посещениям. Во всяком случае, она не залаяла.

Двор был вымошен булыжником, Дженнифер подошла и прижалась спиной к стене дома рядом с окном. Стараясь не слишком высовываться, она изогнулась и заглянула в щель между ставнями.

Ее ожидал второй сюрприз за этот вечер.

Черная фигура, вошедшая в светлую комнату и стряхивающая капли дождя с пышных складок плаща, оказалась вовсе не Селестой.

Это была испанка, донья Франциска.

Глава 12

Энигма

Так вот почему она так легко напала на след! Конечно, к тому времени, когда Дженнифер вышла из сада, Селеста уже давно скрылась по своим тайным делам. С другой стороны, с запоздалым испугом поняла Дженнифер, на выходе из монастыря она чуть было не столкнулась с доньей Франциской. Трудно сказать, знала ли донья Франциска о ночном паломничестве Селесты, но в данный момент это не имело значения. То, что происходило сейчас в кухне, оказалось гораздо более важным, и надо было постараться как можно больше увидеть и услышать.

Завывания ветра заглушали голоса, и она прикинула к самому окну, напрягая слух.

Испанка сняла плащ и бросила его поперек стола, стоявшего в центре кухоньки.

Дженнифер с досадой обнаружила, что не может разобрать практически ни слова: быстрая скороговорка французской речи заглушалась завываниями ветра и ночными шорохами. Но одно было ясно: донья Франциска чертовски обозлена. Ее побелевшее лицо неузнаваемо исказилось, было ясно, что ею владела жуткая ненависть. Дженнифер даже испугалась – ей сразу представилась картина зловещего полета мстительных фурий.

Испанка умолкла, как будто ее перебили. Откуда-то из-за камина донеслась неразборчивая реплика, произнесенная приглушенным басом.

Неожиданное затишье капризного ветра позволило различить голос испанки, а то, что она говорила, было настолько важно, что от волнения у Дженнифер застучало в висках.

– Ее кухня, – говорила донья Франциска, – все выспрашивает. Я обманула ее, но она слишком подозрительна, а теперь еще считает, что получила доказательства своей правоты. Она не отстанет. – Ее голос стал громче и резче. – И что хуже всего, она остановилась в монастыре, и если мне не удастся придумать объяснения, которые удовлетворят...

Мужской голос забубнил что-то, но донья Франциска мгновенно оборвала его почти змеиным шипением:

– Идиот! Неужели ты не понимаешь, что ты натворил, ты, глупая похотливая скотина! – Эпитеты усугублялись откровенно презрительным тоном. – *Obscène bête!*²¹ Животное! Ты соображаешь, что можешь потерять? Если она...

Порыв ветра стер окончание фразы, но теперь Дженнифер, высунувшись чуть больше, разглядела собеседника, который резко шагнул вперед и остановился, рыча что-то неразборчивое. Она увидела крепкого высокого мужчину лет сорока пяти, с типичным замкнутым смуглым лицом пиренейского крестьянина. Черные глаза хмуро смотрели из-под густых бровей; прямой крупный нос и жесткая линия рта, искривленного злобной усмешкой. Суровое хищное лицо, возможно, было даже красивым, но сейчас все черты были искажены злостью. На нем застыло угрюмое и жесткое выражение, а каждое движение мужчины выдавало клочковатую в нем ярость.

В сравнении с ним донья Франциска выглядела еще более аристократично: породистое лицо с горящими фанатичными глазами не излучало страха перед яростными выпадами, скорее, в нем было выражение легкого отвращения. Презрительно скривив рот, она заговорила снова, роняя какие-то язвительные, жалиющие слова. И хотя Дженнифер чуть не выдавила стекло, пытаясь расслышать этот монолог, ветер почти полностью заглушал голос.

– Есть только один выход, и ты это знаешь. Неизвестно, сколько времени эта англичанка намерена рыскать здесь. Она доберется и сюда, *ça se voit*²², раз уж она решила отыскать свою кухню.

²¹ Грязная скотина! (*фр.*)

²² Это очевидно (*фр.*).

Услышав это, Дженнифер прислонилась к стене и закрыла глаза; темнота сгустилась вокруг нее, сердце еще бешено колотилось, но постепенно, подобно порывам ветра, начало затихать. А обличающий голос все звучал:

– С самого начала твоя затея была безумием, но теперь – полный провал. *Comprenez, imbécile, le suicide!*²³

Мужчина сказал что-то в ответ, но его голос был настолько тих, что ничего нельзя было разобрать. Донья Франциска едва сдерживалась, к ее язвительному презрению добавилась неприкрытая угроза. Дженнифер изо всех сил старалась понять стремительный французский:

– *Vous feriez bien de vous rappeler...*²⁴ Не забывай, Пьер Бюсак, у меня тоже есть права в этом деле! Ты должен понять, что эти игры выходят за рамки твоих личных дел! Есть только один выход, и ты его знаешь. Ты должен – слышишь? – должен избавиться от нее!

Пьер Бюсак рванулся вперед, точно хотел ударить донью Франциску, но она не двинулась с места. Он остановился, опустив тяжелые кулаки на стол, и, явно возражая ей, снова прорычал что-то неразборчивое. Она ответила, равнодушно наблюдая за ним:

– Но ты же понимаешь, что я права. Впрочем, как и всегда. Если ты подумаешь головой, а не другой частью тела, то поймешь, что единственный безопасный путь – избавиться от этой женщины. Мадам Ламартин, – ее голос повысился, а Дженнифер замерла в напряженном ожидании, – мадам Ламартин умерла от пневмонии и лежит на монастырском кладбище. Там она и должна остаться... Один вопрос, одно сомнение, один раз лопатой копнуть – и в этой долине будет не протолкнуться от полицейских. И тут уж тебе крышка, дружок!

– И вам тоже! – запальчиво отпарировал он.

– О, не думаю. – Она рассмеялась. – Я тут ни при чем. Все, что я могу потерять, – мой личный доход.

Бюсак поднял голову:

– «Все»? – У него вырвался ехидный смешок. – Вот именно, моя милая леди, вы можете потерять все. Все, что составляет смысл и мечту вашей жизни... Власть, слава – вот что должны были принести вам эти деньги. Зачем же еще вы прозябаете в этой богом забытой долине, если не для того, чтобы охранять свой «личный доход»? Не думайте, что я не знаю о планах, которые вы вынашиваете в своем алтаре, сеньора Франциска, выжидая и даже моля о смерти старой настоятельницы... Выжидая и надеясь, что добьетесь желаемого, когда она уже не сможет помешать вам. Она-то вас хорошо знает. Разве не так? Мадам приоресса монастыря долины Гроз. Да уж, тогда поминай как звали скромный сиротский приют! Вместо него будут роскошные хоромы с великолепной церковью, в которую потечет толпа туристов со всего света! – Его голос звучал уже откровенно издевательски. – Нет, вы очень боитесь потерять наш испанский трубопровод, ведь он непрерывно качает золото в ваши карманы и дает вам власть! Вы жить без этого не можете!

Она слушала, не реагируя, тяжелые веки прикрывали ее глаза.

Он заговорил снова:

– Да-да. Отлично вас понимаю. Власть, донья Франциска... вот зачем вам нужны деньги... – Его упавший до злобного шипения голос был отчетливо слышен в наступившем безветренном затишье. – И вам плевать, что они испачканы в крови.

Испанка хотела было ответить, но передумала. Дрогнувшее было лицо опять застыло, напоминая неподвижную маску, за которой может скрываться все, что угодно. Она подняла на него глаза:

– Завтра вечером. Ты должен избавиться от нее к завтрашнему вечеру.

Ее горящие темные глаза, казалось, прожгли одеревеневшее лицо.

²³ Пойми, глупец, самоубийство! (*фр.*)

²⁴ Неплохо бы тебе припомнить... (*фр.*)

Бюсак реагировал бурно. Он что-то закричал и, подняв пудовые кулаки, потрясал ими в приступе ярости. Но у доньи Франциски, видимо, был настолько сильный характер, что одного ее горящего взгляда оказалось достаточно, чтобы положить конец бунту. Она сказала все тем же четким и злым голосом:

– Я приду завтра вечером, как обычно, после богослужения и проверю. Тебе придется сделать это, мой бедный друг!

– Как? – спросил он хрипло.

Донья Франциска пожала плечами:

– Это твоя забота.

– Мне же не к кому, как вы понимаете, отослать ее!

Она молчала, не сводя с него глаз. Ветер утих. Дженнифер видела Бюсака, все еще опиравшегося на стол. Он вскинул голову и уставился на донью Франциску. Лица видно не было, но спина вдруг точно окаменела – от ужасной мысли, пришедшей ему в голову. Он заговорил, и в голосе его прозвучал ужас:

– Вы что, предлагаете убийство?

Она резко оборвала его:

– Я ничего не предлагаю. Повторяю, это твоя забота. Сам ввязался в эту историю, сам и выпутывайся. Я ничего не желаю знать.

– Я не пойду на такое, черт вас возьми!

Ее губы скривились.

– Каждый судит о других в меру своей испорченности, дружок. Мне надо только, чтобы ты убрал ее отсюда, из Франции. Езус Мария, тебе ли не знать, какой самый лучший путь для этого!

– Моя переправа? Отвести ее туда и направить в Испанию? В ее-то состоянии? Но это как раз и будет убийством, вы же отлично понимаете! С тем же успехом можно просто перерезать ей горло, и все.

– Ты преувеличиваешь. Если она настолько глупа, что заблудится, – какое нам дело? Ее выпустили на свободу, показали дорогу. Нет, в этом случае ее смерть не будет на моей совести! Повторяю: все, о чем я прошу, – чтобы ты удалил ее из Франции. А что случится дальше... – Она помолчала, черные глаза медленно скользили по его фигуре. – С чего это ты вдруг стал таким щепетильным? Тебе ли говорить об убийстве? Что оно значит для тебя... Пустяк – одним больше, одним меньше...

Он молчал, но не отводил от нее пристального взгляда. В комнате повисла тишина, и тут ветер опять начал завывать и хлопать ставнями, намокший подол плаща Дженнифер прилип к стене дома. Отчетливый голос доньи Франциски произнес:

– Итак, ты понял. Завтра к вечеру. А если не сделаешь... – Она впервые подошла поближе к нему. При этом ее горделивая осанка не изменилась, но в манере появилось нечто странное. Казалось, сейчас она понизит голос, склонится к нему и шепнет какую-то ужасную тайну. – Если не сделаешь...

Ветер грохотал на крыше оторвавшейся жестью. Дженнифер в отчаянии видела, что губы испанки беззвучно шевелятся. Мужчина отрицательно тряс головой, он сделал шаг вперед и стукнул кулаком по столу, точно в подтверждение отказа. Донья Франциска проигнорировала его жест, словно не заметив, и бросила последнюю ядовитую фразу. Затем повернулась к нему спиной и взяла свой плащ.

Дженни, не теряя времени, скользнула в темноту и полетела вниз по каменистой тропе со скоростью, которая оказала бы честь ведьме, летящей на шабаш.

Дженнифер вошла под арку между церковью и жилым корпусом и слышала слабый звук, доносящийся из-за неплотно прикрытой двери церкви. Поколебавшись мгновение, она

решила, что достаточно опередила донью Франциску и может позволить себе заглянуть в церковь.

Сначала она ничего не заметила, потом в красноватом свете лампад открылась уже виденная ранее картина. Селеста стояла на коленях перед образом Скорбящей Богоматери. Дженнифер уловила тихий шепот и всхлипывания.

Она заметила капли дождя, блестящие на плечах девушки, словно россыпь рубинов. Помня о той, которая должна была появиться здесь с минуты на минуту, Дженнифер быстро вышла из церкви и прикрыла тяжелую дверь, оставив Селесту наедине с ее тихими отчаянными мольбами.

Глава 13

Испанское каприччио

Теперь она с легкостью докажет Стивену, что была права. Дженнифер сгорала от нетерпения, но сдерживалась, то и дело отмечая, как медленно стрелка часов отсчитывает утренние мгновения.

Очевидно, сейчас бессмысленно рассказывать обо всем приорессе – разоблачить донью Франциску должен тот, кто сможет немедленно арестовать ее. Нельзя идти на риск, ведь если испанка заподозрит неладное раньше времени, то уничтожит улики, спрятанные на ферме Бюсака.

По той же причине она подавила в себе сильное желание встретиться со Стивеном раньше условленного часа. Ведь она приняла приглашение пожить в монастыре с ясно означенной целью – расспросить обитателей; отказ от этого намерения также мог вызвать подозрения, которых ей хотелось избежать. Но при всем желании ускользнуть из монастыря было нелегко, поскольку приоресса, определенно желавшая загладить их «ошибку», сразу после завтрака послала за Дженнифер и спросила ее в присутствии доньи Франциски о дальнейших планах.

– Донья Франциска, – мягко произнес старческий голос, – сделает все возможное, чтобы помочь тебе.

Испанка, глядя на Дженнифер из-под полуприкрытых век, выразила согласие.

Но у Дженнифер было достаточно времени на обдумывание и подготовку к этой встрече. Выбрав несколько относительно безопасных тем, она нудно и долго выспрашивала донью Франциску об аварии, о грозе, о прибытии кузины в монастырь, затем, конечно, о болезни и в заключение об отце Ансельме и о смерти кузины...

Испанка, не задумываясь, отвечала на все вопросы, голос был ровным и любезным, лицо, как всегда, ничего не выражало, но глаза смотрели очень внимательно. Дженнифер, в свою очередь, сразу дала понять, что нынешним утром уже раскаялась во вчерашнем недостойном поведении. С виноватым выражением лица, робко задавая самые невинные вопросы и словно с неохотой постепенно расставаясь со своими подозрениями, она добилась легкой презрительной улыбки, скользнувшей по губам доньи Франциски. Дженнифер с удовольствием отметила это, как и уменьшившуюся настороженность ее взгляда. Она продолжала разговор, не выходя из своего покорно-смущенного образа, чтобы усыпить бдительность коварной испанки.

Этот спектакль мог бы порадовать и удивить Стивена и до глубины души потрясти миссис Силвер. Завершением беседы стал обмен изящнейшими лицемерными заверениями: Дженнифер без конца расшаркивалась за вчерашние глупости, а донья Франциска признавала явное недоразумение и уверяла, что, как только выяснятся какие-либо факты, она сразу же даст ей знать...

В это время колокол возвестил об утренней службе, и Дженнифер, игравшей двойную роль гостьи монастыря и кающейся грешницы, не оставалось ничего другого, как принять приглашение испанки проследовать за ней в церковь и тосковать там до окончания этой, похоже, бесконечной службы.

После службы веселее не стало. Донья Франциска с любезным видом предложила ей посмотреть вещи кузины и решить, что с ними делать. Дженнифер не смогла придумать убедительных причин для отказа. Ей вдруг пришла в голову мысль, что испанка специально не выпускает ее из поля зрения, и Дженнифер испытала легкий укол страха. Но, к счастью, донья Франциска отправилась по делам, поручив ее сестре Мари-Аннет, круглолицей женщине лет сорока.

Целый час она искала подходящий предлог, чтобы вырваться от сострадательной и явно изголодавшейся по сплетням сестры Мари-Аннет. Но наконец она нашла единственное при-

емлемое для монахини объяснение и попросила оставить ее одну, чтобы еще раз совершить паломничество на могилу кузины.

Она торопливо покинула залитый солнечным светом коридор, сопровождаемая пристальными взглядами святых, спустилась по лестнице и, пройдя через вестибюль, вышла из здания. Сироты, окружив двух юных монахинь, собрались под аркой возле трапезной перед началом каких-то занятий, поэтому Дженни повернула в другую сторону, чтобы пройти в сад через западную дверь церкви.

Там, дойдя до середины главного нефа, она заметила Селесту и донью Франциску, обе были заняты какой-то работой. Дженнифер тут же пожалела, что пришла сюда.

Но они не замечали ее. Селеста вообще вряд ли могла увидеть Дженнифер. Она сидела на нижней ступеньке перед алтарем и, отогнув край настенного гобелена, штопала его, прокладывая крошечные аккуратные стежки. Донья Франциска устроилась повыше, на стуле, который во время службы, видимо, занимал священник, и протирала один из алтарных канделябров. Ее длинные пальцы касались малейшего изгиба, они не просто до блеска чистили подсвечники, а словно ласкали и нежили его. Но в то же время она не смотрела на то, что делает, ее взгляд был устремлен на склоненную головку девушки, и Дженнифер, в чьей памяти со вчерашней ночи жило разъяренное до безумия лицо испанки, была потрясена его выражением в эту минуту. Сейчас это было лицо, знавшее глубину и тяжесть поражений, исполненное страстного желания забыть все и отдаться горячему, безудержному чувству любви и нежности. Любовь... знавшая лишь бесплодное и всепоглощающее разочарование. На Дженнифер волной накатила острая неприязнь, и она быстро прошла к южным дверям. Донья Франциска на мгновение подняла глаза, проводила ее туманным взглядом и, словно не заметив, перевела взгляд на подсвечник.

Сердце Дженнифер тревожно забилося, она почти выбежала навстречу милому солнечному саду, где мирно трудилась добрая старушка-садовница.

Монахиня была слишком рада видеть Дженнифер в хорошем настроении, чтобы вновь затрагивать опасную вчерашнюю тему. Дженни немного поговорила с ней, чтобы окончательно успокоить, и прошла через сад на кладбище. Монашка осталась в саду, склонившись в почти-тельной, почти молитвенной позе перед персиковыми деревьями, занимаясь прополкой.

На кладбище Дженнифер пробыла ровно столько, сколько понадобилось, чтобы проанализировать, что именно вытянула из нее любопытная Мари-Аннет. Затем, бросив взгляд на закрытую южную дверь церкви, она быстро проскользнула через калитку, позволив себе наконец покинуть монастырь.

Но и здесь ей пришлось задержаться. Она услышала стук копыт и, обогнув стену, окружающую сад, увидела юношу, который встретился ей вчера неподалеку от монастыря. Он, как и прежде, скакал на статном гнедом жеребце, и те же две лошади сопровождали его.

Она остановилась в тени монастырских стен рядом с воротами. «Было бы неплохо, – подумала Дженни, – узнать у него побольше о Пьере Бюсаке и его жене». Ведь, по словам Стивена, этот юноша тоже жил в долине и вполне мог удовлетворить ее интерес.

Подъехав, он натянул поводья и окинул Дженнифер небрежным взглядом. Конь под ним норовисто гарцевал, мотал головой и фыркал, с шумом выбрасывая воздух через раздувающиеся ноздри.

Конь и всадник производили довольно сильное впечатление: рельефно очерченная мускулатура животного подрагивала под лоснящейся шкурой, парень непринужденно держался в седле, потертые джинсы и грязноватая голубая рубашка только подчеркивали красоту молодого сильного тела. Он был удивительно хорош собой: темные большие глаза, горделивый и чувственный, изящно очерченный рот с короткой верхней губой. Он выжидающе разглядывал Дженнифер, и она встревоженно заметила в дерзком прищуре его глаз оттенок явной неприязни и недоверия. Это смутило ее, и она сказала с заминкой:

– Вы, должно быть, Луис?

– Да.

Две свободные лошади рванулись в желанную тенистую прохладу под монастырскими стенами. Одна положила морду на спину другой, и та обернулась, прядая ушами и скаля зубы; успокоившись, они просто топтались в тени, опутив шею и лениво помахивая хвостом. Дженнифер на всякий случай отошла в сторону и заметила презрительную ухмылку, промелькнувшую в надменном изгибе юношеских губ.

Разговор явно не получался. Она начала снова, почти наугад:

– Я видела вас вчера вечером.

Это невинное замечание имело поразительный эффект. Ухмылка исчезла, темные глаза сузились. При этом, хотя парень даже не шевельнулся, жеребец ударил копытом и взмахнул хвостом, точно почувствовал легкую тревогу.

– Да?

– Вы прыгали через поток на дне ущелья. Наверное, вы живете на той стороне?

– Да, – в третий раз произнес Луис, но напряжение его взгляда исчезло, и конь тоже успокоился. Луис мотнул головой на запад. – Над ущельем за Пти-Гав.

Этот положительно словоохотливый ответ ободрил Дженнифер. Она подошла поближе и протянула руку к шее лошади:

– Красавец. Это ваш?

– Они все мои, – гордо сказал он. – Тех кобылок я сдаю внаем, но, – он провел рукой по лоснящейся шее, – но не этого, не Фуа.

Она осторожно погладила лошадь по шее. Шкура под ее пальцами была теплой и слегка подрагивала.

– Он кусается?

Легкая улыбка заиграла на губах Луиса.

– Только если я позволю.

– Тогда, пожалуйста, не позволяйте! – Она взглянула на него, нащупывая путь через невидимый барьер недружелюбия. – Вас зовут Луис. Вы, наверное, испанец, а не француз?

– Наполовину, мадемуазель, – ответил он вежливо. – Моя мать была испанкой, это правда, но отец родился в Ортезе.

– Гасконь? Понятно, – сказала она и, делая еще одну попытку сближения, добавила: – Тогда вам, наверное, очень здесь одиноко.

– Когда как.

В его голосе опять появилась легкая настороженность.

– А кроме вас, здесь живет еще кто-нибудь?

– Только Бюсаки. У них ферма там, наверху.

– Вы общаетесь с ними?

Его губы скривились.

– С Пьером Бюсаком не очень-то общаешься.

– Но вы бывали у них? У него симпатичная жена?

– Не знаю, не видел.

– Должно быть, ей очень скучно здесь. У нее есть хоть какие-то приятельницы?

– Не знаю. Откуда мне знать?

Его тон стал резким, почти грубым. Словно не замечая этого, она спросила:

– Вы знаете, кто я?

– Да. Вы кузина той женщины, что недавно умерла в монастыре. Это все знают.

– Все?.. Тогда вам, наверное, понятен мой интерес к этим местам. Ведь вы живете здесь все лето и, наверное, в курсе всех дел. Особенно монастырских.

Уздечка в его руке заметно дернулась, конь встрепенулся. Луис, не сводя глаз с Дженнифер, прикрикнул на него и, чтобы успокоить, похлопал рукой по шее. Лошадь быстро утихла, только тогда Луис наконец бросил с притворным равнодушием:

– Может, и так.

– Вы помните ту ночь, когда произошла авария? – не отступала Дженни.

– Конечно...

– А вы... ее вы не видели?

– Нет. С чего бы я стал таскаться в такую ночь по горам, – раздраженно ответил он, и ей вдруг припомнилось, что она видела его вчера вечером: он сидел на лошади в напряженной позе, и голова была втянута в плечи, как у хищной птицы, высматривающей добычу.

– Вы, случайно, не знаете, кто мог ее видеть?

Поводья блеснули и натянулись вдоль лоснящейся шеи коня. Пятки Луиса сжали бока животного. Вздвигнувшись, жеребец тряхнул гривой и пролетел к воротам, едва не задев Дженнифер. Она отскочила в сторону:

– Поосторожней!

Он не обратил внимания на этот возглас. Его темные глаза загорелись недобрым огнем.

– Вы задаете слишком много вопросов! – бросил Луис через плечо.

Он даже не пытался сдержать коня, но, несмотря на внезапный испуг и раздражение, Дженнифер, затаив дыхание, любовалась картиной, которая ей представилась. Кентавр? Достаточно затасканная тема. Да, у них было какое-то духовное сродство. Они словно стали частью друг друга – конь и юноша, умное животное мгновенно отзывалось на малейшие эмоции седока. Если один вскипал от злости, второй тут же преображал чувство в действие. Горячий свет лоснящейся шкуры, блеск стали, брызнувшая из-под копыт пыль – теплые волны исходили от животного, конь летел вперед, своевольно вскидываясь и явно выжидая момент, чтобы сбросить всадника. Луис дал ему немного порезвиться, затем привычным уверенным движением умирил коня, и тот, хоть и не совсем успокоившись, вынужден был направиться к монастырским воротам. Там, в тени, погасли и стальной блеск, и испарина на вздымающихся боках, и конь, норовящий пролететь мимо намеченной для него цели, был остановлен легким движением смуглой руки юноши. Другой рукой он вытащил из-за пазухи пачку писем и, все с той же ловкостью и изяществом, небрежно бросил их в почтовый ящик. Рука взлетела к колокольчику и дернула за него, затем Луис натянул поводья – конь, послушный руке хозяина, рванул с места и одним гигантским прыжком вынес седока на яркий солнечный свет. Затихающее треньканье колокольчика перебил резкий свист. Две другие лошади, взбивая пыль, неохотно потрусили в туманную взвесь, поднятую их собратом. Потом, словно тоже получив некий импульс, вскинули головы и устремились вперед. Вскоре все трое, оглашая окрестности глухим перестуком копыт, перешли на привычный бешеный галоп и скрылись из виду.

– Очень интересно, – тихо проговорила Дженнифер, – что это на него нашло?

Она опомнилась, услышав последние вялые трели колокольчика, все еще покачивающегося на воротах и извещающего обитателей монастыря о прибывшей почте. Кто-то выйдет сейчас на этот призыв и заберет письма. Дженнифер не хотелось, чтобы ее вновь задержали, и она торопливо пошла вдоль стены. Уже заворачивая за угол, она услышала за стеной быстрые шаги.

Она притаилась за углом. Ворота открылись, письма были извлечены из ящика. Скрипнули петли, засов, лязгнув, вернулся на место. Шаги затихли.

Дженнифер поспешила вниз по тропе на свидание со Стивеном.

Глава 14

Приближение грозы

День стоял душный и жаркий. Вся свежесть ночного ливня, напоившего деревья и травы, уже испарилась под раскаленным светилом. Конечно, угроза таилась не в ярком солнце, а в хмурой дымке над горными вершинами и в отяжелевшем предгрозовом воздухе. Горячее дыхание ветерка, который то и дело серебристой волной пробегал по зеленым лугам, тоже предвещало непогоду.

Но Дженнифер ничего не замечала. Почти бегом она спускалась по пыльной дороге. Время уже перевалило за полдень, а Стивена все еще не было видно. Почему он опаздывает?.. Возможно, что-то задержало его.

Но за первым же поворотом, ярдах в ста, она увидела Стивена. Слегка хромая, он размашисто шагал по дороге, еще окутанной пыльным облаком пролетевшей тройки коней. Лицо его было более мрачным, чем вчера, но Дженнифер не обратила на это внимания. С радостным возгласом она побежала ему навстречу.

– Дженни! Слава богу! Я уже...

Фраза повисла в воздухе. Вчерашняя вечерняя сцена чуть не повторилась, но на этот раз безжалостно палящее солнце ясно освещало ее лицо, которое выражало лишь безвинные страдания и жажду простого дружеского участия. И на этот раз он знал свою роль.

Их руки встретились. Надежное пожатие немного успокоило Дженнифер.

– О, Стивен, я уже боялась, что ты не придешь!

– Но мы же договорились.

– Ой, Стивен...

Она содрогнулась. Он положил ее ладони на свою грудь и притянул Дженни к себе.

– Все в порядке, дорогая. Я пришел. Что у тебя стряслось?

Она начала рассказывать, но ее сбивчивая торопливая речь была почти бессвязной, и единственное, что он смог уловить с первой же минуты, было то, что Дженнифер говорит об убийстве – это слово встречалось почти в каждой фразе.

Стивен мягко разжал судорожно сцепленные руки Дженни и увлек ее с пыльной дороги к тенистому, обрывистому склону.

– Давай сначала присядем, – спокойно предложил он, – и ты расскажешь мне обо всем по порядку. Не надо спешить. Есть отличная идея: что, если выпить немного вина и перекусить? Мы же запланировали ланч... Давай устраивайся поудобнее. Вот... молодец. Попробуй ветчину. Не волнуйся, разрешаю тебе говорить с набитым ртом. – Он тоже взял бутерброд и уселся на землю, прислонившись спиной к скале. – Теперь рассказывай, только по порядку.

Его деловитость, наряду с расслабляющим действием вина, сыграла свою положительную роль, вскоре Дженнифер уже была в состоянии более или менее связно поведать о случившемся. Он, не перебивая, слушал историю ее безумной и оказавшейся такой опасной ночной прогулки в горы, и лицо его становилось все мрачнее.

– Там-то и прячут Джиллиан! – возбужденно воскликнула Дженнифер. – Не знаю, зачем ее там держат, да это и не важно. Но сейчас ей угрожает опасность... Стивен, это уже не фантазия. Это реальная действительность, Стивен...

Он погладил ее по руке:

– Да, Дженни, все ясно. Я уже и сам это выяснил. Даже подумать страшно, что могло случиться с тобой сегодня ночью.

– Ты узнал что-то? От доктора?

– Нет, в полиции. Утром поболтал с приятелем Аристидом, и мне удалось, не вводя его в курс дела, выудить серьезную информацию, из которой стало ясно, что вся эта история очень дурно пахнет.

– Пьер Бюсак?

– Верно. Крысиный Король. Наш приятель Бюсак – настоящий Крысиный Король. И еще я выяснил, кто такой Исаак Ленорман.

– Исаак? Ах, то письмо. Значит, он тоже замешан?

– Да. Слушай, перескажу вкратце. Конечно, все пока на уровне слухов, но суть в том, что твой Пьер Бюсак – знаменитый в здешних краях контрабандист. Поговаривают, что он знает тропу, очень опасную, через горы в Испанию. Я думаю, это та самая «переправа», о которой ты услышала ночью. В общем-то, в здешних приграничных краях все понемногу промышляют контрабандой и считают ее чуть ли не почетным занятием. Ходят слухи, что во время войны он занимался более прибыльным промыслом – переправой состоятельных людей, скрывавшихся от нацистов.

– Ты имеешь в виду евреев?.. А! Исаак Ленорман!

– В самую точку. Заплачено три миллиона франков – огромные деньги. Особенно если учесть, что Ленорман так и не попал в Испанию.

– Что значит «так и не попал»?

– Его тело нашли в низовьях Пти-Гав. Он был застрелен.

– Понятно. И какие мнения существуют на этот счет?

– Вполне определенные. Говорят, Бюсак убил его и присвоил все ценности, которые тот захватил с собой в изгнание. Но конечно, доказательств абсолютно никаких. Во время войны некогда было заниматься подобными расследованиями.

– Стивен, это ужасно!

Он мрачно кивнул и полез за сигаретами.

– Но теперь, похоже, настало время заняться этим Бюсаком. За границу уплывают достаточно большие суммы краденых денег и уходят уголовники, замешанные в серьезных преступлениях вроде того, что произошло в Бордо. Помнишь, что говорили в отеле об ограблении банка? Банда Дюпре.

Лицо Дженнифер внезапно стало бледно-зеленым, словно перевернутый ветром осиновый листок.

– Сестра Марселя Дюпре, – прошептала она. – Исчезнувшая женщина... Неужели это она?..

– А почему бы и нет? Аристид считает, что она как сквозь землю провалилась. Предположим, Бюсак взялся переправить ее за кордон, и она, случайно узнав, что Джиллиан едет сюда, уговорила подвезти ее. Вспомни, что было написано в письме: «Мы уезжаем завтра».

– Ну да. Только я считала, что это оборот речи и что компанию ей составит ее старенький автомобиль.

– Не исключено. Но также это могло означать: «я и моя попутчица».

– А потом произошла авария?

– Да. Мы не знаем, как это случилось и почему эта женщина превратилась в Джиллиан. Скажем, она пыталась добраться до фермы Бюсака, присвоив документы и деньги Джиллиан, но потеряла сознание у монастырских ворот. А придя в себя, решила, что безопаснее позволить монахиням считать ее Джиллиан Ламартин, чем выдать свое настоящее имя... Но предосторожности были излишними. Она умерла.

– А на ферме Бюсака оказалась Джиллиан?!

Тихий, напряженный голос Дженнифер выражал одновременно и утверждение и вопрос. Стивен взглянул на нее:

– Похоже на то.

Она набрала в легкие побольше воздуха и сказала:

– Значит, Бюсак держит Джиллиан взаперти, потому что она видела ту женщину и знает, что та ехала к нему?

– Вряд ли. Какое ему до этого дело? Лалли Дюпре теперь мертва. Нет, их связывает что-то другое. Кроме того, по твоим словам, убрать Джиллиан с дороги хочет донья Франциска, а не Бюсак.

Дженнифер резким нервным жестом отбросила со лба прядь волос и, будто намереваясь перейти к решительным действиям, встала на колени.

– Мы обсудим это позже. Единственное, что имеет значение в данный момент, – это безопасность Джиллиан. Полиция...

Но Стивен сидел не двигаясь. Задумчиво нахмурившись, он смотрел, как вьется между его пальцами струйка сигаретного дыма.

– Нет, Дженни. Я далеко не уверен, что полиция выслушает нас с должным вниманием.

– А то, что я слышала ночью? Ведь они же планировали убийство Джиллиан.

Он кинул на нее быстрый взгляд:

– Вся полиция Гаварни состоит из одного Аристида Кельтона. Допустим, истратив уйму времени, мы доберемся до Лу или Пьерфита, объясним все, сделаем официальное заявление в письменном виде и в трех экземплярах, что донья Франциска из монастыря Нотр-Дам-дез-Ораж замышляет убийство женщины, которая, по официальным данным, уже мертва... – Он криво усмехнулся. – Дженни, милая, ты же отлично знаешь французов. Уж если я вчера назвал тебя Великим Гиньодем, то могу себе представить, что скажут полицейские.

Хрупкое, напряженное безмолвие повисло в воздухе в преддверии грозовой атаки. Замерла выскользнувшая на плоский камень ящерка, тонкий узор темной нефритовой спинки мог бы служить фрагментом изящнейшего китайского орнамента, если бы не ее частые пульсации – признаки жизни маленького создания, прилипшего к горячему камню.

Дженни сказала тихим, потухшим голосом:

– Тогда мы сами должны как-то остановить их.

Он повернул голову. Ящерица мгновенно исчезла, оставив между ними голую поверхность раскаленного камня. Стивен серьезно посмотрел на Дженни:

– Ну конечно, мы остановим их. Это вполне осуществимая задача, Дженни. Несмотря на невероятную интригу в духе Гиньоля с горными ущельями, убийствами и монастырскими тайнами, мне кажется, нам не придется геройствовать. – Он немного помолчал. – И даже прибегать к помощи полиции. Я думаю, не стоит смешивать все в одну кучу. Какой бы гнусной ни была деятельность Пьера Бюсака, возможно, она абсолютно не касается нас.

– Но Джиллиан...

– Вот именно, об этом я и говорю. Практически все дело сводится к совсем простой задаче: вызволить Джиллиан с фермы Бюсака и увезти домой. – Он ненадолго задумался. – Если бы удалось сделать все тихо, без привлечения полиции, так, чтобы не зацепить Бюсака и той банковской девицы, то было бы прекрасно. – Он улыбнулся, заметив выражение ее лица. – Что, Дженни, слишком прозаично? Я не тяну на роль героя?

Она вспыхнула:

– Дело не в этом. Просто... Ведь они же преступники.

– Ну, с этим мы как-нибудь разберемся, надеюсь. Ты только вообрази, – его ладонь мягко накрыла ее руку, – что может произойти, если мы обрушимся на них с пистолетной пальбой. Тут бог знает что может начаться, и Джиллиан подвергнется максимальной опасности. А если удастся вызволить ее путем переговоров, то... Подумай сама, насколько выгоднее такой вариант.

– Конечно. А получится?

– Думаю, да. У меня появилась одна несколько туманная, абсолютно безумная идея. Насчет того, как Джил попала на ферму, хотя и непонятно зачем... И я почти уверен, что для начала нам следует подняться туда, на ферму.

– А Бюсак?

Стивен ухмыльнулся:

– Вряд ли он там. Когда я шел сюда, то видел, как он спускался на муле по той стороне долины. Поэтому нам лучше поторопиться.

Он поднялся и, протянув Дженнифер руку, помог ей встать. Она сказала с воодушевлением:

– Ведь если там будет только мадам Бюсак, мы быстро договоримся.

Он взглянул на нее немного загадочно.

– Если я прав, – медленно произнес он, – то все будет в порядке.

– Что ты имеешь в виду?

Он рассмеялся, уклоняясь от ответа.

– Я же говорил тебе, что мне далеко до супермена. И я не горю желанием встречаться с Крысиным Королем. Другое дело – с его женой. Мы с ней знакомы.

– Ах да. Я забыла. Она ведь твой критик.

– Вот именно. Критик, который предпочитает моим рисункам фотографию. – Он собрал в рюкзачок остатки трапезы. – Вспомнив о мадам Бюсак, я и пришел к той безумной идее, о которой говорил. Мне кажется... Что за черт?

Его прервал резкий звук, донесшийся сверху. Облачко пыли взметнулось над обрывом, там явно что-то случилось.

– Берегись!

Стивен мгновенно подскочил к Дженнифер, схватил за плечи и, припечатав ее спиной к скале, прижался к ней, закрыв своим телом.

Из клубов горячей пыли полетели камни, ударяясь и отскакивая от скалистого обрыва.

Они падали как раз туда, где только что сидела Дженни, и раскалывались на мелкие острые осколки, которые, как пули, свистели вокруг них. Она почувствовала, как вздрогнуло тело Стивена, он слегка отвел руку, а другой так сильно обнял ее, что Дженни чуть не вскрикнула. Она зарылась лицом в грубый твид его куртки. Пуговица сильно вдавилась ей в щеку. Казалось, еще немного, и кости ее затрещат в тисках его объятий.

Внезапно все кончилось. Небольшой камень, будто случайно, пролетел мимо, еще один напоследок едва не задел руку Дженнифер. И настала тишина.

И словно насмешливое эхо, с края обрыва донесся вдруг знакомый перестук. Дженни вздрогнула и замерла – это был удаляющийся топот копыт.

Стивен все еще не отпускал ее.

– Стивен! – Страх сквозил в ее голосе, она слегка пошевелилась в его объятиях и, подняв голову, взглянула ему в лицо. – Стивен, ты ранен?!

Он дернулся так сильно и неожиданно, точно получил еще один удар. Потом, почти мгновенно, ему удалось овладеть собой. Пустое выражение исчезло из его глаз, и он осмысленно взглянул на нее. Его лицо было совсем белым.

– Дженни. О господи, Дженни, я подумал... Ты невредима?

– Да. А ты?

– Все отлично.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Не обманывай меня, Стивен. – Она озабоченно взглянула на него. – Ты ранен, я чувствую.

– Ну, максимум синяк на плече, говорю тебе. И то небольшой. – Он осторожно согнул правую руку и слегка скривился. – Легкий ушиб. Ерунда.

– Честно? Ты... ты ужасно выглядишь, Стивен.

– Неужели? – Улыбка тронула его губы. – Если бы эта проклятая каменюга свалилась чуть раньше...

– Или если бы ты не среагировал так быстро и не оттащил меня с того места, – сказала Дженни. Она стряхнула пыль с юбки и серьезно взглянула на него. – Вполне геройский поступок. Не преуменьшай своих заслуг. Этот удар предназначался мне.

Он усмехнулся. На его лице постепенно проступал румянец, хотя губы еще болезненно кривились.

– Моя жизнь принадлежит не мне, – небрежно сказал он и взглянул в небо. – Пожалуй, надо выбираться отсюда.

– Думаешь, камнепад прошел?

– Не сомневаюсь. Но лучше уйти отсюда подальше.

– В любом случае он уже ускакал, – сказала Дженни.

Он покосился на нее:

– Ты тоже слышала?

– Еще бы.

Стивен оставил ее слова без комментариев, но, когда они достигли безопасного места, сказал:

– Думаю, у нас есть время умыться. Это улучшит наше моральное состояние, и к тому же я весь в пыли.

– У нас осталось что-нибудь выпить?

– Полбутылки золотистого вина в целости и сохранности.

Ледяная вода отлично освежила их, ласковый ветерок взбодрил. Покинув речную прохладу, они молча взбирались по зеленому склону к тропинке. Солнце палило все так же нещадно, а на южные хребты медленно наплывала синевато-серая облачная гряда. Свежий ветерок остался внизу у реки, горячие массы воздуха растекались по склону. Травы от зноя приобрели оливковый оттенок, даже невесомые, словно бумажные, головки горных бессмертников поникли и болтались при малейшем дуновении.

Они выбрались на дорогу и одновременно, подчиняясь какому-то подсознательному импульсу, остановились и взглянули на вершины скал, над которыми теперь виднелись лишь отяжелевшие темные небеса.

Дженнифер сказала:

– Это были лошади...

– Лошадь. Одна...

– Тот парень? Луис?

Стивен промолчал, но глаза его сузились и внимательно разглядывали место, с которого сорвались камни.

– Почему, Стивен? Он так странно вел себя со мной сегодня днем, но почему? Ты сказал, что знаешь его. Откуда он взялся?

Он вздрогнул и пошатнулся. Дженнифер с новой тревогой взглянула на него:

– Твое плечо, Стивен. Все-таки ты, наверное, серьезно ранен.

Он ответил раздраженно:

– Оставь, все нормально. Пойдем скорее.

Стивен направился вверх по дороге, его хромота стала чуть заметнее. Она шла следом, кусая губы и почти радуясь необходимости безотлагательных действий, поскольку можно было хотя бы временно выкинуть из головы этот внезапный камнепад. Запланированное убийство? Слишком изощренная выдумка даже для Луиса с его откровенной любовью к эффектам.

Использование самих гор в качестве оружия... Она оглянулась и снова почувствовала то же смутно-интуитивное холодное чувство страха, что испытала вчера, когда спешила среди этих безмолвных отрогов к Башне Смерти...

Стивен, полуобернувшись, подждал ее.

– Все в порядке, *mignonne*?²⁵

В ровном, спокойном голосе звучала забота. Страх за Дженнифер уже прошел, и синеватая бледность исчезла с его лица, он выглядел уверенным в себе, хоть и мрачноватым.

– Да, Стивен. Я прекрасно себя чувствую.

В его светло-карих глазах мелькнула улыбка, и он произнес с мягкой насмешкой:

– Хрупкий цветочек. – Потом помолчал и решительно продолжил: – Серьезно, Дженни...

Я не хочу, чтобы ты ходила со мной, Дженни.

– Нет, Стивен! Даже не проси!

– Мне будет гораздо спокойнее, если ты останешься внизу.

– Что это ты вдруг придумал? Ведь нет никакой опасности. Бюсак...

– Я не о Бюсаке. Его там нет сейчас. Просто я предвижу, что разговор будет печальный, и предпочел бы, чтобы ты не присутствовала при нем.

– А ты не думаешь, что, наоборот, все будет проще, если я пойду с тобой? Ведь Джиллиан...

– Ну... ладно. Пожалуй, ты права. – Он с сомнением поглядел на нее. – Вот только... Черт побери, Дженни, я понимаю, в тебе проснулся талант Честертона. Но кто знает, что нас ждет, и вообще, с твоей натурой лучше держаться подальше от таких историй.

– Кто бы говорил! – резонно заметила Дженни. – Тебе, что ли, по душе драма в Верхних Пиренеях? Перестань, Стивен. Мы оба тут дилетанты.

– Может быть. Но меня-то воспитывали не в тепличных условиях. – Он ухмыльнулся.

– А меня в тепличных? – беззлобно сказала она. – Так что из этого следует? Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я сейчас уйду и буду ждать тебя в этом диком монастыре?

И хотя тон ее был небрежным, в голосе появились истерические нотки. Стивен быстро отвел взгляд. В ее глазах явственно блеснули слезы, безмятежность растаяла, лицо потемнело, и уголки рта опустились. Сердце Стивена сжалось от нежности и жалости. Охраняемый будуар «Вишневого уюта» был так далеко...

Он сказал:

– Отлично. Пожалуй, ты и в самом деле сможешь помочь. Но, гром и молния – а это нас ждет в прямом и переносном смысле, – мне все же хотелось бы, чтобы ты была в безопасности.

– Опять за свое?

– Сама виновата. – Он улыбнулся. – Ведь с виду ты чертовски незащищенная и слабая. Пойдем, раз уж решила, но не вини меня, если вымокнешь.

– Не волнуйся, – сказала Дженнифер и зашагала за Стивеном мимо монастырских стен к темневшему в отдалении лесному массиву.

К этому времени разливающийся солнечный свет загустел почти до вязкости, тяжелый предгрозово-воздух, казалось, навис над травой и каменной насыпью склона. Громадные тучи темнели в вышине, проплывая на север, их темные громады расплзались, пытаясь закрыть солнце.

²⁵ Малышка (*фр.*).

Глава 15

Выкуп невесты

На ферме было тихо, дом был заперт и, видимо, пуст, но когда они миновали дворик, вымощенный камнями, между которыми пробивалась жесткая травка, и подошли поближе, то возле одного из сараев заметили привязанного мула. Он был весь в испарине, пот стекал по бокам и капал на землю.

Стивен остановился, схватил Дженнифер за руку и прошептал:

– Проклятье! Значит, он уже вернулся. Дженни, умоляю, ради бога, уходи! Быстро!

Но было уже поздно. В проходе между ветхими сараями показался человек с ведром в руке. Он шел прямо на них. Это был мрачный здоровенный мужчина, которого она видела во время своей вчерашней ночной вылазки, – Пьер Бюсак, горец... и, возможно, убийца? Дженнифер застыла на месте – только вчера, здесь, она была зрительницей ночного спектакля. Ее охватило смутение, оставалось надеяться лишь на то, что француз не знает, кто она на самом деле.

Косой солнечный луч прорезал зловещие черные очертания тучи и скользнул по лицу Бюсак, когда тот вышел из темноты сарая; ослепленный, он сделал несколько шагов, никого не замечая. Затем остановился и с хмурой угрозой глянул на Стивена, который выступил вперед, заслонив собой Дженнифер.

– Какого дьявола вам здесь надо?

– Вы – Пьер Бюсак? – спросил Стивен.

Вместо ответа он хмуро буркнул:

– Зря тратите время.

Все тот же сильный южный акцент, который Дженнифер с трудом понимала ночью. Она с облегчением подумала, что он принял Стивена за туриста, желающего нанять проводника. Бюсак добавил раздраженно:

– Разве вам не говорили в городке, что этим летом я больше не вожу в горы?

Он повернулся, дернув плечами в подтверждение отказа, и тут наконец увидел Дженнифер, которую до сих пор не замечал, – она пряталась за спиной Стивена. Он пристально посмотрел на нее, загоровшийся подозрением взгляд скользнул по белокурым волосам, золотистой коже и остановился на зеленом сатиновом платье с пышной юбкой.

Бюсак уставился на нее широко раскрытыми черными глазами. Ведро выскользнуло из его рук и с лязгом покатилося по камням, переворачиваясь с почти нереально замедленной скоростью. Бюсак не обратил на него ни малейшего внимания. Зато резкий звук привлек внимание двух собак, они подбежали к разлившейся по булыжникам молочной луже, встали, ошенившись, за спиной хозяина и с угрожающим рычанием смотрели на незнакомцев.

Бюсак понял, кто она такая, – это было совершенно очевидно. К выражению злости на его лице примешалась тень страха. Глаза вдруг забежали, опустились, и он, не в силах противиться внутреннему импульсу, быстро оглянулся на закрытую дверь дома.

Все это длилось лишь мгновение. Ведро, сделав круг, со слабым затихающим звоном подкатилось к нему под ноги и, казалось, вывело его из оцепенения. Шагнул назад, Бюсак поднял ведро, злобно прикрикнул на собак и повернулся к Стивену и Дженнифер. Самообладание, похоже, не изменило ему.

Он сказал резким тоном:

– У меня нет времени на разговоры, я уже сказал, что не занимаюсь больше туристами.

Он собирался уйти, но настойчивый голос Стивена помешал ему:

– Не спешите. Нас совсем не интересуют услуги проводника, как вы могли догадаться, месье Бюсак. Мне надо поговорить с вами.

Бюсак скривился в ухмылке:

– Не желаю вас слушать.

– Я понимаю, но думаю, в ваших же интересах выслушать, месье Бюсак, – спокойно сказал Стивен. – Или вы предпочитаете разговаривать в полиции? – Он достал сигарету и закурил, поглядывая на собеседника поверх огонька зажигалки. – Или, скажем, вместе с доньей Франциской? – добавил он кротко.

«Это имя, – подумала Дженнифер, – словно стервятник, который одной своей тенью приводит жертву в состояние неподвижности и затем камнем падает на нее». Горец держался спокойно. Он пристально смотрел на Стивена. На лице его снова промелькнуло выражение страха, но страх был окрашен новым чувством, которое трудно было определить. В глазах появилась всепоглощающая жуткая пустота, порожденная отчаянием.

Облизнув пересохшие губы, он сказал:

– Ладно. Я слушаю. Зачем вы явились сюда? Кто вы?

– Кто я, не имеет значения, – сказал Стивен. – А мадемуазель, кажется, вы знаете. Я видел, вы догадались, кто она. Наверное, донья Франциска описала вам ее прошлой ночью? И она же поведала вам, что мадемуазель не верит в смерть своей кузины и может зайти сюда и поинтересоваться подробностями.

– Прошлой ночью? Донья Франциска? Не понимаю, о чем вы?

– Не трудитесь отпираться. Ваш разговор подслушали.

Бюсак скользнул взглядом по Дженнифер и вновь посмотрел на Стивена. В черных глазах полыхнул недобрый огонь.

– Ну и что же? – угрюмо спросил он.

Стивен невозмутимо смотрел на него:

– А то, что незачем попусту терять время. Кузина этой мадемуазель у вас, и мы пришли ее забрать!

Атмосфера внезапно наэлектризовалась. Солнце исчезло за высоким бастионом туч, и мрачная синева опустилась на притихшие деревья. Вдали слышались первые глухие раскаты грома.

Бюсак распрямил могучие плечи:

– Я не желаю больше слушать. Все это чепуха, вы просто лжете! – Он резко взмахнул рукой, и собаки, путавшиеся у него под ногами, кинулись прочь. – Идите-ка вы, рассказывайте сказки своей бабушке, поняли? Давайте-ка убирайтесь отсюда, и вы, и ваша дамочка вместе с вами! Откуда мне знать, кто она и о чем болтает. Что с того, что донья Франциска приходила предупредить меня, что она будет рыскать в этих местах? Говорю вам, здесь никого нет, кроме меня и моей жены. И вообще, в наших краях не любят иностранцев. – Он метнул на Дженнифер такой грозный взгляд, что она невольно попятилась. – Что касается вас, мадам, поймите, ваша кузина умерла и похоронена, и вы не имеете права рыться в ее могиле. Короче, убирайтесь отсюда, пока я не натравил собак!

– Не спешите, Бюсак! – оборвал его Стивен. – Можете возмущаться сколько угодно, но вы знаете – и мы знаем, – что все это чистый блеф. – Затем он добавил рассудительно: – Вы же даже не дослушали меня! Выслушайте, не пожалеете! Мы уверены, что ее кузина у вас, уверены и в том, что вы и ваша монастырская партнерша по уши завязли в одной опасной игре. Что ж, это ваше дело, и поверьте, месье Бюсак, это нас не интересует!

– Не понимаю, о чем вы!

Мужчина вместе с собаками двинулся в их сторону.

– Нас интересует, – сказал Стивен, не трогаясь с места, – что случилось с Лалли Дюпре. Бюсак замер, точно подстреленный, и шумно потянул носом воздух.

– Что вам известно о Дюпре? – спросил он.

Стивен спокойно взглянул на него:

– Да ничего, если вы сделаете то, что я вам предложу.

Бюсак стоял неподвижно, как скала, его красивая голова немного ушла в плечи, темные глаза, вдруг утратив всякое выражение, еще раз небрежно скользнули по двери дома и вновь устались на Стивена.

– Ну?..

Стивен заговорил любезным тоном:

– Мы могли бы заключить сделку, месье Бюсак. Повторяю, ваши дела нас не касаются, за исключением той части, где они затрагивают кухню этой девушки. Все, что нам надо, – это чтобы она, невредимая, была передана в наши руки. К тому же, насколько я понимаю, ее присутствие доставляет вам определенные неудобства. Это опасно и для вас, и для вашей... – Стивен опустил глаза на дымящуюся в его руке сигарету, – для вашей партнерши. Я полагаю, что мы просто можем помочь вам избежать неприятностей.

Бюсак сосредоточенно заморгал, – казалось, он задумался над словами Стивена. А тот продолжал:

– Послушайте, месье Бюсак. Мы тайно и по возможности быстро увозим ее отсюда, не говоря никому ни слова.

В глазах Бюсака билась какая-то назойливая мысль, мелькали темные сполохи страсти или страха и, возможно – хоть это и казалось невероятным, – даже стыд. Его подозрительный взгляд упал на Стивена. Рука, поднявшаяся расстегнуть ворот рубашки, дрожала. Стивен решил закрепить достигнутый успех.

– Вы ведь поняли меня? – сказал он с мягкой настойчивостью. – Ни полиция, в отношении Дюпре, ни донья Франциска – никто ничего не узнает. Нас интересует только безопасность девушки. – Он повысил голос. – Предлагаю вам сделку, отличную сделку. Мы сами избавим вас от улик, месье Бюсак. И когда известная вам дама поднимется сюда вечером, ваша... ваша постоялица будет уже далеко. К тому времени она будет уже на полпути в Англию. И мадам Ламартин останется лежать на кладбище, и никто не будет искать Лалли Дюпре... Ну? Что скажете?

Но того, что хотел сказать Бюсак, они так и не узнали, поскольку в самый драматический момент, когда Бюсак поднял голову, напряг могучие плечи и сжал кулаки, что само по себе и так было достаточно эффектно, а на фоне надвигающейся грозовой атаки выглядело просто театрально, дверь дома открылась и на сцене появилось новое лицо.

Одиноким луч солнца пролился сквозь нагромождение туч, скользнул по мощеному дворику и замер, осветив женщину на крыльце.

Она была красивой и стройной, с большими серыми глазами. С крыльца она не могла видеть Стивена и Дженнифер и обратилась к Бюсаку:

– Собирается дождь. Может, тебе лучше переждать в доме?

Бюсак повернулся, извергая проклятия; загремел гром, но ничто не могло заглушить отчаянного вопля Дженнифер:

– Джиллиан!

Глава 16

Диссонанс (с силой)

– Это Джиллиан! – вновь крикнула Дженнифер и бросилась к ней через двор.

Дальнейшие события сменяли друг друга почти мгновенно.

Первый вопль дикой, невероятной радости заставил вздрогнуть симпатичную девушку, стоящую на крыльце. Она точно окаменела, слова застыли у нее на губах. В больших и ясных серых глазах, устремленных на Дженнифер, читалось неимоверное изумление и тревога. Затем, услышав проклятия, которыми сыпал Бюсак, она отступила назад в темноту дома.

– Джиллиан!

Дженнифер бежала к ней, протягивая руки. Дверь захлопнулась перед ее носом.

Она отшатнулась, и тут в дело вступил Бюсак. С очередной порцией проклятий и угроз он схватил Дженнифер за руку и оттащил от двери. Он с такой силой вцепился в нее, что Дженнифер закричала. Стивен бросился к ним, его сигарета, как крошечный метеорит, сверкнула, падая в голубоватый молочный ручеек, сочившийся между булыжниками. Бюсак сильно толкнул Дженнифер и обернулся к нему.

Ситуация вышла из-под контроля, с горечью осознал Стивен: было очевидно, что теперь никакие доводы не заставят этого человека освободить Джиллиан. Бюсак словно помешался. Пригнув голову и размахивая кулаками, он наступал на Стивена.

Отброшенная сильной рукой, Дженнифер упала на камни, перед ее глазами вдруг промелькнула картина, будто зафиксированная объективом фотоаппарата: огромный бык, пригнув рогатую башку, атакует врага, перед лицом страшной опасности он грудью защищает свою самку... Совершенно растерявшись, смущенная и потрясенная, она с трудом поднималась на ноги. Стивен не был врагом, а Бюсак – защитником, все было наоборот: Бюсак заточил Джиллиан в этом мерзком доме, а они со Стивеном должны выволить ее как можно скорее.

Бюсак, взревев, разорвал хватку рук Стивена, отбросив его в сторону. Воздух между ними казался раскаленным, они стояли, тяжело дыша и испепеляя друг друга взглядами. Бюсак как безумный вновь рванулся с места. Стивен не успел увернуться. Удар кулака угодил ему в плечо, и они снова сцепились в дикой схватке, издавая какие-то звериные рыки.

Дженнифер побежала к домику.

Но она забыла про собак. Когда она протянула руку к дверям, одна из них ринулась на нее. Дженнифер, отшатнувшись, с воплем отдернула руку, и собака с размаху налетела на дверь.

Сердце Дженнифер бешено колотилось от страха. Она прижалась спиной к открытому оконному ставню, готовясь отразить следующее нападение. Но собака кое-как поднялась, встряхнулась и потрусила в сторону, рыча и поджимая ушибленную лапу. Другая с лаем носилась взад-вперед по двору. Дженнифер стояла не двигаясь, между окном и дверью, словно распятая своим страхом. Мужчины, слившись в единое целое, тяжело покачивались и топтались в нескольких шагах от нее. Не в силах помочь, растерянная Дженнифер стояла и следила за дракой. В горле застряли беззвучные рыдания, она закусила губу, чтобы не закричать.

Как большинству благовоспитанных девушек, Дженнифер прежде не приходилось видеть дерущихся мужчин. И уж в любом случае она не представляла себе, что драки выглядят именно так. Это была не та знакомая нам по романам и фильмам эффектная схватка между злодеем и романтическим героем, а просто грязная, отвратительная потасовка с рычанием, беспорядочными неумелыми ударами без всяких приемов и защитных стоек. Дженнифер стало плохо от одного вида дерущихся.

Казалось, Стивену достается гораздо больше. Пот градом лил с обоих, рубашка Бюсака потемнела и прилипла к спине, под ней рельефно выступили напряженные могучие мускулы. На скуле разгоряченного и мокрого от пота Стивена краснела здоровая ссадина, рот пере-

кошен, по щеке сбежала струйка крови, хриплое, отрывистое дыхание вырывалось из груди. Дженнифер услышала, как он сдавленно вскрикнул, когда, против всех правил, Бюсак вдруг ослабил хватку и его колено взлетело в прицельном ударе. Стивен повернулся, чтобы избежать прямого попадания, и удар пришелся по ноге. В то же мгновение он попытался предпринять собственную ответную атаку, но в спешке промахнулся – кулак врезался в ключицу Бюсака, не причинив особого вреда. Француз успел пригнуться и дотянуться длинными ручищами до Стивена. Они немедленно сцепились снова. Внезапно Стивен поскользнулся на предательской голубой молочной луже, упал и оказался на земле под Бюсаком.

Дженнифер резко, как от удара, вскинула голову и стукнулась о ставень, покачивавшийся у нее за спиной. Ставень тихо постукивал о стену, этот звук словно перерастал в гораздо более грозные и мощные раскаты небесного грома. Горячий сухой ветерок, точно легкокрылый вестник, шептался с верхушками сосен, косые тусклые лучи света вдруг прорвались сквозь завесу туч, осветив дерущихся. Полоса света будто разрезала их поперек – движения рук и ног виделись Дженнифер какими-то замедленными и нереальными. Тяжелое, шумное дыхание, хриплые стоны и вопли – все это, казалось, происходило где-то далеко на заднем плане старого тусклого экрана. Затем мокрое от пота лицо Стивена проступило сквозь пелену на передний план, его голова вдруг пробила тень, словно отделенная от тела безжалостной гильотиной света. Он безуспешно пытался разъединить темные волосатые руки Бюсака, сжимавшие его горло. Бороздки яркой крови – следы от ногтей Стивена – атели на этих волосатых лапах. Они были похожи на красные вены, как их изображают в анатомическом атласе, – обнаженная, вывернутая наружу плоть... Темные пальцы заметно сдвигались, алые токи крови неожиданно сверкнули шелковистым блеском и сомкнулись на шее, точно массивный рубиновый браслет.

Дженнифер заорала от ужаса. Она резко отвернулась, чтобы не видеть лица задыхающегося Стивена, и заорала еще громче, отчего сразу же глухо зарычала одна из собак. В сумраке комнаты послышался какой-то шум. Дженнифер напряженно вгляделась, и ей удалось рассмотреть за полутемными стеклами белое лицо девушки. Лицо приблизилось, распахнутые серые глаза вглядывались в грозовую сумрачность дня. Девушка перевела взгляд на Дженнифер, стоявшую рядом с окном, потом на стороживших ее собак и, наконец, на двоих мужчин, сцепившихся на земле в смертельной схватке.

– Убери собак! Ради бога, убери собак! – что было мочи закричала Дженнифер, обращаясь к тусклому окну.

Бледное лицо качнулось и исчезло. Вдруг прогремел оглушительный громовой раскат, полоса солнечного света померкла, словно кто-то нажал кнопку выключателя.

Дверь дома распахнулась, девушка выбежала. Собаки оставили Дженнифер и с радостью бросились к ней. Повинуясь ее окрику, они поджали хвосты и спрятались в доме. Девушка, даже не взглянув на Дженнифер, стрелой пролетела через двор и вцепилась в Бюсака, который все еще сжимал горло Стивена.

Дженнифер бросилась к ним, захлебываясь криком.

Девушка вцепилась в руку Бюсака, стараясь ослабить мертвую хватку, Дженнифер с неведомой прежде силой вцепилась в другую руку и повисла на ней всем телом. Она выкрикивала, сама не зная что, какие-то бессвязные слова, порожденные ужасом. И девушка, которую она называла Джиллиан, тоже что-то быстро закричала Бюсаку по-французски. Через несколько мгновений, которые показались невыносимо долгими, ее слова все же дошли до него сквозь туман ярости.

Хватка ослабла, темные руки расцепились, Стивен дернулся, как рыба на песке, и откатился в сторону.

Он был жив. Боже, он был жив. Дженнифер, уже переступив к этому моменту за черту страха, изо всех сил оттолкнула Бюсака и бросилась к Стивену. Плохо соображая, он приподнялся на локте. Дышал он хрипло и надсадно, как будто легкие его были сжаты. Увидев нако-

нец Дженнифер, а за ней Бюсак, он сделал отчаянную попытку встать и поднял руку, чтобы отстранить Дженнифер.

Бюсак медленно поднимался, хватая ртом воздух и мотая головой, опять до жути похожий на разъяренного быка. Он высился над Стивеном, который старался выпрямиться, готовясь отразить новое нападение. Глаза француза все еще были налиты кровью. Если он атакует еще раз, то исход атаки, можно считать, предрешен. Но в тот момент, когда Бюсак вновь кинулся на Стивена, девушка, державшая его за руку, издала тихий стон – едва слышный стон, – однако именно он остановил Бюсак, как выстрел останавливает разъяренного бизона.

Он обернулся. Когда он ринулся вперед, девушка отпустила его руку и стояла теперь, покачиваясь из стороны в сторону. В лице ее не было ни кровинки. Одной рукой она, точно слепая, ощупывала голову. Похоже, ей внезапно стало дурно. Она все раскачивалась, и Бюсак спросил прерывающимся голосом:

– Qu’as-tu?²⁶

Но вдруг она вытянула руки и начала оседать.

Бюсак молниеносным движением подхватил девушку, прежде чем она опустилась на землю, и легко, точно ребенка, понес к дому. Ее голова безжизненно повисла, лицо в неверном сумрачном свете казалось пепельно-серым.

– Уходите, – кинул он через плечо.

Стивен не очень устойчиво, но держался на ногах. Дженни, сама смертельно бледная, в отчаянии взглянула на него и на девушку, так и не пришедшую в себя, на руках у Бюсак.

– Месье Бюсак...

– Вы слышали? Уходите.

Он осторожно входил в дверь. Собаки яростно и тревожно лаяли в темноте дома. Дженнифер рванулась вперед, но Стивен остановил ее: возле двери показалась одна из собак, она злобно зарычала, припав на передние лапы, и затем проскользнула обратно в дом вслед за хозяином. Бюсак ушел, не оглянувшись, и запер за собой дверь.

Когда он скрылся, Дженни подошла к дому и безнадежно подергала запертую дверь.

Стивен взял ее за руку, пытаясь удержать.

Она сказала совсем как ребенок:

– Но это была Джиллиан. Правда Джиллиан, я точно знаю...

Дженнифер почувствовала такую опустошенность, будто отяжелевший грозовой воздух заполнил ее существо, вытеснив все чувства. Она повернулась и нетвердыми шагами, точно слепая, пошла за Стивеном, который вел ее через двор, вниз по тропе, навстречу приглушенному сумраку сосен...

Вдалеке, за громадным массивом туч, сверкнула первая молния.

²⁶ Что с тобой? (фр.)

Глава 17

Антракт

Стройные сосны манили, покачивая пушистыми ветвями. Деревья расступились и приняли их в свой укромный сумрак. До сих пор в лесу стояла покойная тишина, но сейчас грозовое покрывало провисло, зацепившись за верхушки сосен, и обремененное лесное безмолвие стало гнетущим. Ковер сосновых игл слегка пружинил и, словно мягкий болотный мох, поглощал звук шагов: продвижение целой армии по этой дороге напоминало бы шествие призраков. Только дыхание и нарушало безмолвие.

Хриплые, надсадные вздохи Стивена со свистом распарывали неподвижный воздух. Он хромал рядом с Дженни, надежно поддерживал ее, уводя от опасности, от Джиллиан и от кровавого дьявола.

Дженнифер, ведомая сильной рукой, послушно и почти бессознательно шла вперед, не глядя под ноги, обратив глаза к Стивену, словно протестуя против поспешного ухода. Потом она споткнулась – и стройные стволы сосен качнулись и поплыли, растворяясь и сливаясь с темнотой... вновь взмыли, очерченные светом... и не сразу, с трудом, вернулись в обычное вертикальное положение.

Дженни сидела, прислонившись спиной к стволу, сквозь редкие сосны северного склона уже виден был край леса. Стивен сидел рядом. Она глубоко и нервно вздохнула, повернула голову и взглянула на него.

Его голова была опущена, он потерянно шарил по карманам. Вид у него был мрачный и невероятно усталый; Дженни испугало выражение его лица, покрытого пятнами запекшейся крови. Спутанные волосы прилипли ко лбу, и, когда он поднял руку, чтобы отбросить их назад, она увидела кровь – кровь Бюсака на его руках.

– Хочешь сигарету, Дженни?

Она вновь ужаснулась, услышав его голос: он скорее походил на хриплый шепот.

– Вино, к сожалению... на этот раз... не сохранилось.

– Ох, Стивен...

Больше она ничего не смогла сказать.

Дженни взяла сигарету и с нестерпимой жалостью заметила, как дрожат его руки. «Все напрасно, – с горечью подумала она. – Он... мы потерпели поражение».

Она отвела взгляд. Внизу за соснами виднелись монастырские здания, придавленные к земле тяжелыми тучами, белые стены угрюмо проступали в грозových отблесках. Сверкнувшая молния оживила мрачную картину, и через несколько секунд гром прокатился над горными вершинами.

Вскоре раскаты затихли. «Вот и с нами так, – устало, но уже без горечи подумала Дженнифер. – Вот и завершилась разыгранная нами маленькая трагедия». Ее собственная роль была сыграна достаточно бездарно, да и роль Стивена, пожалуй, тоже. Все попытки оказались тщетными. Что же он говорил вчера? «Не делай из меня героя этой пьесы, Дженни». А она сделала. Это она вовлекла его, переложив всю тяжесть подозрений и страха на его плечи, уверенная, что он не бросит, не сможет бросить ее. У романтических историй всегда счастливый конец. Герой, сильный мужчина, надежный друг... он никогда не проигрывает. А Стивен проиграл. Проиграл.

Она повернула голову и встретила его взгляд.

И в этот момент что-то оборвалось в ней. Она прочла в его печальных глазах, что он знает ее мысли, и ей вдруг стало стыдно за себя и больно за него. Но из боли родилось нечто невообразимо большее, то, что единым махом уничтожило ту глупую невинность, которой она отгораживалась от него. Это было начало новой жизни... Она увидела все новыми, повзрос-

левшими глазами. Предательство совершила именно она, в их «проигрыше» есть и ее вина. Она позволила себе увлечься странной игрой, сместив все ценности. Теперь все это казалось чуждым и никчемным. Полушутливые, полусерьезные отказы Стивена от роли «героя» имели на самом деле очень глубокие корни: как все интеллигентные и воспитанные люди, он чувствовал отвращение к насилию в любых его проявлениях. В его представлении это был бич современного мира, и он стойчески боролся против него. Умный, чуткий, добрый... И как бы эти рекламные, лоснящиеся супермены ни гордились своей мускулатурой, именно Стивен был настоящим мужчиной, способным думать своей головой и воспринимаящим жизнь не только *moyen sensuel*²⁷.

Он отказался от такого рода геройства. И правда была на его стороне. А она, точно заколдованная средневековой магией, увидела в его поведении проявление слабости. Все было наоборот – теперь она поняла это. Книжный герой не может жить настоящей жизнью, он прокладывает свой путь через десятки победоносных глав, расточая сладострастные поцелуи, и сходит со сцены, к всеобщему удовольствию. А их история далеко не закончена, и пора уже начаться новой главе. Англия, Оксфорд, «Вишневый уют»... она и Стивен... И Дженнифер наконец со всей ясностью и определенностью осознала, что именно должна содержать следующая глава.

Но сначала ей надо вернуть его. К началу новой жизни.

– Стивен, милый. Не думай больше об этом. Пожалуйста.

Он не реагировал, и Дженни нежно коснулась его руки:

– Стивен.

Он смотрел в сторону.

– Я проиграл твою игру, Дженни.

– Не говори так! – взволнованно воскликнула она. – Это несправедливо! Не хочу даже слышать об этом!

– Это правда.

Она горячо настаивала на своем:

– Нет, неправда! Никакого проигрыша! Если бы я послушала тебя и осталась в монастыре, все могло бы выйти по-другому. И вообще, вы с ним в разных весовых категориях, да еще у тебя ушиблено плечо и...

– И что?

– У тебя же больная нога...

Последнее слово она произнесла еле слышно и умолкла совсем. Потом он услышал тихий полузадушенный всхлип и наконец осмелился взглянуть на нее. Она плакала. Слезы дрожали на ресницах и катились по щекам. Сердце Стивена учащенно забилось, но он не пошевелился.

– Дженни, о боже, Дженни, не надо. Мне так жаль, что Джиллиан...

Она перебила его:

– При чем тут Джиллиан? Я так переживала за тебя. Эта ужасная драка! Никогда больше... Только не ты...

– Дженни, дорогая моя... – сказал он взволнованно.

Она прижалась к нему, он обнял ее и с мягкой нежностью поцеловал ее мокрые от слез глаза, губы...

– Дженни, моя милая Дженни. Любовь моя.

Над ними в вышине качались сосны, темные ветви вздыхали отдаленно и глухо, точно морские волны в поднесенной к уху раковине. Поблизости ударила молния, по склону запрыгали градины, пробивая кроны деревьев; множество крошечных гномиков плясало и скакало вокруг них, подобно скачущей гальке в мощной волне прибоя. Разрезая тишину, молния уда-

²⁷ Чувственным способом (фр.).

рила вновь: вспышка, грохот – гроза уже перевалила в долину, стихия ревела в громовых раскатах, и горные склоны отзывались эхом то справа, то слева. Стрелы молний сверкали снова и снова, будто выискивая оттуда, где их прячут склоненные деревья.

Дженнифер вздрогнула, судорожно всхлипнув, и Стивен крепче ее обнял. Она прижалась головой к его плечу.

– Не бойся, Дженни. Это пройдет.

– Может, нам... может, выйдем из-под деревьев?

– Не бойся, – повторил он. – Она уже уходит.

Но в этот момент молния ударила с силой, достойной Дюрандаля, Роландова меча, и горный хребет, казалось, раскололся надвое.

– Трубный глас, – сказал Стивен и, почувствовав, что она дрожит, добавил: – Это уже за лесом, Дженни. Гроза быстро уходит.

Она подняла голову от его плеча и снова вздрогнула:

– В сторону фермы?

– Боишься? Ну перестань.

– Нет, я не о том. Я... я подумала о Джиллиан. Мы не можем оставить все как есть. То есть я не имела в виду, что мне все равно, что будет теперь с Джиллиан. Просто...

– Дорогая, я все понимаю.

Она подняла испуганные, полные слез глаза:

– Гром... Ты назвал его трубным гласом. Очень похоже. Приближение грозы чувствовалось с утра, она будто копила силы и выжидала подходящего момента для удара. Это к несчастью. Стивен, есть такая примета. Зло торжествует.

– Пока еще нет.

– Но так будет, – сказала она, всхлипнув. – Нам не остановить Бюсака.

– Да?

Его голос звучал так странно, что у Дженни ёкнуло сердце. Она села прямо, положила ладони ему на грудь и внимательно посмотрела на Стивена. Изменения были вполне очевидны. Усталость, подавленность, боль – все исчезло, словно отступившая стихия смыла их с его лица. Конечно, ушибы, запекшаяся кровь, грязь и следы пота остались, но он улыбался, и взгляд его горящих глаз был уверен и спокоен.

Она сказала встревоженно:

– Нет, тебе нельзя возвращаться туда! Только не это!

Стивен рассмеялся, прижал ее к себе и поцеловал.

– Я и не собираюсь... Хотя сейчас я чувствую в себе такие силы, что, пожалуй, уложил бы Бюсака одной левой! – Он погладил ее по щеке, приподнял за подбородок ее лицо. – Ты волшебница, Дженни, – все еще улыбаясь, сказал он. – Как там говорится о движении гор? Я мог бы натошак сдвинуть все эти хребты и, умывшись, сказать: «Какие пустяки!» Все, конец! К черту эту скучную жизнь. Пора действовать!

Он решительно поднялся и протянул ей руки.

– Дженни, ты чувствуешь, как легко дышится? И все благодаря тебе! Ты – мое солнышко, прогнавшее грозу. Все-таки у нашей драгоценной мелодрамы должна быть счастливая развязка, конечно, если нам хватит ума найти к ней путь! – Он взял ее за плечи и мягко встряхнул. – Дорогая, не смотри с таким убитым видом. Зачем делать из этого трагедию?! Слушай.

В отдалении, над южным хребтом, снова гроыхнуло.

– Слышишь? Справа... – сказал Стивен. – Гром справа – к счастью, Дженни. К добру. Гром справа – наилучшее из предзнаменований! Счастливый конец!

Она невольно улыбнулась и вдруг почувствовала совершенно необъяснимый подъем духа.

– Отлично, – сказала она, – пойдем двигать горы. Только желательно сделать это побыстрее.

Не желая, чтобы их заметили из монастыря на дороге, которая ведет с фермы, они свернули в лес.

Склон был довольно крутым, но спуск оказался легким и безопасным благодаря толстому сухому настилу. Тут и там сквозь отжившую свое мягкую хвою пробивались скрюченные, как монашеские посохи, тянувшиеся к солнцу бледно-зеленые ростки. Изысканно покачивались белые орхидеи – целые грозди утонченных, просвечивающих колокольчиков в обрамлении нежных легких крылышек. Случайные ледяные капли тающих градин словно пробуждали лес к жизни – в воздухе разливался густой смолистый аромат.

Стивен подал руку Дженни и помог ей перебраться через поваленную сосну.

– Первая и довольно мощная гора, которую нам необходимо сдвинуть, это французская полиция, – сказал Стивен.

– Полиция? Ты же сам говорил, что они не станут нас слушать. У нас же нет доказательств...

– О боже, разве мое лицо не доказательство? Ситуация слегка изменилась, милая. Мы же видели и узнали Джиллиан, и я даже могу утверждать, что нам удалось немного «побеседовать» на этот счет с заинтересованным лицом.

И он потрогал припухшую скулу.

– Но, Стивен, у нас же нет времени. Конечно, я согласна с тобой насчет полиции и не вижу другого пути, но они не успеют помочь нам. Все, что нам удалось сделать, – это спугнуть Бюсака и подтолкнуть его к немедленным действиям.

– Ты права. – Стивен помрачнел. – Простить себе не могу, ведь как только он узнал тебя, у меня мелькнула мысль, что дело плохо. Но все же оставался шанс, что он примет наше предложение и отдаст Джиллиан. По крайней мере, я думал так, пока не увидел ее.

– Что ты хочешь сказать?

Он бросил на нее быстрый взгляд:

– Ты не догадываешься?

– Догадываюсь? О чем?

Он помедлил, тщательно подбирая слова:

– Тебе не пришло в голову, что Джиллиан не похожа на пленницу?

– Да, мне показалось... Но ведь некогда было особенно раздумывать, и я посчитала, что она просто свыклась с мыслью, что ей все равно не сбежать. Да еще собаки... Пстой...

– Вот именно. Собаки ее слушались. И к тому же, – задумчиво добавил Стивен, – поведение Пьера Бюсака в некотором роде...

– Может быть, она с женой Бюсака... – нерешительно сказала Дженни.

– Она и есть жена Бюсака.

Дженнифер изумленно охнула и, оступившись, чуть не упала. Стивен успел подхватить ее.

– Осторожнее, милая. Мне очень жаль, я понимаю тут не более твоего, но это правда. На ферме больше никого нет. Значит, она и есть «мадам Бюсак».

– Но этого не может быть. Это неправда. Это лишь твои подозрения, Стивен.

– Нет. Ты забыла? Я же виделся с ней раньше.

– Как – виделся? Когда?

– Я рассказывал тебе. Как-то раз я встал пораньше и забрался с этюдником в горы. Сам того не зная, я, видимо, оказался рядом с фермой. Я шел по той стороне долины прямо от Гаварни. Там невероятная дичь и глушь и ужасная дорога – вряд ли по ней ходят чаще чем раз в сто лет, а то и больше... Но во всяком случае она, то есть Джиллиан, тоже вышла достаточно рано. Мы случайно наткнулись друг на друга, и не знаю, кто из нас испугался больше.

Вид у нее был такой, будто она хотела сразу убежать. Но потом я о чем-то спросил ее, и мы побеседовали минут пять, не больше. Она все же чего-то боялась и поспешила уйти. Но это была она, девушка, которую ты называешь Джиллиан. Она представилась мне как жена Бюсака и сказала, что живет чуть выше, на ферме.

– Ты говоришь, она испугалась? – быстро сказала Дженни, безотчетно нажимая на застрявшее в голове слово.

– Пожалуй, сильно сказано. Ну, нервничала, тревожилась... Должно быть, боялась, что Бюсаку не понравится, что она с кем-то виделась. Сомневаюсь даже, что она рассказала ему о нашей встрече.

Дженнифер обхватила голову руками:

– И она не пошла с нами... Она даже не узнала меня. Конечно, прошло несколько лет с нашей последней встречи, но могу поклясться: это была Джиллиан.

– Да, это, без сомнений, она.

Окончательно запутавшись, Дженнифер в отчаянии взглянула на него почти безумными глазами:

– Нет, не может быть! Это становится похожим на безумие. Наваждение какое-то! – Ее голос сорвался и предательски задрожал. – Как будто эта проклятая долина кишит девушками, похожими на Джиллиан!

Он положил руку ей на плечо и повел вперед.

– Пойдем, дорогая. Выйдем из леса. – Улыбаясь, Стивен мягко привлек ее к себе. – И не надо паниковать, любовь моя. Все это действительно безумно глупо, а вместе с тем абсолютно ясно: мы имеем одну Лалли, которая умерла, и одну Джиллиан, которая жива. И будем надеяться, что все так и останется.

Лес надежно скрывал их от монастырских глаз, но вскоре они вышли из насыщенного ароматами сумрака и окунулись в мрачную темноту открытой долины. Центр грозы сместился, но небо было еще низким и темным, в перемежающихся электрических разрядах мелькали удивительные оттенки оливково-зеленых гор, светлых по сравнению с бегущими над ними стадами темно-синих туч. По унылым, изрядно поблекшим пастбищам и нижним склонам протянулись стылые призрачные нити – там, где тающий град оставил свои мерцающие слезы. Темное небо, светлые горы, серебристая дымка пастбищ... точно негатив привычной картины, преображенный магией пейзаж, на обесцвеченном переднем плане которого тянулась узкая чернильно-черная колея реки Пти-Гав.

Они вышли на поляну; луговые травы, скрывавшие нарастающий град, хрустели у них под ногами.

– Еще я говорил тебе – помнишь? Мадам Бюсак не понравились мои картинки. Она сказала, что предпочитает фотографии.

– Ну и что?

– Каково основное отличие живописи от фотографии? – медленно произнес Стивен.

– К чему их сравнивать? Ну, мне кажется, что, с одной стороны, это механическое воспроизведение, а с другой... – Тут у нее перехватило дыхание. – Нет-нет, не то. Они черные, а не цветные!

– Правильно. Возможно, цвет не играл особой роли для мадам Бюсак, – сказал Стивен. Он взглянул на нее краешком глаза. – И хотя доказательство сомнительное, но в данных обстоятельствах достаточно весомое. И мне оно кажется бесспорным. Ведь не может же эта проклятая долина кишеть дальтониками, похожими на Джиллиан!

– Конечно. – Дженни натянуто улыбнулась. – Ладно, значит, Джиллиан вышла за него замуж. Зачем тогда нам вмешиваться? Она ожила, правда неизвестно, надолго ли? Господи, Стивен, у меня такое ощущение, будто все это просто дурной сон.

– Знаешь, дорогая, каким бы странным тебе ни казалось ее замужество, но это гарантия того, что Джиллиан останется жива – если только это будет зависеть от Бюсака... Вспомни, что ты слышала вчера. По-моему, ты как раз говорила, что донья Франциска вынуждала его использовать тот путь, который мог стать смертельным для Джиллиан, а он упорно отказывался.

– Да-да, верно.

– И то, как он вел себя с нами, было в определенном смысле повторением той же сцены. Он понимал, что ради собственной безопасности лучше избавиться от Джиллиан, но не смог, не захотел расстаться с ней. И разве она была похожа на жертву? Напротив, я бы сказал, что он ее любит. И это соответствует его реакции в обоих случаях – и со мной, и с доньей Франциской.

Дженнифер сказала тихим, но решительным голосом:

– Когда же он успел жениться на ней?

– Что? – растерялся Стивен.

– Когда он мог жениться на ней?

Стивен ничего не сказал.

– Если в Бордо они еще не были женаты, то после ее приезда сюда у них оставалось совсем мало времени, чтобы пожениться. Правильно: когда она писала мне, за день до отъезда из Бордо, она еще строила планы насчет пострига. – Дженнифер щелкнула по головке цветка, и капли влаги брызнули блестящей дугой. – Отец Ансельм тоже не венчал их, в противном случае он бы сказал об этом.

– Все это, конечно, так, Дженни, но...

– Прошлой ночью, – продолжала Дженни, не глядя на Стивена, – эта мадам обвинила Бюсака в том, что его вождение нарушило все их планы. Ведь это тоже подтверждает твои выводы? Она называла его *obscure bête* и животным...

– Успокойся. – Он взял ее за руку. – В конце концов, это личное дело Джиллиан. Нас волнует только ее безопасность, и в этом смысле Бюсак дал нам кое-какие гарантии. Держу пари, что он не станет подвергать ее опасности. Она ему дорога, поэтому... – грустно улыбнулся он, – поэтому-то я и увел тебя с фермы. Да, настоящая опасность для Джиллиан исходит из другого источника.

– Донья Франциска?

– Наша кроткая Франциска. Короче говоря, пока Джиллиан жива, ее могут обнаружить – мы или полиция, – а значит, существует опасность, что для установления личности умершей будет вскрыта могила.

– Ну и что, если установят, что там лежит Лалли Дюпре? Это еще не доказывает вины доньи Франциски. Она же сама сказала, что может потерять только свой личный доход.

– Конечно. Бюсак, однако, дал более развернутую картину того, чем это может для нее обернуться. Через ее руки прошли огромные суммы денег, Дженни. Пятнадцать лет минуло с тех пор, как Исаак Ленорман доверил ей свои миллионы. За такой срок деньги могли заметно вырасти тем или иным способом благодаря личным связям Пьера Бюсака с Испанией. Чертовски интересно, сколько стоил этот Эль Греко? Пусть даже он достался ей по дешевке во времена военной неразберихи, когда Рембрандт шел за бесценок и Боттичелли пылился в казармах. Нет, добыча, которая досталась этим людям, будет побольше, чем какая-нибудь мелочь «на булавки». Деньги, амбиции, властолюбие и боязнь скандала... вот о какой опасности я говорю, Дженни. Она не отступится так легко от своих чаяний, если верно то, что ты о ней рассказала. А для продолжения дела ей необходимо сохранить Бюсака и любым способом избавиться от Джиллиан.

Дженнифер слегка поежилась:

– Власть... да, это именно то, чего она хочет... У нее такой постный, изголодавшийся взгляд... а внутри точно огонь горит. Не хотела бы я повстречаться с ней на узкой тропинке.

– Джиллиан повстречалась... – с мрачной серьезностью сказал Стивен.

Они шли вдоль края горного пастбища, ниже, прямо за ним, вставали монастырские стены. Стивен остановился, задумчиво нахмурившись.

– Посмотрим теперь, чего можно ожидать от Бюсака, – медленно сказал он. – Пока не важно, как Джиллиан оказалась на ферме и почему они живут как муж и жена. Допустим, твои вопросы натолкнули донью Франциску на мысль, что это именно Джиллиан, а не Лалли Дюпре. Тогда она попыталась заставить Бюсака спрятать девушку, чтобы ты ее не опознала и не подняла шум, который неминуемо вскроет их грязные делишки. Бюсак отказывается, во всяком случае, не принимает ее предложения. Потом врывается мы. Узнаем Джиллиан. Предлагаем ему сделку – девушка в обмен на молчание. Он опять отказывается. – Стивен поднял голову, поглощенный размышлениями, его отсутствующий взгляд был устремлен на длинный горный склон, простирающийся за монастырем. – Как он поступит теперь? Что бы там ни сделала донья Франциска, мы пойдем прямо в полицию. Мы не можем претендовать на Джиллиан, но можем возбудить дело, которое выведет на Лалли Дюпре и через нее на преступные связи Бюсака. Добавим к этому угрозы доньи Франциски и посмотрим, какой выход остается у него.

– На его месте, – сказала Дженнифер, – я бы поспешила скрыться.

– И я так думаю. – Он озабоченно взглянул на нее. – Насколько я могу судить, дружище Бюсак упорхнет быстрее ветра по своей тайной дорожке, не забыв прихватить с собой и Джиллиан.

Дженни повернулась и, тяжело ступая, точно ноги у нее налились свинцом, пошла вниз по склону, в сторону монастырских ворот.

– И Джиллиан пойдет с ним?

– Похоже на то.

– Но... она могла бы сказать мне.

Он промолчал.

– Как ты думаешь, она тоже замешана в его преступлениях? Может, поэтому она не разговаривала со мной и не захотела даже признать меня?

– Вряд ли, Дженни. В этом случае ей проще было написать тебе и отменить свое приглашение.

После недолгого раздумья она сказала:

– Все же это как-то странно, тебе не кажется?

– Да нет. Хотя... немного странно.

Вдалеке на юго-западе громыхнул гром. Она взглянула на небо.

– Гром... справа... – сказала она каким-то чужим голосом. – Счастливый финал, Стивен. Оказывается, нет тут никакой трагедии. Героиня не желает быть спасенной. Делать больше нечего.

– Ну уж нет. Дел еще вполне достаточно. – Он заговорил быстрее. – Дженни, нельзя же оставить все как есть, слишком много непонятного в поведении Джиллиан. Есть один вопрос, на который я давно ищу ответ. Черт побери, он ноет, как старая рана: почему она пригласила тебя и почему не отменила своего приглашения? У нее было три недели. Куда проще было отправить письмо, которое, конечно, остановило бы тебя. И ей не пришлось бы притворяться, что вы незнакомы.

Дженни провела рукой по лбу, точно хотела отогнать назойливую мысль.

– Естественно! Ведь если Бюсак впутал ее в свои махинации, она должна была сделать все возможное, чтобы попытаться остановить меня.

– И Бюсак, – мрачно добавил Стивен, – должен был лично отправить это письмо. Получается, что мы знаем, какие чувства питает Бюсак к Джиллиан, но не имеем представления о том, как она относится к нему. Донья Франциска, очевидно, держит Бюсака в руках, а он, в свой черед, имеет власть над Джиллиан. Это во многом проясняет его поведение.

Они подошли к стенам монастыря. Дженнифер остановилась, посмотрела на Стивена и тихо сказала:

– Что мы можем сделать? Попытаться задержать их?

– Думаю, да.

– А если они уже ушли?

– Маловероятно. Но чем скорее мы доберемся до полиции, тем лучше. Они наверняка направятся в сторону испанской границы. И есть еще одна немаловажная проблема, которую не мешало бы разрешить, раз уж мы впутались в эту историю.

Дженнифер инстинктивно взглянула в сторону ворот:

– Она?

– Она. Не забывай, она обещала подняться на ферму после вечерней службы. Если она никого там не застанет, то, вероятно, захочет убедиться, что Бюсак еще вернется, и последует за ними. Скорей всего, дорогу она знает. Скажу тебе: мне это совсем не нравится, но она вполне может пойти за Джиллиан по пятам.

Дженни вздрогнула:

– Надо задержать ее. Обязательно. А полиция поверит нам?

– Должна, насколько я понимаю, – решительно сказал Стивен. – Послушай. – Он завладел ее руками и слегка сжал их. – Вполне возможно, что Бюсаку далеко не уйти. Дорога не близкая и, по-моему, достаточно трудная, а ему еще надо собраться. Кроме того, помнишь обморок Джиллиан... это может стать хорошим тормозом и задержать их на пару часов.

– Ты считаешь, есть надежда?

– Надежда есть всегда. Даже если полицейские не успеют задержать его на ферме, у них будет возможность догнать и схватить его. Нам остается только убедить их в необходимости безотлагательных действий. А теперь, – она почувствовала легкое пожатие его рук, – ты сумеешь незаметно пробраться к телефону и позвонить?

– Здесь нет телефона, – сказала Дженни сдавленным голосом.

– Что? О господи, я мог бы догадаться! – воскликнул он с безнадежной усталостью. – Я должен был предвидеть это. Ах, как я надеялся сдвинуть горы, детка. Все надежды лопнули, как мыльный пузырь, чудес не бывает. Итак, нам остается довольствоваться захватом этой волчицы. По крайней мере, у меня будет достаточно времени, чтобы добраться до Гаварни и притащить полицейских на ферму к концу вечерней службы. – Отпустив руки Дженнифер, он взял ее лицо в ладони. Голос его смягчился. – Не волнуйся, любовь моя. Клянусь, Бюсак не причинит ей вреда.

Он склонил голову, словно собирался поцеловать ее, но в этот момент она почувствовала, как он напрягся и, резко обернувшись, к чему-то прислушался. Он опустил руки, выпрямился, и глаза его оживились и заблестели.

– А вот это уже чудо. Слава богу! – сказал он. – Кто говорит, что чудес не бывает?

Теперь и она слышала. Четкий дробный перестук копыт, он приближался с северо-востока.

– Луис? И это чудо?

– Транспорт, – рассмеявшись, сказал Стивен.

Затем они появились, вся троица: первым по пологому склону летел знакомый стройный жеребец с развевающейся гривой, его гнедая масть эффектно выделялась в причудливом мрачном освещении. Белело лицо Луиса, обращенное в сторону монастыря. Стивен призывно поднял руку и, прихрамывая, побежал в его сторону. Луис махнул рукой в ответ и развернул жеребца. Стивен остановился в ожидании.

– Дьявольски красив, правда? – сказал он с оттенком восхищения.

– Стивен, – Дженнифер шла за ним затаив дыхание, – что ты собираешься делать?

– Найму лошадку, моя милая.

– Но Луис же пытался убить нас.

– Что? Ах вот ты о чем. Нет, Дженни, это был Бюсак. Ты не обратила внимания на его мула? Он же был весь в испарине. Бюсак едва успел вернуться, а тут и мы пришли. Должно быть, он видел, как ты вышла из монастыря навстречу мне, и обрадовался, получив шанс разделаться с тобой или просто припугнуть. Однако через час мы уже были на ферме, и он понял, что его план провалился... Неужели ты сомневаешься в Луисе? Он мой приятель.

– Но не мой. Он вел себя ужасно грубо, такое впечатление, что он ненавидит меня.

Стивен усмехнулся:

– Должно быть, ты задела его за живое. Не спрашивала ли ты о монастыре?

– Ну да, наверное. Но какая тут связь?

– Громадная! Селеста.

Но Дженни не удалось поразмыслить об услышанном – на них вылетели лошади; ярдах в четырех статный разгоряченный красавец поднялся на дыбы. Не дожидаясь, пока конь успокоится, Стивен подскочил к нему.

– Луис, mon ami...²⁸

– Месье?

– Послушай, Луис, сейчас нет времени на объяснения. Мне надо как можно скорее попасть в Гаварни. Ты не одолжишь мне Фуа?

Юноша сидел неподвижно, как скала, и смотрел на Стивена. Его черные глаза загадочно поблескивали под длинными ресницами. Конь строптиво дернул головой, но Стивен уверенно и крепко держал повод.

– Eh bien, Luis?²⁹

– Это не касается меня и... или моей?..

Стивен успокоил его взглядом:

– Абсолютно.

– Тогда с радостью одолжу. – Луис широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. – Конечно, если вам удастся укротить его, месье. Он у меня и так-то бешеный, а во время грозы становится настоящим дьяволом... Зато он довольно шустрый. – Юноша перекинул ногу и соскочил на землю. – Надеюсь, вы знаете, на что решились? Он может изрядно помучить вас, а то и вовсе сбросит.

– Рискну, – рассеянно сказал Стивен, подтягивая стремяна.

Но тут вмешалась Дженнифер.

– Нет, Стивен! – воскликнула она. – Луис прав, это не шутки!

– Знаю.

Луис держал под уздцы всех трех лошадей. Стивен, быстро подойдя к Дженнифер, привлек ее к себе.

– Это, пожалуй, единственная возможность доказать, что и я на что-то гожусь. Надеюсь, этот заезд я все же выиграю. – Он крепко обнял ее и взволнованно сказал: – Иди прямо в монастырь и жди меня там. Остальное – за мной и за полицией, тебе лучше держаться в стороне.

– Хорошо, Стивен.

Его лицо осветила счастливая улыбка.

– То-то же, моя девочка. Конечно, было бы прекрасно, если бы мы успели приехать сюда к службе, а нет, так поднимемся прямо на ферму и организуем торжественную встречу после богослужения... сама знаешь кому. Постарайся не попасться ей на глаза, милая.

– Постараюсь.

²⁸ Друг мой... (фр.)

²⁹ Ну так как, Луис? (фр.)

– И что бы ни случилось, помни, трагедия на сегодня отменяется, Дженни... Неужели ты не заметила распахнутые золотые ворота там, в лесу? Неужели не слышишь, как трубят трубы?

– Со всех сторон?..

Стивен прервал ее быстрым легким поцелуем и поспешил к лошадям. Он принял от Луиса уздечку и легко вскочил в седло. Жеребец, сверкнув белками глаз, поднял голову, прижал уши и начал отступать боком, размахивая хвостом. Луис еще придерживал повод, тихо говоря с гнедым, затем встревоженно глянул на Стивена:

– Вы точно решили, месье? Он не любит чужих, а в грозу даже со мной ведет себя как бешеный.

– Справлюсь. К тому времени, когда я доберусь до Гаварни, он станет кротким, невзирая на погодные условия. Отпускай, Луис, и спасибо тебе!

Луис отступил.

Конь, прижимая уши и с шумом выпуская воздух из ноздрей, попятился и выгнул свою великолепную шею, пытаясь ухватить зубами уздечку. Но твердый уверенный рывок прекратил эти попытки, что вызвало у наблюдавших вздох облегчения и одобрительный возглас.

Стивен старался направить упрямца обратно на дорогу. Пустив в ход левую пятку и натягивая повод, он пытался повернуть строптивого коня в нужном направлении. Фуа сопротивлялся, взбрыкивая и злобно скалясь, он явно выражал горячее желание скинуть всадника со спины.

– Вот дьявол, – ласково сказал Стивен и сильнее натянул повод.

На этот раз конь вроде бы послушался, но потом сделал сногшибательный прыжок и, подняв облако пыли, встал как вкопанный.

Дженни вскрикнула, зато Луису упрямыство коня, да и всадника, очевидно, пришлось по душе. Стивен сдвинул пятками бока гнедого и рассмеялся.

– Давай, коняга, – процедил он сквозь зубы, потом сильно хлестнул коня промеж ушей, и они диким галопом унеслись вниз по склону.

Луис бросил на Дженнифер еще один загадочный взгляд, вскочил на одну из лошадей и, не сказав ни слова, продолжил свой путь к реке. Неспешный перестук копыт раздавался в тишине, точно замедленное эхо удалявшегося к северу галопа.

Опустевшая долина, казалось, замерла. Дженнифер решительно подошла к воротам монастыря и толкнула створку.

Глава 18

Терпение (в изменчивом темпе)

Начался дождь. Крупные редкие капли сначала мягко, затем все настойчивее застучали по стеклу. Зеленый жидкий свет, плывущий за окном, казался жутковатым под синевато-серым небом, исчерканным светлыми диагоналями дождевых пунктиров.

Монастырь словно опустел. Кто-то из монахинь в дальнем конце здания давал урок девочкам-сиротам, у других нашлись, видимо, свои личные дела. Не встретив ни единой души, Дженнифер прошла мимо трапезной и поднялась наверх. Она приняла ванну, сменила грязное, помятое платье и теперь сидела, накинув на плечи кофту, на подоконнике в конце прохладного темноватого коридора, напряженно вглядываясь в размытую перспективу долины.

Пусто и тихо, лишь серебристые стрелы дождя сыплются с низкого неба.

Она сидела неподвижно, зажав руки в коленях, и, чтобы унять разбегающиеся мысли, внушала себе: надо спокойно ждать... ждать...

А за окном все та же пустота, дождь и ветер.

Но нет, там что-то движется. Что-то, вернее, кто-то взбегал по склону от реки, спеша к монастырским воротам.

Порыв ветра тряхнул выющую за окном виноградную лозу, и капли, сливаясь в ручейки, заструились по стеклу. Дженни пригляделась к стройной, закутанной в плащ фигурке, легко бежавшей по траве, и струна воспоминаний задрожала в голове девушки. Селеста, подгоняемая ветром, возвращалась с реки после таинственного и явно небезгрешного свидания... Значит, это правда, значит, Селеста и Луис действительно встречаются. Дженнифер невольно поджала губы, заметив, что в руках у девушки цветы – ярко-голубые цветы горечавки для бедного холмика на кладбище? Если предположить, что цветы были только предлогом для любовных свиданий, то становились понятными ее скрытность и виноватый вид. К тому же, когда донья Франциски не было, Селеста без смущения отвечала на вопросы.

Еще несколько картин промелькнуло перед мысленным взором Дженни: возмущенный, почти собственнический взгляд, которым донья Франциска окинула девушку, явная вспышка ревности при виде цветов, принесенных на могилу, очаровательный миниатюрный молитвенник – «дар Божий»... Когда Селеста подошла к воротам, Дженнифер встала. Не стоило проявлять повышенный интерес к дороге. Она быстро прошла в комнату. Несмотря на то что сама она устала и переволновалась, Дженнифер вдруг пронзило чувство острой жалости к этой девушке, такой юной и такой одинокой. Душа благочестивой воспитанницы подверглась жестокому испытанию, ее раздирали противоречивые желания. С одной стороны – весь мир и страсть гасконца, а с другой – тихое привычное затворничество, в котором прошла вся ее жизнь. Так вот чем были вызваны ее мольбы и слезы в церкви. Живо представив себе красавца Луиса, гарцующего на золотом скакуне, Дженни подумала, что цель оправдывает риск и ничего удивительного нет в стремлении девушки видаться с парнем почаще.

Селесте пришлось расстаться с Луисом на время службы, звон колокола – в каком-то смысле символично – призывал к вечернему богослужению. Ветер разносил по окрестностям все те же три ноты. Она изумленно взглянула на часы. Силы небесные! Шесть? Прошло уже два часа со времени отъезда Стивена, а дорога по-прежнему беспросветно пуста: ни машин, ни спасательного отряда полиции.

Она сильно закусила губу, пытаясь отогнать ужасные мысли, зашевелившиеся в голове. Бюсак не причинит вреда Джиллиан – уж в этом они были правы; а если он увел ее, то его обязательно догонят. Он не сделает ей ничего плохого. Единственная опасность – донья Франциска. Но она бессильна что-либо предпринять до половины десятого, до окончания службы.

Но так ли это?

Настойчивый звон колокола звал к вечерне. Дженнифер бросила быстрый взгляд в зеркало, провела расческой по волосам и вышла, решив все выяснить.

Звук шагов гулко разносился по сумрачному коридору; скрипели деревянные ступени, передавая друг дружке эстафету; безлюдная трапезная огласилась звонким перестуком каблучков Дженнифер, пробежавших по каменному полу. Под аркой завывания ветра смешивались с приглушенным колокольным звоном.

Церковь, согретая мягким мерцанием десятков свечей, казалась совсем иным миром – в атмосфере спавшего света и тени носились ароматы ладана и горящего воска. Наливались силой аккорды солирующего перед началом службы органа. Над пышными светильниками главного алтаря возвышались святые и парили ангелы. Дженнифер встала на колени в темном уголке у стены, и в этот момент музыка взлетела, разрастаясь в заключительном аккорде, и погасила последний удар колокола.

Донья Франциска сидела в стороне от всех на своем обычном месте, соперничая в неподвижности с резной алтарной преградой. Отрешенное аскетическое лицо в спокойном сиянии свечей напоминало лицо статуи, чуждой и добра и зла. Теперь Дженнифер совсем иначе воспринимала весь ее облик: положение рук, изгиб губ и полуопущенные веки – все носило печать жесткого самоконтроля, все страсти были обузданы и подчинены неизменному терпеливому ожиданию... Ожидание... Но рубин на ее груди пульсировал, как живой.

Дождь все еще продолжался. Снаружи, вокруг освещенного здания, темнота, казалось, стала еще гуще; крошечная мгла ночи, и только в стеклах высоких окон поблескивают отражения горящих свечей перед алтарем. За стенами барабанит дождь, пригоршнями рассыпая по стеклам залпы дождевой картечи, а здесь – неподвижные занавеси у входа и ровные огоньки над тающим воском. Музыка возносилась под своды, набирая силу вместе с молитвами католического богослужения. Дженнифер стояла на коленях в своем уголке, вцепившись в спинку скамьи перед собой, и старалась не думать, старалась стереть картинку, маячившую перед ее мысленным взором: маленькая заброшенная ферма с запертой дверью и слепыми окнами и лицо Джиллиан за стеклом, в ожившем мраке. Они уже должны быть там. Стивен с полицейскими уже должны быть там. Ей остается только ждать. Только ждать.

Служба тем временем подошла к концу, и все в молчании потянулись в трапезную. Дженнифер оказалась за первым столом рядом с матерью настоятельницей и даже заставила себя что-то съесть; хотя, в общем-то, давно пора было проголодаться. Отличная тушеная баранина по-монастырски напоминала о бранных останках, а сменившие ее яблоки, казалось, могли быть с гнильцой или привести к грехопадению. Она была искренне рада обычаю, который предписывал благочестивые чтения во время трапез, – не хотелось в присутствии доньи Франциски рассказывать настоятельнице о том, как прошел день. Она украдкой бросила взгляд в сторону ближайшего окна, но там была лишь слепая стрельчатость оконного проема, сдерживающая глухой рев темных сил и охраняющая тихое потрескивание настенных светильников. Звучал монотонный голос чтицы, а черные, полуприкрытые тяжелыми веками глаза следили за Дженнифер с другого конца стола, и сердце ее болезненно сжималось, и она, опустив глаза в тарелку, терпеливо ждала...

Но все когда-то кончается. Загремели стулья, была спета благодарственная молитва, мать настоятельница повела стайку черно-белых монашек из трапезной, и, не оглядываясь, прошествовала донья Франциска. Теперь Дженнифер тоже смогла вернуться на свой тоскливый наблюдательный пост в коридоре. Раньше пустота не раздражала ее, но сейчас, в сгустившейся мгле, звонкое эхо ее шагов звучало почти издевательски. Ее сердце неровно забилося, она на минуту приостановилась на верхней площадке лестницы, глядя на длинный ряд плотно закрытых дверей, и затем вновь устроилась у окна, выходящего на дорогу.

Ничего. Сплошная темнота.

Она побежала в свою комнату. Там она тоже приткнулась к стеклу, а потом в порыве отчаяния распахнула окно настежь. Придерживая створки, она высунулась и напряженно вглядывалась в черноту южного склона. Но ее встретили лишь шум ветра в кронах деревьев и одуряющий аромат тысячи трав, взбудораженных дождем. Опять никого.

Почему так долго? Она медленно поднялась с подоконника, тщетно пытаясь восстановить утраченное спокойствие. Если они успели захватить Бюсака и спасти Джиллиан, то должны уже спускаться обратно в долину, к следующей цели, то есть к монастырю. Или они выжидали там все вместе того момента, когда трехдольный звон колокола возвестит окончание вечерни? Усталость и тоска навалились на Дженнифер. Она закусила губу и притворилась окном. Прошло уже больше трех смертельно медленно ползущих часов...

Заоконная темень вдруг ожила, согретая мягким светом. Сердце Дженни глухо стукнуло, но в тот же миг она осознала, что это лишь отражение – свет появился не за окном, а в комнате. Обернувшись, она увидела стоящую в дверях Селесту. Девушка держала подсвечник и закрывала ладонью колеблющийся огонек свечи.

Дженнифер закрыла окно на шпингалет, пламя успокоилось. Селеста смотрела поверх него напряженным и странным взглядом.

– Я хотела поговорить с вами, – заявила она резким, почти враждебным тоном.

Дженнифер отошла от окна.

– Что ж, давай поговорим, – устало и не слишком заинтересованно сказала она. Все ее мысли сейчас были там, за окном, где в непроглядной ночной тьме таилась долина. – О чем же?

Она присела в ожидании на кровать. По крайней мере, разговор отвлечет ее на какое-то время.

Селеста закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, не выпуская из рук подсвечника. В теплом живом свете мерцающего пламени она выглядела очень красивой – нежное создание, сотканное из длинных теней и кружевного ореола. Лицо ее, однако, было печальным. Утомленная Дженнифер, сама находившаяся на грани нервного срыва, отметила это с беспокойством.

– Может, поставишь свечу? – сказала она.

Селеста подчинилась, поставив подсвечник на свой комод. Лицо Мадонны на стене осветилось загадочной улыбкой, а лежащий на комодке молитвенник полыхнул золотым обрезами.

Голос Селесты прозвучал неестественно громко и вызывающе:

– Я ходила на свидание с Луисом.

– Да, я видела.

Черные глаза удивленно расширились.

– Значит, вы знаете?

– Знаю. Прошлой ночью я тоже видела тебя, хотя тогда еще не знала, куда ты ходила. Мне кажется, – добавила Дженнифер, и слабая тень улыбки коснулась ее напряженного лица, – что тебе лучше бы видеться с ним не так часто, если не хочешь, чтобы тебя поймали.

Селеста выглядела обескураженной, от прежнего героического вида не осталось и следа. Она отошла от двери и села на кровать.

– Вы никому не расскажете?

– Я? Зачем? Мне-то что до этого? Но с другой стороны, ничего плохого не случилось бы, если бы я поговорила с матерью настоятельницей.

Селеста раздраженно передернула плечами:

– Конечно, ничего не случилось бы. Мать настоятельница много раз говорила мне, что у меня нет призвания к монашеству. Она считает, что я должна покинуть монастырь, найти работу и жить нормальной жизнью, то есть выйти замуж и растить детей.

Дженнифер была поражена и не скрывала этого:

– Но, боже мой, Селеста, надеюсь, ты не заблуждаешься на этот счет и не считаешь, что мать настоятельница одобрила бы твои бесконечные свидания? Сама подумай...

– Мы не делаем ничего плохого, – мгновенно возразила девушка.

Дженнифер подняла брови и промолчала. Селеста дерзко смотрела на нее своими черными глазищами, потом вспыхнула и отвела взгляд; ее пальцы нервно теребили покрывало.

– Разве только то, что мы встречаемся тайком.

Дженнифер молчала, снова задумавшись о том, что происходит там, за окном, в безлюдной долине. Дела Селесты ее решительно не касались – как уже было сказано, Селеста сама должна разобраться со своей совестью. Потом Дженни взглянула на девушку и встретила почти по-детски испуганный взгляд. Она почувствовала легкую жалость и даже, как ни странно, желание помочь ей. Она сказала мягко:

– Но ведь ты понимаешь, что тебе надо сделать выбор. Так продолжаться не может. Это нечестно и по отношению к Луису, и к матушке настоятельнице. Уж если у тебя нет призвания стать монахиней и она понимает это, почему прямо не сказать ей обо всем?..

Пальцы Селесты зарылись в покрывало. Она резко выпрямилась:

– Вы ведь не расскажете ей?!

– Я уже сказала – нет, – устало произнесла Дженнифер. – Это твоё дело. Естественно, ты сама должна рассказать. Надо только решиться. И раз у тебя нет призвания, ради бога, прими совет матери настоятельницы и живи нормальной жизнью. В ней есть свои прелести.

Селеста молчала, но руки ее по-прежнему теребили пикейное покрывало. Потом она нехотя сказала:

– На самом деле призвание у меня есть. Так говорит донья Франциска. Она и слышать не желает о моем уходе.

– Никто не может решать за тебя, – намеренно резко возразила Дженнифер. – Ты любишь Луиса?

– Да, – прошептала Селеста, и ее глаза наполнились слезами.

Дженнифер взглянула на нее. Конечно, любит. Чем же ей можно помочь? Интересно, как к этому относится сам Луис? Она вспомнила огорчение, появившееся на лице юноши, и его слова: «Это касается меня или моей?..» Ему предстоит жестокая борьба, если Селеста не будет слушать никаких советов и полностью подчинится властной и авторитетной монахине с насквозь прогнившей душой. Раньше, в церкви, она была поражена, увидев выражение лица доньи Франциски, обращенного к Селесте. И если она правильно истолковала его, то испанка использует все резервы своей властной и сильной личности, все свое обаяние, чтобы удержать девушку при себе. Однако здесь могли быть и другие сложности.

– Луис говорил что-нибудь насчет женитьбы?

Вопрос прозвучал требовательно.

Селеста подняла голову, на ее губах заиграла гордая и чуть смущенная улыбка – тонкая и очень выразительная.

– О да.

– И он сможет содержать семью?

– Конечно! У его дяди есть ферма под Арлем. Луис говорит, очень богатая ферма с молочным стадом и... в общем, большое хозяйство. У дяди нет детей, и все достанется Луису. Он сказал, что мы могли бы... – Пыл ее внезапно пропал, и она добавила каким-то заученным и нравоучительным тоном: – Но конечно, это невозможно. Невозможно для того, у кого есть предназначение к высшей жизни.

– И ты уверена, что оно у тебя есть?

– А как же? Ведь так говорит донья Франциска.

Дженнифер прикусила язык и попыталась успокоиться.

– Мне жаль Луиса.

– Луиса? – удивленно спросила Селеста.

– А кого же еще? – вопросом на вопрос ответила Дженнифер. – Селеста, вполне естественно, что ты привязана к донье Франциске. Не сомневаюсь, что и она привязана к тебе. Это, конечно, очень важно, но... Ты знаешь, что донья Франциска в течение многих лет стремилась войти в орден, но до сих пор обстоятельства были против нее.

Девушка озадаченно кивнула. Дженнифер говорила, тщательно подбирая слова:

– Это трудно объяснить, Селеста, но мне кажется, я права. Возможно, в тебе донья Франциска видит себя. И потому, не считаясь с твоей личной жизнью, возлагает на тебя свои надежды. Для нее это в некотором роде еще один шанс. – Она немного помолчала. – Мать настоятельница говорит, что у тебя нет призвания. Впрочем, как и у доньи Франциски. А донья Франциска утверждает обратное. Она принуждает тебя, не считаясь – к чему лукавить? – с твоими желаниями. Она надеется, насколько я понимаю, реализовать себя в тебе. – Тут Дженнифер заметила в глазах девушки унылое непонимание и остановилась. Она улыбнулась и добавила мягко: – Пойми, Селеста: мать настоятельница, безусловно, лучший судья в том, что касается призвания. И еще, дорогая, почему бы тебе не довериться собственному сердцу? Тем более что и мать настоятельница склоняет тебя к этому?

Девушка надолго задумалась, но потом упрямо сказала:

– Донья Франциска не согласна с матерью настоятельницей. Донья Франциска говорила, что они не раз беседовали обо мне. Матушка уже старая, очень старая, а донья Франциска моложе и умнее и знает меня лучше всех.

– Она знает о Луисе?

Девочка сжалась и побледнела как полотно.

– Нет.

– Значит, она не слишком хорошо понимает тебя, не так ли? – сухо сказала Дженнифер.

В душе она поразились той волне отвращения и даже ненависти, которая окатила ее при тихом и почти благоговейном упоминании имени испанки. Резко повернувшись к окну, она сильно сжала руки коленями, точно хотела укротить свои эмоции и обуздать желание разоблачить эту даму в глазах несчастной девчушки. Спорить Дженни не осмеливалась, она была не готова, да и не вправе вмешиваться в проблему, которая представлялась ей просто результатом душевного уродства, тогда как для Селесты решался самый сложный вопрос выбора между миром и Богом.

Селеста тем временем действительно робко пыталась объяснить что-то сама себе, но из ее еле слышного монолога Дженнифер уловила лишь несколько отрывочных и странных фраз, произнесенных по-французски.

– Так мудра, – шептала Селеста с отрешенным лицом. – Донья Франциска... совсем другая жизнь, муж, дети... Грех...

Последнее слово она вымолвила одними губами.

Дженнифер вскочила, резко выдвинула ящик комода и, достав сигареты, со стуком вернула его на место. Она в раздумье прошла по комнате, прикурила сигарету от свечки и, выпрямившись, с наслаждением затянулась. Дым поплыл по комнате, его едковатая острота противоречила стерильной атмосфере кельи. Табачный запах принес ощущение жизни, обычной грешной жизни и смягчил сильнейшее раздражение, которое вызвала эта невыносимая сцена. Дженнифер сказала:

– Ведь ты не об этом хотела поговорить со мной? Так в чем дело?

Селеста перестала бормотать и ошеломленно уставилась на нее. Дженнифер испытала какое-то злорадное удовлетворение. Она затянулась сигаретой и повторила вопрос:

– Так в чем же дело?

Селеста моментально опомнилась. Она задумалась, потом вспыхнула, точно вспомнив о чем-то очень неприятном, выпрямилась и решительно вернулась к началу разговора:

– Недавно я виделась с Луисом.

– Да, ты уже говорила.

– И он рассказал мне, – она покраснела еще гуще, но ее милые глазки строго взглянули на Дженнифер, – рассказал, что вы опять спрашивали о смерти мадам Ламартин. Вы и ваш возлюбленный.

Дженнифер от удивления забыла о сигарете.

– Я и мой...

Селеста почти с ненавистью посмотрела на нее:

– Ваш парень, как сказал Луис. Разве вы не любите его?

Дженнифер медленно опустилась на кровать.

– Я... ну да, наверное. Я еще не... – Она изумленно смотрела на девушку. – Да, конечно. На этот раз была ее очередь смущенно улыбнуться.

Едва обратив внимание на ее ответ, Селеста продолжала:

– Зачем вы все выпрашиваете? Почему Луис сказал, что в смерти мадам Ламартин есть какая-то тайна?

– Он так сказал?

– Да! Он говорит, что у вас и у того англичанина есть тайные подозрения. Это правда? Именно поэтому вы тогда расспрашивали меня? В чем вы меня подозреваете?

– Тебя? Ни в чем.

– Неправда!

Она возбужденно дышала, устремив на Дженнифер сверкающие глаза, лицо ее горело. В гневе она выглядела очаровательной. У Дженнифер засосало под ложечкой, когда она осознала, что придется выдержать еще одну эмоциональную атаку.

– Вы считаете, что я отравила ее? – запальчиво произнесла Селеста.

Дженнифер с трудом поборолла раздражение:

– Бог с тобой, Селеста, не будь глупенькой! Конечно нет! Все это абсолютно не касается тебя! Уверяю...

– Тогда что за тайна? Что вы подозреваете? Что-то плохое?

– Да ничего! Ничего, ты тут совершенно ни при чем! Поверь, Селеста! Никто ни на секунду не усомнился в том, что ты сделала все возможное и много хорошего для... для мадам Ламартин.

– Но вчера вы расспрашивали меня и подозревали в том, что я скрываю какие-то подробности, хотя я уверяла вас, что ничего не знаю...

– Дело не в этом. Извини, мне пришлось быть настойчивой, но я была в полном недоумении, мне хотелось выяснить как можно больше. Я верю тебе, честное слово.

– Тогда к чему такая таинственность? – настаивала Селеста.

– Послушай, – устало сказала Дженнифер, – во всем, что касается тебя, нет никакой таинственности. Вопросы, которые мы – англичанин и я – задавали, касаются сугубо личных дел. Все они касались обстоятельств смерти мадам Ламартин, но абсолютно не касались тебя. Клянусь тебе. Теперь наконец понимаешь?

Но Селеста все еще не могла успокоиться.

– Я ухаживала за ней, – обиженно сказала она, – и была с ней почти до самой смерти. Значит, это меня касается. И я имею право знать о ваших подозрениях.

Дженни, терпение которой было на исходе, попыталась овладеть собой и сказала спокойно и с достоинством:

– Я ничего больше не могу сказать, Селеста. Если ты согласна принять мои уверения, прими их просто как факт. Больше я не могу сказать тебе ничего... сегодня.

– Сегодня?!

Голос Селесты зазвенел, она вытянулась в струнку, глаза ее сверкали от нетерпения.

Дженни со страхом распознала симптомы близкой истерики и быстро сказала:

– Дорогая, послушай...

Но девушка не обратила внимания. Она подалась вперед, упрямо мотнула головой и, не пытаясь скрыть неприязнь, запальчиво закричала:

– Сегодня? Нет уж, объясните мне, *madame l'anglaise!*³⁰ Что произойдет сегодня? Что с вами? Отчего вы такая бледная, руки трясутся, а уж глаза... Да, вы определенно чего-то ждете!

– О господи, с чего ты взяла? – резко оборвала ее Дженнифер.

– С самого утра у вас такой странный вид! – пронзительно выкрикивала Селеста. – Я вас раскусила! Вы всюду шныряли, что-то выискивали, вынюхивали! Я видела. О да, я тоже следила за вами! Так что, что будет сегодня? Чего вы ждете? Что высматриваете там, за окном? Что должно произойти в долине сегодня вечером?

– Селеста, ради бога...

– Вы ждете полицейских? – во весь голос выкрикнула Селеста.

В коридоре послышались чьи-то шаги, мягкие скользкие монашеские шаги. Дженнифер, дрожа, поднялась с кровати.

– Придержи язык, черт тебя возьми, маленькая идиотка!

Волна ужаса окатила ее, нервы окончательно сдали, и ее собственное состояние тоже было достаточно близко к истерике, иначе она бы никогда не произнесла таких слов.

Но грубость подействовала. Селеста судорожно вздохнула и поникла. Когда она вновь заговорила, ее дрожащий от ярости голос был уже не таким громким. Она сказала почти торжествующе:

– Я права, да? Луис говорил, что ваш англичанин утром виделся с жандармом, а сейчас поехал за полицейскими. Не старайтесь обмануть меня и уверить, что все в порядке!

– Я этого не говорила. Я сказала, что это не касается тебя.

Селеста соскользнула с кровати и взглянула прямо в лицо Дженнифер. В ее глазах отражался огонек свечи.

– Но это касается монастыря, мадемуазель. Вы иностранка, кто дал вам право вмешиваться? От вас одни неприятности! Я не позволю вам, я...

– Селеста, куда ты?

Девушка обернулась уже от двери.

– Вы говорите, это не касается меня, мадемуазель. Может, оно и так, но есть люди, которых это касается!

– Нет, Селеста! – Дженнифер бросилась к ней. – Не надо беспокоить мать настоятельницу.

– Мать настоятельницу? – Селеста через плечо снова метнула на Дженнифер пылающий взгляд. – А я иду вовсе не к матери настоятельнице! Это касается доньи Франциски, и посмотрим, что вы ей скажете, мадам англичанка!

Она дернула за ручку двери.

Дженнифер мгновенно вскочила на ноги. Это была уже катастрофа, ситуация стала не просто неприятной, а чрезвычайно опасной. Не раздумывая ни секунды, она перешла к решительным действиям. Подлетев к Селесте, Дженнифер схватила ее за руку, оттолкнула от двери и щелкнула задвижкой. Селеста ловко, как кошка, увернулась и опять подскочила к двери.

– Дайте мне выйти!

Дженни тяжело дышала, но попыталась ответить спокойно:

– Послушай меня, пожалуйста!

– Дайте выйти!

Девушка, отчаянно сопротивляясь, вырвала руку и старалась протиснуться к двери. Она дотянулась до защелки, но Дженнифер опять крепко схватила ее за руку.

³⁰ Мадам англичанка (*фр.*).

– Пустите меня! – задыхалась и всхлипывала Селеста, извиваясь у двери, но Дженнифер крепко держала ее за руку. – Я должна, должна сказать... донье Франциске...

За дверью снова раздались шаги. Где-то щелкнул замок.

– Выпустите меня!

И Селеста набрала воздуха в легкие, явно собираясь закричать.

– Чтобы предостеречь эту убийцу? – в отчаянии произнесла Дженнифер.

Девушка точно окаменела и затихла. Всхлипывания прекратились. Дженнифер отпустила ее и отошла в сторону. Она вдруг почувствовала такую слабость, будто вот-вот потеряет сознание. Дженни села на кровать и уставилась в пол. Недокуренная сигарета вяло дымилась на полу, там, где была брошена. Она придавила окурок ногой.

– Что вы сказали? – услышала она и неохотно взглянула на Селесту.

Та все еще стояла у двери, но уже без бывшего отчаянно трагического вида. Конечно, нельзя было сказать, что девушка в отличном состоянии. Лицо ее заострилось, и, казалось, только дверь, к которой она безвольно привалилась, не дает ей упасть.

Селеста сказала совсем по-детски, тихим и невыразительным голосом:

– Теперь вы понимаете, что должны все мне рассказать?

– Да, – уступила Дженнифер, – да, теперь придется рассказать. Ты бы лучше села.

– Незачем.

Дженнифер отвернулась и поглядела в темное окно, вниз на долину, где порывистый штормовой ветер пригибал к земле травы. Никаких просветов, никакого другого движения. Но сейчас она чувствовала себя такой усталой, что не было сил даже для беспокойства.

– Я слушаю, – сказала Селеста от двери.

Дженнифер с тихим вздохом начала говорить... Наверное, не стоило вообще ничего рассказывать Селесте, однако вряд ли можно было этого избежать. Слишком невероятным было последнее, нечаянно сорвавшееся ужасное обвинение. Но слово сказано, и роковой шаг сделан. Дженнифер слишком много пережила за этот день и едва ли до конца сознавала всю шаткость своего положения – ведь она вступила на путь развенчания кумира перед лицом его благоговейной поклонницы. Измученная тревожными днями, она избегала взгляда своей слушательницы и, отвернувшись к окну, безжизненным голосом рассказывала эту печальную историю.

Она говорила о синих цветах, о своем недоумении, о сомнениях и тревоге, вскоре переросшей в уверенность. Рассказала о письме, найденном за триптихом, о решении расследовать загадочные обстоятельства смерти кузины и, наконец, о том, как ночью пошла на ферму, и о том, что там услышала.

– Не понимаю, как моя кузина попала туда, – сказала она, – но дело не в этом. Вскоре все выяснится. А дело в том, что твоя донья Франциска по уши увязла в каких-то темных делах. Положение настолько серьезно, что она готова пойти на крайние меры, лишь бы помешать нам разоблачить ее. Я стояла там под окном и совершенно ясно слышала, как она шантажировала Пьера Бюсака, чтобы заставить его убить мою кузину... Джиллиан...

Тут она перевела взгляд на Селесту, и все имевшиеся в запасе слова застыли у нее на губах.

Девочка, как зверек, скорчилась у двери. В неярких отблесках свечи лицо ее казалось восковым. Щеки и виски словно ввалились, черты обострились, и лицо стало страшной маской. Огромные темные глаза были пусты, как глаза призрака.

Сердце Дженнифер болезненно сжалось, она бросилась к ней и воскликнула:

– Селеста, пожалуйста, не смотри так! Селеста, милая!

– Это правда? – произнесла Селеста свистящим шепотом.

– Я не хотела... Да, это правда, но...

– Вы клянетесь, что это правда? – точно по слогам произнесла она.

– Селеста...

– Клянетесь?

– Я не уверена насчет шантажа, но все остальное... – сказала Дженнифер подавленным голосом.

– Убийство? Вы хорошо расслышали?

– Да. – В порыве сострадания она протянула к девушке руку. – Селеста, мне так жаль, не могу передать тебе, как жаль... Я не хотела, чтобы ты узнала.

– Хорошо, что узнала.

Шепот был еле различим.

Дженнифер тревожно взглянула на нее и сказала неуверенно:

– Мне кажется, мать настоятельница... Давай лучше я отведу тебя к матери настоятельнице...

– Нет.

Селеста быстро поднялась и взяла с кровати свой плащ.

– Что ты задумала? – всполошилась Дженни.

Селеста, не отвечая, открыла дверь и, точно привидение, растворилась в темноте коридора.

Глава 19

Трагическая увертюра (с ускорением)

Пламя свечи затрепетало и погасло в потоке воздуха, дверь захлопнулась. В темноте поплыл запах дымящего воска.

– О боже! – воскликнула Дженнифер и тихо застонала от недоброго предчувствия.

Вытянув вперед руки, она бросилась к двери. Но натолкнулась на глухую стену и начала нервно шарить по поверхности, ладони скользили по двери, пока не нащупали замок. Дженнифер распахнула дверь настежь, выбежала в коридор и почти в полной темноте вслепую устремилась к лестнице, ведущей в трапезную.

– Селеста! – вполголоса взволнованно звала она. – Селеста!

Но девушка уже исчезла. И ни к чему было гадать, куда она побежала, – сейчас любой путь вел ее к несчастью. Лестница осталась позади; заметив тусклый свет, падающий из дверей трапезной, Дженнифер ускорила шаги.

Там тоже было пусто, в воздухе стоял едва уловимый запах пищи и теплого уюта. Единственный светильник, высоко на стене, не в силах был справиться с сумраком. Дверь под арку была открыта и раскачивалась, сильный ветер жутко завывал под сводами. Тяжелый ковровый занавес за дверьми церкви колыхался, как будто кто-то только что откинул его... Все правильно, именно в церковь. Только сюда и могла направиться Селеста. Гавань для корабля, потерпевшего крушение...

Дженнифер коснулась рукой занавеса и остановилась в раздумье: что нужнее сейчас Селесте – сострадание или облегчение, которое может принести молитва? Но пока она раздумывала, все решилось само собой.

– Куда это ты собралась? – услышала она раздраженный голос доньи Франциски.

Дженнифер напряглась, – казалось, каждая клеточка ее тела дрожала. Она отдернула руку от ковра, точно ее ударило током. Голос доносился из церкви.

Все-таки это произошло. Селеста то ли случайно, то ли намеренно, но все же столкнулась с испанкой лицом к лицу.

Дженнифер немного отодвинула край занавеса. Одна створка двери за ним была закрыта, и девушка проскользнула внутрь, очутившись между занавесом и внутренними дверьми.

Сердце ее глухо стучало. Она осторожно заглянула в церковь. Освещение было не таким ярким, как во время службы, но на стенах горело два-три светильника, а в нишах мерцали в подсвечниках огоньки тонких восковых свечей. Один светильник в алтаре горел ясным красноватым светом, другой – поменьше, в боковом нефе – пылал, как рубин.

Под ним, напряженно выпрямившись и высоко подняв голову, стояла Селеста. Донья Франциска оторвалась от своих дел – она стояла перед маленьким боковым алтарем – и повернулась к девушке. Сквозь сумрак плыли угасающие звуки органной фуги Баха, которую играла в своем тихом уединении ничего не подозревающая сестра Мари-Клод.

Дженнифер замерла в темном укрытии между дверью и ковровой занавесью. Мучительные сомнения закружились в ее голове, когда сквозь замирающую музыкальную фразу к ней донесся голос Селесты. Голос был сухой и резкий, тот же, что Дженни слышала только что в келье.

– Вот что я пришла сказать вам. Я ухожу отсюда, сеньора, сейчас. Прямо сейчас. И больше не вернусь. Никогда, слышите?

Испанка воззрилась на нее как на сумасшедшую:

– Селеста! О чем ты? Ты заболела? Дитя мое, милая моя девочка...

Она направилась к девушке, но Селеста, не сдвинувшись с места, четко произнесла:

– Не приближайтесь. Вы не смеете прикасаться ко мне.

– Селеста! – потрясенно и строго воскликнула испанка и затем произнесла с нарастающим гневом: – Как ты смеешь говорить со мной таким тоном? Ты сошла с ума? Ты соображаешь, с кем разговариваешь?!

– О да. – Ответ прозвучал, как последний вздох перед смертью. – С доньей Франциской. Все эти годы я считала, что люблю вас. Но все кончено. Нет, не смейте прикасаться ко мне. Я хочу объяснить, почему пришла попрощаться с вами... Потому что все эти годы... потому что я не могу просто вычеркнуть их. – Ее голос задрожал, и она закончила с оттенком ужаса: – Не могу даже сегодня, потому что вы были все же очень добры ко мне.

– Сегодня?..

Дженнифер сжала горло руками, увидев, как напряглась испанка, как изменилось ее лицо и как сузились черные глаза, освещенные пламенем свечей.

– О чем ты говоришь, Селеста? Почему именно сегодня?

Девушка глубоко вздохнула, ее побелевшие руки сжали складки плаща – этот незначительный жест оказался на удивление выразительным. Голос ее окреп:

– Вот видите, вы сразу догадались, о чем речь. Значит, все правда. Смешно, но я поняла это сразу, как только она начала рассказывать.

– О ком ты, Селеста? – еле слышно спросила донья Франциска.

– Об английской девушке. Уж не думаете ли вы, что я останусь здесь после того, что услышала?

Испанка взвилась, как змея. Она взмахнула своими длинными руками, схватила девочку за плечи и прошипела:

– О чем она узнала?

Селеста не двигалась.

– Об убийстве, – тихо произнесла она.

В безмолвии храма парила возвышенная ангельская музыка.

Девушка дернула плечами, пытаясь вырваться, полы плаща разошлись, и под ними оказалось голубое платье. Она яростно ударила кулачками по уже немолодым, но цепким рукам испанки и высвободилась. Словно невольно подчиняясь тишине храма, она перешла на шепот, однако никакой крик не мог быть более выразительным:

– Я ухожу прямо сейчас! Ухожу от вас, от ваших возвышенных и благочестивых разговоров. Я ухожу к моему возлюбленному... Ах, извините! Ведь вы еще не знаете? Да, у меня есть возлюбленный, я давно с ним встречаюсь, там, в горах. Вы, конечно, назвали бы это грехом, донья Франциска! Грех? Пускай! Меня это больше не волнует! Если и грех, то он куда лучше вашей святости!

Говоря все это, она отступала к южным дверям, и ее темная фигурка то озарялась трепетным светом, то вновь пропадала во мраке. Она помедлила на пороге – и вдруг застывшая на ее лице презрительная маска сломалась и растаяла в потоке слез. Она разжала губы, пытаясь что-то сказать, но ни один звук не сорвался с них. Ослепнув от слез, Селеста отвернулась и распахнула двери.

Черный плащ взметнулся, как облако, и окутал ее. Еще мгновение силуэт девушки был виден в резкой границе света и тьмы. Затем она исчезла, и пламя свечей заметалось в потоках хлынувшей в храм ночной свежести.

Дверь церкви зияла черной тьмой, порывистый ветер тяжело качнул створку – раз, другой...

Донья Франциска замерла в странной летящей позе: ее протянутая к опустевшим дверям рука так и осталась полусжатой, как когтистая птичья лапа. Другая рука стиснула рубиновый крест на груди. Словно злые чары превратили испанку в статую темного старого дерева, глубокие морщины осунувшегося лица, казалось, были нанесены резцом художника-примитивиста.

Даже когда она пошевелилась, иллюзия не рассеялась. Медленно, точно опускающиеся под собственной тяжестью конечности манекена, руки испанки упали и повисли по бокам, только пальцы нервно подергивались. Следом упало еще что-то, как летящая искра... Крест соскользнул с разорвавшейся цепочки, сверкнул, падая, и угас в складках шелкового облачения. Она ничего не замечала. Ее лицо с большими полуопущенными, как у хищной птицы, веками еще хранило резкость линий деревянной статуи.

Затем это фантастически причудливое, словно черная горгулья, лицо медленно обернулось к дверям, за которыми стояла Дженнифер.

– Английская девушка... – тихо произнесла донья Франциска и направилась прямо в ее сторону.

Испанка не сделала и двух шагов в ее направлении, как Дженнифер, ни минуты не раздумывая, уже нырнула за занавес, точно удирающий кролик, и пролетела под гулкой аркой в сторону сада. Ее обступила тьма, но отблески света, падавшие из полуоткрытых окон, указывали дорогу. Дождь перестал барабанить, и лишь ветер, еще шумевший в кронах деревьев, гасил звуки ее шагов. Яблони над ее головой взмахивали тяжелыми ветвями и шелестели листвою, на низкорослых апельсиновых деревьях покачивались круглые, как головки одуванчиков, плоды. Дженнифер толкнула садовую калитку и бросилась под защиту темного кладбища.

Она прибежала сюда чисто инстинктивно, выбрав самое темное место. Но сейчас, случайно наступив на могильный холмик, она, все еще охваченная паническим страхом, поняла, что выбрала правильный путь. Отсюда – скорее на ферму, к Стивену. Ведь надо предостеречь их... Но Дженнифер не стала убеждать себя, что ее единственное намерение – предупредить Стивена и полицейских. Уже третий раз она искала защиты в его надежных руках. Дженни интуитивно поняла причину: пускай он отказывался от роли героя, все же он единственный герой ее жизни. А сейчас у Дженнифер не осталось никаких сомнений насчет того, в какую ситуацию она влипла. Если можно себе представить лицо, на котором написано единственное желание – убить, то именно таким было лицо испанки, когда та направилась за намеченной жертвой.

Намеченная жертва... И ветер, так надежно скрывающий бегство Дженнифер, мог точно так же заглушить шум преследования.

Донья Франциска не могла увидеть ее и вряд ли даже слышала хоть что-нибудь. Возможно, она еще блуждает по коридору над трапезной в поисках «английской девушки», но, может быть, уже скользит черной тенью за своей добычей по кладбищу... Вытянутые руки Дженнифер натолкнулись на мокрые дрожащие листья розовых кустов, которые раскинули свой ковер у монастырской стены возле калитки, ведущей в горы. Волосы мокрыми прядями падали на глаза Дженни, шипы роз оцарапали руки и, словно когти, вцепились в подол плаща. Что-то больно стукнуло ее по руке, она отскочила с криком ужаса, но тут же поняла, что это просто калитка, раскачиваемая порывами ветра.

Она прошмыгнула в нее и устремила к горной дороге. К ферме Бюсака. Стивен должен быть там, Стивен и полицейские из Лу и Гаварни. Стивен...

Осталась позади тень монастырских стен и деревьев, дорога стала лучше видна. Подгоняемая страхом, Дженни бежала по склону и судорожно всхлипывала; чем быстрее она бежала, тем больший ужас охватывал ее. Она летела без оглядки по следам недавней грозы. Когда она достигла той высоты, где монастырские стены уже не служили преградой ветру, ее захватил вихревой поток и потащил вперед, словно она весила не больше легкого облачка. Туфли скользили по мокрой траве, дважды она падала на колени, руки были в грязи, плащ порвался и испачкался, но ни падения, ни боль от ушибов ничуть не уменьшили скорости ее бешеной гонки. Ураганный ветер раздувал плащ, как парус, и нес ее, точно легкое суденышко, вверх по склону под сень сосен. В темноте она едва не налетела с размаху на ствол первой же сосны,

но ветер протащил ее чуть левее, и наконец Дженни поглотило безмолвие леса, который разом оборвал рев стихии, подобно тому как скалы укрощают морские волны.

Мрак плотной стеной встал на ее пути, и, казалось, сам воздух препятствовал ее продвижению вперед. Но она не могла остановиться. Она не смела даже оглянуться назад, боясь увидеть позади себя под деревьями движение черной тени, боясь ощутить не одно только дыхание холодного ветра. Она бежала.

Вскоре она достигла склона, ведущего прямо к ферме.

Эта каменистая крутая осыпь и всегда была ненадежной, но сейчас превратилась в ужасное скользкое месиво – множество ручейков сбегало вниз, и дорога стала руслом потока, мелкой предательской речки, несущейся по скользким гладким камням и жидкой грязи. Дальше и выше... шаг за шагом, она уже не бежала, а едва продвигалась вперед, то и дело оступаясь, скользя, еле переставляя отяжелевшие ноги по камням и рытвинам...

Вперед... вперед... Она уже поднялась выше того места, где начинался поток, и теперь карабкалась по мокрым от дождя камням... Вперед и вперед... Совсем обессиленная, она бросилась к последнему повороту дороги.

Наконец-то она дошла. Низенькая ферма точно съежилась под порывами холодного ветра, ее освещенные окна мигали, хлопая тяжелыми ставнями.

С криком «Стивен!» Дженнифер вбежала на мощный дворик, и слезы облегчения обожгли ее глаза.

Она толкнула дверь домика и нырнула внутрь. Ее встретил теплый воздух, насыщенный запахами тушеного мяса и свежего хлеба.

Она снова выдохнула: «Стивен!» – и остановилась, зажмурясь от света, на пороге комнаты. Дверь захлопнулась.

Испуганная девушка обратила вопросительный взгляд своих серых глаз к Дженнифер.

Больше в комнате никого не было.

Глава 20

Фантастическая пьеса

Девушка сидела посреди комнаты за столом на высоком табурете. Она была очень бледной; осунувшееся усталое лицо, неловкие движения – казалось, руки не слушались ее. Девушка резала поджаристый хлеб толстыми ломтями, рядом на тарелке лежало нарезанное мясо. По столу были разбросаны остатки торопливой трапезы. Весь вид комнаты говорил о спешных сборах. Обстановка была скромной: стол, несколько стульев, у окна кушетка со стопкой одеял и, словно инородный предмет, старинные высокие напольные часы в углу. Напротив окна – открытая дверь, ведущая, похоже, в пустую спальню.

Все это Дженнифер почти бессознательно отметила за какие-то доли секунды, до того как девушка заговорила. Она положила нож на стол и встревоженно спросила:

– В чем дело, мадемуазель?

– Вы не ушли! Как хорошо! Вы не ушли.

Дженнифер перевела дух.

– Нет, – с оттенком недоумения ответила девушка по-французски. – Я плохо себя чувствовала, и еще выяснилось, что мул хромает. Поэтому мы еще здесь. Но почему...

Дженнифер, слегка пошатываясь, подошла к столу:

– Тогда все в порядке. Ох, Джиллиан.

– Мадемуазель? – с вопросительной интонацией произнесла та и бросила боязливый взгляд на дверь. – Зачем вы вернулись? Вы же видели, как он тогда днем рассердился. Если он придет и вновь обнаружит вас здесь...

Дженнифер так сильно сжала спинку стула, что костяшки пальцев побелели.

– Вы хотите сказать... Значит, здесь еще никого не было? Он... они не взяли его?..

– Они? – Голос девушки зазвенел от волнения. – Кто должен был взять его?

– Тот англичанин, – машинально ответила Дженнифер. – И полицейские.

Уставшая и растерянная, она задумалась и начала строить всевозможные ужасные предположения.

– Полицейские? – Серые глаза подозрительно прищурились, затем распахнулись, полные тревоги. – Полиция? Почему?

Но Дженнифер не смотрела на нее, она тоже повернула голову к двери и сказала дрожащим голосом:

– Должно быть, что-то случилось. Надо скорей уходить. Та женщина, может быть, уже поднимается сюда, и Бюсак... Где же Бюсак?

– Пошел в соседнюю долину на ферму Корантена. Я не дойду пешком, вот он и пошел одолжить мула. Он должен вернуться с минуты на минуту.

Дженнифер дернулась, словно от удара хлыста. Ее лицо побледнело от волнения.

– Тогда нам надо сейчас же уходить! Скорее! Нельзя ждать ни минуты! Уже темно, и ветер, все только на руку нам... – Заметив, что девушка даже не шевельнулась, она добавила: – О господи, Джиллиан, в чем дело? Что с тобой? Джил, неужели ты все еще не узнаешь меня? Я же Дженни, твоя кузина Дженни! Теперь наконец ты узнаешь меня? – Она взволнованно протянула к ней руку через стол. – Сейчас нет времени объяснять все, Джил, но ты в опасности. Пойдем, это единственная возможность спастись. Поверь, в чем бы ты ни была замешана, это не имеет значения. Просто пойдем со мной, а остальное выясним позже. Ты должна пойти со мной.

Но девушка отпрянула от протянутой в отчаянии руки, и недоумение на ее лице переросло в откровенный страх.

– Я... я не понимаю, почему я должна идти с вами? О чем вы говорите? Кто вы?

Порыв ветра с силой ударил ставнем по стене дома. Но Дженнифер не обратила внимания. И гроза, и все опасности, которые нависли над этим маленьким домом, вдруг отступили. Их глаза встретились. Между ними на неубранном столе тихо потрескивала лампа.

– Я же сказала. Я – Дженни, твоя кухня.

– Кухня? – Девушка стала белой, как скатерть. Она покачала головой. – Я... не понимаю вас.

– Ты что, хочешь сказать, что ты не Джиллиан?

– Не понимаю... не знаю, о чем вы говорите. Я Мари Бюсак. Я не помню никакой кухни. Она дрожащими руками переставила тарелку с места на место.

Дженнифер показалось, что комната потемнела и поплыла у нее перед глазами, а лампа зашипела и съезжилась. Ее начало трясти. Она тупо повторила:

– Мари... Бюсак? Мари?

– Да, мадемуазель. Что тут странного? Я его жена. – Она вновь неуверенно взялась за нож, словно собиралась продолжить свое занятие. Внимательно глядя на Дженнифер, она так побледнела, что, казалось, была близка к обмороку. – Пожалуйста, мадемуазель, расскажите мне все. И кто вы на самом деле? Зачем пришли?

Дженнифер, не глядя, дрожащей рукой нашарила стул и села. Отбросив со лба мокрые волосы, она в оцепенении уставилась на девушку. А та почти машинально дотянулась до бутылки, плеснула в стакан немного красного вина и передвинула его по столу. Дженни с жадностью выпила. Терпкий напиток подкрепил ее и словно растопил лед оцепенения, которым были скованы ее мысли и чувства.

– Я – Дженнифер Силвер, и я считала, что я твоя кухня, но теперь не знаю. Мне... Я... – Она вновь взглянула на свою собеседницу и нерешительно сказала: – Может быть, ты просто боишься признаться, что ты – Джил? Но ты вполне можешь доверять мне. Даже если за это время Бюсак впутал тебя в свои махинации... и... Да какое мне дело до них! Клянусь, я помогу тебе.

Бледное лицо девушки застыло, черты исказил страх. Она быстро сказала:

– Я вас не знаю. И не понимаю, о чем вы говорите.

– Тогда ты ее двойник, – прошептала Дженни, – а она умерла. И тогда ты – мадемуазель Лалли Дюпре, раз ты жива.

Девушка все так же испуганно глядела на нее:

– Как вы назвали меня? Еще какое-то имя? Вы, наверное, сошли с ума, вместе с вашими кухнями и...

Но Дженнифер вдруг вскочила со стула с радостным криком:

– Ну конечно! Какая я глупая! Мы же говорили, что не может быть второй такой же, как ты! – Она подошла к свету и распахнула грязные полы своего плаща. – Мари Бюсак! Мадам Бюсак, скажите, какого цвета мое платье?

Девушка взглянула на нее как на сумасшедшую:

– Я... я не понимаю. Вы определенно сошли с ума!

– Нет, ответьте только на один вопрос, и, если вы ответите правильно, я уйду. – Она подняла влажный подол ближе к свету. – Какой это цвет?

Серые глаза смотрели растерянно. Прямые брови сошлись к переносице.

– Мне... мне кажется, серый? Бежево-серый?

Слезы обожгли глаза Дженнифер и покатались по щекам. Она сказала потрясенно:

– Нет. Нет, вовсе нет. – Опустив голубой подол платья, она окоченевшими руками вытерла слезы со щек. Потом посмотрела на Джиллиан сквозь туманный свет лампы. – Я знала, что это ты. Я не могу оставить тебя, Джил. Почему ты мне не веришь?

Джиллиан напряженно смотрела на нее, она сторбилась, поникла, точно силы покинули ее, и схватилась руками за край стола. Признаки болезненного страха резче проступили на ее лице. Вид у нее был совсем больной. Она сказала растерянно:

– Я не знаю... Я не могу... – Вдруг, точно в отчаянии, она обхватила голову руками. – Oh, mon Dieu, que j'ai peur! Je n'y comprends rien!³¹

Дженнифер стояла не шелохнувшись. Потом сказала с глубоким вздохом:

– Зато я понимаю. – Она облокотилась на стол и склонилась вперед. – Мадам Бюсак, вы ничего не помните, да?

Джиллиан все еще сидела, обхватив голову руками. Она слегка кивнула.

– Вы не знаете, давно ли вы живете здесь?

Опять легкий кивок.

– Когда вы поженились?

– Мы... около года назад. Но зачем вам знать?

– Это он так сказал?

– Да, – тихо ответила она.

Дженни закусила губу, голос ее стал еще мягче:

– Но ведь вы не помните вашей свадьбы, мадам Бюсак?

Джиллиан подняла голову:

– Нет, мадемуазель, это было до...

– ...До аварии, – тихо закончила Дженнифер. – Да?

Их глаза вновь встретились над потрескивающей лампой. Изумленные и растерянные глаза Джиллиан были по-детски чисты, словно все прошлое стерлось из памяти девушки.

В комнате воцарилась тишина.

Почувствовав некоторое облегчение, Дженнифер судорожно вздохнула и выпрямилась. Наконец-то все встало на свои места. И вывод напрашивался сам собой – при всей его простоте и невероятности.

Она должна увести Джиллиан. Безусловно, теперь нельзя оставить ее у Бюсака, даже если в его намерениях нет ничего плохого. Двух мнений быть не может: Джиллиан больна. Надо как-то убедить ее, заставить поверить. Дженни заглянула в глаза Джил, ставшие вдруг такими жалобными и растерянными.

– Тогда вы должны позволить мне вспомнить за вас, Мари. Все, что я говорила, – правда. Я ваша кузина, но сейчас не это главное. Вы должны довериться мне. Не бойтесь Бюсака. Если мы успеем скрыться...

– Но я и не боюсь его. А вот полицейские...

– Почему ты боишься их? Ты ни в чем не виновата и не должна расплачиваться за его дела.

Джиллиан зажала побелевшие руки в коленях.

– Нет, виновата. Они ищут меня. То дело в Бордо...

– Значит, он сказал тебе, что ты замешана в ограблении, да? Полагаю, он сказал это, только чтобы убедить тебя держаться подальше от людей... Я, кажется, все поняла.

Она обежала вокруг стола и в волнении положила руку на плечо Джиллиан.

Вдруг снаружи донесся какой-то шум, и Джиллиан обернулась. Порыв ветра ударил в ставень, и тут же, точно эхо, раздался другой стук, от которого сердце Дженнифер отчаянно забилось. Это был уже не ветер.

Подхваченная ветром дверь с шумом захлопнулась.

– Eh bien, mademoiselle?³²

³¹ О боже, как мне страшно! Я ничего не понимаю! (фр.)

³² Итак, мадемуазель? (фр.)

Глава 21

«Девушка и смерть»

В кухне настала мертвая тишина, даже гроза за окном, казалось, утихла. Потрескивало полено в камине, мерно тикали часы, тихо пела лампа, но все эти тихие звуки лишь подчеркивали напряженность тишины. Дженнифер отпустила руку Джиллиан и попятилась, увидев гнев, загоревшийся в глазах Бюсака.

– Зачем вы вернулись? – спросил он злобно.

Дженнифер протянула руку:

– Пьер...

Ее обращение не было услышано, Бюсак стоял у дверей и не спускал с нее глаз.

– Что вы здесь делаете? И что вы тут наплели моей жене?

Она чувствовала себя неуверенно, но постаралась ответить как можно смелее:

– Вы прекрасно знаете что. Она моя кузина, Джиллиан Ламартин. А что дальше, месье Бюсак, вы сами знаете.

– Ерунда, – грубо сказал он. – Пусть она вам скажет...

– Что она может сказать? Вы отлично знаете: она ничего не помнит. Но я готова доказать, что она моя кузина.

Услышав это, Бюсак резко шагнул вперед, и глаза его загорелись недобрым огнем.

– Неужели? – заговорил он вкрадчиво. – Значит, вы решили подняться к нам... Вы одна, мадемуазель?

Она облизнула сухие губы.

– Я... нет, я...

– Где же ваш приятель? – продолжал он. – Или вашему англичанину хватило дневного разговора?

Джиллиан стояла, опершись на край стола, и озадаченно слушала их перепалку. Видя, что Дженнифер не отвечает, она тихо сказала:

– Он придет сюда...

Дженни испуганно попятилась, но Бюсак только рассмеялся:

– Пусть себе приходит.

– С полицейскими. Сейчас. Скоро, – договорила Джиллиан.

Бюсак взглянул на Дженнифер, зло прищурил глаза:

– Значит, он отправился за полицией?

– Конечно! – с вызовом сказала она. – И отправился сразу, как только мы ушли отсюда! А на что вы рассчитывали? Вы просто глупец, месье Бюсак, если думали, что мы оставим все как есть.

– Ну нет. Не так уж я глуп. Я учел эту возможность. Но по средам, мадемуазель, полицейских найти не просто. У Аристиды выходной, и он уехал на своем драндулете в Лу поиграть в пелоту. Вашему приятелю предстоит дальняя дорога. Он ведь шагает на своих двоих?

– Существует телефон! – резко сказала Дженни.

– А еще – грозы, – с удовольствием подхватил Бюсак. – Корантен сказал мне, что линия с трех часов не действует.

Улыбаясь, он заглянул ей в глаза, и то, что он прочитал в них, окончательно привело его в хорошее настроение. Она хотела что-то сказать, но передумала и лишь беспомощно развела руками.

Должно быть, ее удрученный вид тронул Джиллиан, и она, выйдя из своего апатичного состояния, обернулась к Бюсаку и коснулась его руки:

– Пьер... О чем ты, Пьер? Я окончательно запуталась. Она говорила, что знает меня, что я ее кузина. Что все это значит?

И она устремила на него такой растерянный и жалобный взгляд, что Дженнифер захотелось плакать.

Словно желая защитить, Бюсак нежно накрыл ее руку своей. Его голос и взгляд потеплели. Дженнифер, хотя и была готова к чему-то подобному, поразились этой внезапной и полнейшей перемене. «Пожалуй, – подумала она, – я верю, что этот человек любит ее. Потому он и не захотел принять предложение Стивена. И сейчас я тоже пытаюсь отнять ее у него... О боже, помоги мне. Что же делать?»

– Все это ерунда, *ma mie*³³. – Его голос звучал мягко и успокаивающе. – Она сама все перепутала, вот и принимает тебя за другую. Я же сказал тебе, кто ты. Здесь твой дом.

– А ее кузина...

– Умерла. Умерла, понимаешь? – Он поглаживал руку девушки, но при этом обращался не к ней, а к Дженнифер. – Ее кузина – та женщина, что умерла в монастыре. Я рассказывал о ней. Помнишь?

Дженнифер не выдержала:

– Мари! Послушайте меня!

– Замолчите, вы! – вскипел Бюсак.

От мягкости не осталось и следа, он был так взбешен, что Дженни, невольно отпрянув, умолкла. Он склонился к Джиллиан, вновь нежно взяв ее за руку. Голос опять стал проникновенным и чрезвычайно убедительным.

– *Ma chère*³⁴, ты слышала весь этот разговор про полицию? Это правда. Вспомни, что я говорил тебе. Они ищут нас после ограбления в Бордо. – Она молча кивнула. – Видимо, сумели выследить. Эта девушка и ее англичанин пустили *flies*³⁵ по нашему следу. Вот почему нам надо бежать. Я ничего не говорил тебе, чтобы не пугать раньше времени. Но теперь нам надо уходить как можно скорее. – Он улыбнулся ей, погладил ее руку и отпустил. – Надо спешить. Время еще есть, но чем быстрее мы соберемся, тем лучше.

– А что будет с ней?

Он улыбнулся и Дженнифер, но по-другому. В свете маленькой настольной лампы он казался огромным – здоровый, самоуверенный красавец-самец, чья вытянувшаяся по стене тень подчеркивала замкнутость маленькой комнаты. Его голос стал совсем тихим:

– Она сует нос не в свои дела. Пожалуй, ей не так легко будет выпутаться...

Джиллиан взволнованно обернулась к нему:

– Ты не сделаешь ей ничего плохого, Пьер?

Не отводя глаз от Дженнифер, он сказал:

– О нет. Я не обижу ее...

Но взгляд Бюсака говорил об обратном.

Дженнифер воскликнула в отчаянии:

– Мы говорили вам: нас не касаются ваши дела. Мы не хотим вмешиваться. Все, что нас интересует, это безопасность моей кузины и...

Он грубо оборвал ее:

– Вы маленькая дурочка, ваша кузина мертва, и чем скорее вы усвоите это, тем лучше для вас. А что касается моей жены, я сам позабочусь о ее безопасности.

– Куда вы отвезете ее?

³³ Миленькая моя (*фр.*).

³⁴ Дорогая (*фр.*).

³⁵ Шпики, ищейки (*фр.*).

– Это мое дело. – Он повернулся к жене. – А теперь хватит глупостей, нам пора. Ты готова, Мари?

Она кивнула.

– Корантен одолжил мне мула. Он в сарае. Сумеешь оседлать? Отлично. Побыстрее, если можешь. Захвати фонарь.

Она послушно направилась к дверям, бросив тревожный взгляд на побледневшее лицо стоящей у камина Дженнифер, и спросила Бюсак:

– Ты скоро?

– Да-да. Иди же, не теряй времени.

Дверь хлопнула. Язычок пламени метнулся в прозрачном шаре лампы и снова выровнялся. Дженнифер сказала дрожащим голосом:

– Месье Бюсак, пожалуйста, послушайте... Пожалуйста, подождите...

– Eh bien?³⁶

Он снял плащ с вешалки в углу комнаты и, встав так, чтобы не дать Дженнифер проскользнуть к двери, стал торопливо распахивать по карманам свертки с едой.

Она постаралась успокоиться.

– Теперь вам незачем врать, месье Бюсак, нас никто не слышит. Скажите честно, вы ждали той ночью Лалли Дюпре? Вы знали, как она выглядит?

Он помолчал, явно не желая вступать в разговоры, но потом коротко бросил:

– Нет.

– Значит, вы и донья Франциска оба считали, что эта девушка, которую вы называете Мари, и есть Лалли Дюпре. Но и после моих вопросов донья Франциска быстро догадалась, кто живет у вас. Когда я попросила ее описать внешность умершей, она описала Джиллиан, то есть Мари. Донья Франциска обо всем догадалась и прибежала сюда прошлой ночью, чтобы сказать вам, что если и прежде было глупо не отправить вашу... гостью... в Испанию, то теперь, когда выяснилось, что Мари в действительности мадам Ламартин, держать ее здесь равносильно самоубийству. Вы же знаете, я следила за доньей Франциской и все слышала. Но тогда, месье Бюсак, вам должно быть понятно то, что произошло в ночь аварии.

Он пристально посмотрел на нее:

– И что из того?

– Ничего, – сказала Дженнифер, – кроме того, что я говорю правду, и мы оба это знаем.

– Ну да, – равнодушно сказал Бюсак, – вы говорите правду.

– Тогда, ради бога, поверьте, что я не собираюсь вмешиваться в ваши личные дела. Вы же видите, она вряд ли выдержит такое путешествие. Придумайте какую-нибудь причину, вы же можете, и отпустите ее со мной.

– Черт возьми, неужели до вас не доходят мои слова? Я хочу, чтобы она была со мной.

– Но вы не имеете права...

– Она моя жена.

– Да?

Он бросил на нее взгляд исподлобья:

– Что вас не устраивает?

– То, что она появилась здесь всего три недели назад. Видимо, во время аварии она ударила головой и потеряла память. По ее словам, вы поженились около года тому назад. Зачем вы обманываете ее, месье Бюсак?

Немного помолчав, он спокойно сказал:

– Хорошо. Хотите услышать, слушайте. А могли бы уже и сами обо всем догадаться. Так вот, Марсель Дюпре заплатил мне солидную сумму и поручил тайно переправить Лалли Дюпре

³⁶ Ну что? (фр.)

в Испанию. Мы договорились встретиться с ней в ущелье за Гаварни, то место называют Хаосом. Было условлено, что она попросит некую мадам Ламартин подвезти ее. Той ночью я спустился в ущелье на своем муле, но никого не нашел. Подождав немного, я двинулся вдоль реки и обнаружил разбитую машину. Рядом с машиной лежала она, Мари. Должно быть, настоящую Лалли Дюпре я в темноте не заметил. Сначала мне показалось, что девушка возле машины мертва, но потом я понял, что она просто потеряла сознание. Я порылся в ее сумочке, хотел узнать, кто она. Но там не было документов, поэтому я решил, что она и есть Лалли Дюпре. Ее внешность достаточно хорошо совпадала с описанием, которое мне дали. Тогда я подумал, что, по всей видимости, мадам Ламартин забрала свои вещи и пошла за помощью. Я понял, что Лалли надо спрятать как можно скорее, пока никто не пришел, и, кроме того...

Не прекращая рассказа, Бюсак продолжал собираться в дорогу. В плаще он выглядел еще внушительнее, чем прежде. Он шагнул к столу, уперся в него кулаками и, подавшись вперед, устремил на Дженни потемневший горящий взгляд.

– Она лежала на траве, освещенная тусклым светом, волосы растрепались, одежда разорвана. Она была очаровательна и возбуждала желание. – Он слегка оскалился. – Я хотел ее, только и всего. Можете вы это понять, бледная англичаночка? Да, я хотел ее. – Его потемневший взгляд продолжал сверлить Дженни. – Короче, я забрал ее и привез сюда. А утром мы слышали о другой женщине, появившейся в монастыре. Это могло иметь нежелательные последствия, ведь если бы все шло как задумано, то к утру я бы уже переправил девушку на ту сторону, и никто бы не мог доказать, что она была у меня. Но в ее состоянии о таком путешествии нечего было и думать. Тут судьба мне улыбнулась. – Он мрачно усмехнулся. – Все устроилось само собой. Женщина в монастыре оказалась неразговорчивой. Эта женщина, то есть Лалли, должно быть, удивлялась, почему полиция не разыскивает попутчицу, которую она, забрав ее документы, оставила умирать возле машины. Но задавать вопросы было рискованно, уж слишком ей не хотелось расставаться с готовой «ксивой». Если бы Лалли знала, что эта сеньора у меня... Но об этом не знал никто. – Он помолчал. – В общем, на всякий случай она хранила молчание. Я-то думал, что Лалли просто забыла о попутчице. Болезнь скрутила ее быстро, и она умерла. Опять-таки удача.

– И еще большая удача, – неприязненно сказала Дженнифер, – что моя кузина потеряла память?

– Именно так. Иначе она вряд ли осталась бы со мной. Когда я обнаружил, что она ничего не помнит, то, естественно, обрадовался еще больше. Теперь она не рвалась в Испанию. Я сказал ей, что она моя жена, Мари Бюсак. Даже если в городке ходили какие-то разговоры, она-то не покидала фермы, вот все и шло гладко.

– И еще вы сказали ей, насколько я понял, что она замешана в ограблении банка в Бордо?

– Конечно. Мне надо было как-то объяснить ей, почему нельзя уходить с фермы. Хотя я-то думал, что так оно и было. Об убийстве я не стал упоминать. Рассказанного мной было достаточно, чтобы убедить ее остерегаться посторонних взглядов, но недостаточно, чтобы ей захотелось совсем сбежать. Когда же стало понятно, кто она есть на самом деле, я решил не говорить ей правды. Ведь тогда она бы оставила меня. А так она жила со мной, бог знает... Эта жизнь, должно быть, казалась ей тяжелой и странной, и, пожалуй, мое обращение было для нее непривычно.

Оторвавшись от стола, он расправил плечи и улыбнулся.

– Что, вы шокированы, *mademoiselle l'anglaise*? Вы, маленькая Снежная Королева, все вы одинаковы. У нее такой же взгляд... Меня он возбуждает. – Он улыбнулся еще шире. – Да нет, не пугайтесь. Сейчас не до того.

И, отвернувшись, он выдвинул ящик стола.

– Вы подонок! – потрясенно сказала Дженни.

Он вынул из ящика фонарик и сунул его в карман. Потом безразлично пожал плечами:

– Вы так считаете? А она относится ко мне довольно хорошо.

– Куда вы ее увезете?

Голос у Дженни охрип от волнения.

– Туда, где вам ее не найти.

– Вас выследят.

– Не выйдет, я ведь не доложу о своем маршруте. – Он едко усмехнулся. – Сама подумай, детка, если за всю жизнь я ни разу не нарвался на пограничников, так уж наверняка у меня есть тайная дорожка в Испанию.

– Вы идиот! – закричала Дженнифер. – Сегодня вам удастся уйти, но нельзя же прятаться вечно!

– А зачем? Испания – большая страна. У меня там друзья и деньги.

– Она поправится, – с горечью сказала Дженни, – и все вспомнит. Неужели вы думаете, что она согласится после этого жить с вами?

– Все возможно. Я хорошо к ней отношусь.

Она сказала в отчаянии:

– Вы безумец! Вам никогда не отмыть рук!

Он взъярился и вернулся к своей прежней манере разговора:

– Закрой рот, ты, маленькая дурочка! Неужели ты думаешь, что я рискнул оставить ее у себя только для того, чтобы теперь дать ей уйти? Побереги свой пыл, ты, малокровная англичаночка. Она поедет со мной.

– А я? – тихо спросила Дженнифер.

Он глянул на нее:

– Ты останешься здесь. Но я не позволю тебе шпионить за нами. Я сказал, что не обижу тебя, и так оно и будет. Но мне придется все же ограничить твою свободу, детка. Пройдет некоторое время, прежде чем они сообразят поискать тебя в сарае, а мы тем временем успеем уйти подальше отсюда.

Он снял со спинки стула моток веревки и направился к Дженнифер.

В это время наружная дверь домика отворилась. Глаза Дженнифер загорелись надеждой, она приоткрыла рот и затаила дыхание. Это была всего лишь Джиллиан, запыхавшаяся из-за штормовых порывов ветра, от которых разругались ее бледные щеки и оживились глаза.

– Мул готов, Пьер, – сказала она.

– Отлично, надевай плащ. Мы уходим.

Джиллиан прошла во вторую комнату. Бюсак двинулся вокруг стола, держа веревку наготове. Дженнифер отступала. Он уже было потянулся к ней, но она отскочила, обежала стол и, затаив дыхание, обернулась. Он выругался и ринулся за ней. Рука его почти схватила ее, но она вырвалась и опять отбежала. Этот кошмар напоминал детскую игру – страшные пятнашки вокруг освещенного стола, гонки с препятствиями вокруг маленькой лужицы света. Их тени, то вырастая, то уменьшаясь, металась по стенам и потолку. В тишине раздавался лишь шорох шагов, тяжелое дыхание и тихий стук часов, отсчитывавших в углу быстрые секунды. Но для Дженнифер эту дикую тикающую тишину пронизывал внутренний отчаянный крик: «Стивен! Стивен! Стивен!.. Он должен прийти, должен...»

Кошмарная игра продолжалась.

Бюсак, перегнувшись через стол и раскинув ручищи, опять попытался схватить ее. Дженнифер удалось увернуться от его цепких пальцев и отпрыгнуть. Потеряв равновесие, Бюсак повалился на стол. Лампа закачалась. В считанные секунды, пока он не поднялся, она бросилась по качающимся на полу теням к входной двери. Он схватил Дженнифер, когда ей оставалось только отодвинуть задвижку. Бюсак крепко прижал ее к себе и потащил обратно к столу. Задохнувшись от страха, она яростно отбивалась, колотя пятками по его ногам. Он выругался и

поудобнее обхватил ее, прижимая ее руки. Сквозь пелену ярости до нее, как в тумане, донесся голос Джиллиан: «Пьер!» – и его отрывистый, почти грубый ответ:

– Иди, я скоро догоню тебя. Ты знаешь путь до водопада.

– А девушка?

– Не могу же я оставить ее просто так. Иначе она увяжется за нами. Давай, Мари, иди, ради бога...

– Ладно.

Дверь открылась. Ветер распахнул ее настежь. Дженнифер крикнула:

– Джиллиан! Не уходи!

Рука Бюсака грубо зажала ей рот. Дверь качнулась, ветер распахнул ее, принесся звук удаляющихся шагов.

Почувствовав, что Бюсак слегка ослабил хватку, Дженни резко дернулась. В слепой ярости она, как дикий зверек, вцепилась зубами в его ладонь. Он взвыл и, отдернув руку, стиснул ее еще сильнее. Все попытки вырваться оказались тщетными, одной рукой он крепко сжал Дженни, а второй, укушенной, повернул к себе ее голову. Наконец их глаза встретились.

В голове у Дженни помутилось от страха. Она увидела, что он смеется.

– Ну, Снежная Королева, – задыхаясь, проговорил Бюсак, – ты кусаешься, как маленький дьяволенок. Кто бы мог подумать! Жаль, нет времени отплатить тебе той же монетой.

Прежде чем она успела понять его намерения, он наклонился и поцеловал ее в губы.

Она попыталась крикнуть, потом тени закружились, в глазах у нее потемнело, и она безжизненно повисла в его руках.

Дженни очнулась, лежа на спине на чем-то вроде кровати. Еще не вполне придя в себя, она полубезумными глазами уставилась на низкий потолок, где то съеживались, то вырастали метавшиеся на сквозняке тени, которые отбрасывала лампа... Тиканье часов стало неестественно громким, расстроенному воображению Дженни оно показалось частой дробью, отдаленным топотом быстрых маленьких копыт...

«Джиллиан».

В голове прояснилось. Она резко дернулась и обнаружила, что не может поднять рук, что-то мешало. Все тело стало тяжелым, точно налитым свинцом: неподвижным и беспомощным... Наконец она все же поняла, что лежит, связанная, с кляпом во рту, в спальне.

Сначала ее охватила дикая ярость. Как посмели так с ней поступить! Вербки были затянута не сильно, но узлы больно впились в запястья и лодыжки, а кляп во рту был просто невыносим: рот чем-то забит, а сверху повязан шарф, язык придавлен, в горле пересохло, и десны противно зудят. Вместо крика из груди вырвался лишь тихий стон, и Дженни в отчаянии устремила взгляд к полуоткрытой двери – оттуда в комнату проникала полоска света.

Сердце ее глухо забилося, глаза расширились, и она сжалась, наблюдая за Бюсаком.

Он стоял у косяка, отчасти заслонив своей темной фигурой свет. Бюсак не смотрел в ее сторону. Он стоял неподвижно, все его внимание было приковано к листку, который он держал в руке.

Письмо. Ей показалось, что она узнала оборванную кромку. «Должно быть, нашел в моем кармане...» Да, теперь она точно узнала пожелтевший листок.

Он читал записку Исаака Ленормана.

Ее охватила паника. К чему приведет это новое открытие? Теперь он имел часть, вернее, половину того письма, которым его шантажировала донья Франциска. Естественно, он поймет, что Дженнифер тоже прочла письмо. И он может подумать, что она знает, где спрятана вторая половина. Но раз он собрался уходить, то не все ли ему равно, о чем знает Дженнифер? И какое ему теперь дело до доньи Франциски? Дженни попыталась шевельнуться, и тело под веревками ожгло огнем; от страха она по-детски повторяла про себя с хрупкой надеждой: «Он сказал, что не обидит меня... Он обещал... Он ведь не такой уж плохой – разве его забота о

Джиллиан, пусть даже из эгоистических соображений, не доказывает этого? Правда, он достаточно безжалостно вынудил Джиллиан стать его „женой“, но он раб своих страстей, абсолютно равнодушный к любым желаниям, кроме собственных, послушный лишь своим страстям. Он необуздан и упрям в своей ненависти... В ненависти?..» Она вспомнила, каким взглядом он смотрел прошлой ночью на донью Франциску, и вдруг почувствовала себя на удивление спокойно. Ненависть Бюсака, тлевшая и копившаяся долгие годы, вчера ночью достигла критической точки, точки взрыва... В сравнении с тем, что она видела вчера, его отношение к ней сейчас можно назвать почти добрым. Он не обидит ее. Ему просто надо было на время связать ее. Он так и говорил. Он не обидит ее... Не обидит.

Бюсак сунул письмо в карман и повернулся в ее сторону. Его тень всплыла и заполнила всю комнату. Он сделал шаг к кровати – тень взметнулась по стене, наискось пересекла потолок и замерла. Он остановился, прислушался.

Ветер фальшиво скулил снаружи, по камням прошаркали шаги.

«Стивен! – Беззвучный мысленный крик. И тьма, и ветер, казалось, отступили перед этим криком... – Наконец-то! Стивен!»

В дом кто-то вошел. Из своего темного угла Дженнифер не видела кто, но Бюсак на мгновение замер, как гончая, потом выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Глава 22

Пляска смерти

Дверь не захлопнулась, а со скрипом качнулась назад и приоткрылась, полоса света вновь упала на дощатый пол. Дженнифер была видна часть стола, где все так же лежал оставленный Джиллиан хлеб, под лампой поблескивало стальное лезвие ножа, бутылка вина горела теплым рубиновым светом. За ножками стола мерцали язычки пламени на догоравших в камине поленьях.

Бюсак направился к двери и исчез из поля зрения Дженнифер. Поленья вспыхнули на сквозняке, взметнув искры. Входная дверь закрылась.

Она услышала, как Бюсак сказал:

– Вы? Уже? Зачем вы пришли в такую рань?

Он учащенно дышал, переводя дух после каждого отрывистого вопроса. Дженнифер услышала звук тихих шагов и шелест шелка.

Дженни нервно дернулась в своих оковах. Она совсем забыла... Невероятно, как она могла забыть о другом кошмаре, который подкрадывался к ней под покровом грозовой ночи. Раздался негромкий голос доньи Франциски:

– Ты дал ей уйти?

Слова звучали мягко, но по тону было ясно, что она безумно зла, поэтому Бюсак невольно занял оборонительную позицию. Он уклонился от прямого ответа:

– О ком вы говорите?

– Не притворяйся идиотом, я слышала стук копыт. Куда она направилась?

– Туда, где вам ее не найти, миледи.

Она немного помолчала.

– Ты собираешься выполнить мои требования?

– Я собираюсь делать то, что мне будет угодно. А сейчас уходите отсюда. Мне пора идти.

– Я останусь и подожду твоего возвращения.

Он возразил неторопливо, обдумывая слова:

– Тогда вам придется долго ждать. Я не вернусь.

– Что это значит? Нет, я дождусь. Постой! Идиот! Что ты задумал? Уж не намерен ли ты...

Он грубо оборвал ее:

– Не будем начинать все сначала. Довольно разговоров о дураках, глупости и моем исключительном идиотизме. Можете делать все, что пожелаете, но я ухожу. Теперь наши пути расходятся.

– Пьер Бюсак! Ты не можешь так поступить.

– Да? Прочь с дороги, не то мне придется убрать вас.

Ее голос вспыхнул яростью и презрением:

– Не смей прикасаться ко мне, болван!

Он рассмеялся и решил, видимо, нанести последний удар. В его наглом голосе прозвучало почти открытое торжество:

– Уж не хотите ли вы дождаться здесь полицейских?

– Полицейских? Здесь?

– Да, здесь.

Донья Франциска задохнулась от ненависти и прошипела:

– Английская девка...

– Верно.

Дженнифер услышала его шаги и замерла в своем темном углу в ожидании разоблачения. Но Бюсак просто подошел к столу. Его рука протянулась к лампе, чтобы прикрутить свет. Он бросил через плечо:

– Теперь вы уйдете наконец?

Но донья Франциска быстро пересекла комнату. Подол ее платья, шелковисто поблескивая, прошелестел мимо камина. Теперь Дженнифер могла видеть и ее. Испанка наклонилась через стол к Бюсаку. Ее лицо, освещенное снизу лампой, напоминало страшную маску: контрастные переходы от света к тени и зловещие провалы глазниц.

Она сказала, задыхаясь:

– Нет. Подожди. Ей действительно удалось что-то выяснить?

– Почти все, насколько я понимаю, – сказал он равнодушно.

– И обо мне?

– О да. Она была здесь вчера и подслушала весь наш разговор.

Она резко стукнула ладонями по столу. Нож слегка подпрыгнул, блеснув лезвием.

– А сегодня вечером она тоже была здесь?

– Да.

– И ты ничего не сделал с ней? Позволил ей уйти, чтобы она все разболтала?

Последовала пауза. Сталь холодно посверкивала возле тонких пальцев. Сердце Дженнифер отчаянно забилося, вся она задрожала мелкой дрожью. Темнота вокруг нее ожила и наполнилась пульсирующими волнами ужаса; казалось, те двое не могли не почувствовать этого. Наконец Бюсак, помедлив, ответил:

– У меня не было причин ее удерживать. Она уже успела все разболтать.

Испанка слегка вскрикнула и закусилась нижней губой:

– Тогда... Мне тоже нельзя оставаться здесь. Я не желаю никаких дознаний. Я не могу. Понимаешь, не могу.

– Тем хуже для вас, – сказал он неприязненно. – О чем вы думали раньше? Не занимались бы вымогательством. Хотели прикармливать половину моей добычи? А надо было остановиться и подумать о том, что ваша вина будет ничуть не меньше моей, донья Франциска, и что придет время, когда найдет-таки коса на камень!

Подойдя вплотную к столу, он наклонился в ее сторону, и его лицо появилось в поле зрения Дженни. На злобном грязном лице горели черные как угли глаза; этот взгляд она уже видела, с такой же лютой ненавистью Бюсак нападал на Стивена, но на сей раз в его лице не было страха или сомнения. Это явно был уже не тот дрессированный пес, которого донья Франциска привыкла держать на поводке, – это был злобный дикий зверь, уверенный в своей силе. Их взгляды встретились. Должно быть, испанка все поняла, потому что ее глаза удивленно расширились и она отступила, пораженная.

– Ты городишь вздор. Моя вина! Ее нельзя даже сравнивать с твоей! Просто я предпочитаю избежать судебного разбирательства. Я хочу сохранить то, что мне удалось приобрести на твои деньги.

Он хмыкнул:

– Да что вы говорите?

– Меня и пальцем не тронут! – злобно сказала она. – Вся моя вина в том, что я брала деньги у тебя, закоренелого преступника... убийцы, и употребляла их на благие дела! На общее благо! Я ничего не брала себе! Все пошло на храм Божий!

– Что ж, вполне возможно, но вам же было известно, каким путем я добывал деньги. Вы знали, что я помогал преступникам и убийцам избежать наказания. А вы помогали скрывать убийства, донья Франциска. – Он неприязненно улыбнулся. – И фактически это называется соучастием.

Ее ноздри задрожали, тонкие губы сжались в ниточку. Несмотря на все свои страхи, Дженнифер не могла сдержать острого чувства радости при виде замешательства и страха на этом лице. Донья Франциска вдруг резко подалась вперед:

– Тем не менее, Пьер Бюсак, это наша общая проблема. Коса еще может обойти камень! Я не собираюсь сидеть здесь в ожидании полиции, пока ты будешь разгуливать на свободе! Ты должен взять меня с собой! – Она перешла на тонкий свистящий шепот. – Я знаю дорогу. Мы пойдем вместе... В Испанию...

Последние слова были произнесены как-то печально, почти с надрывом.

Но Бюсак был явно не настроен принять предложение. Он расхохотался ей в лицо.

– Никогда в жизни! – отрезал он. Его рука снова потянулась к фитилю лампы. – Уходите. Я попусту теряю с вами время, а мне надо еще кое-что сделать перед уходом.

Испанка гордо выпрямилась, гнев и презрение снова засверкали в ее взгляде.

– Тогда иди, глупец! В самом деле, чего мне бояться? Я могу поклясться, что ни о чем не подозревала, и если брала у тебя деньги, то для твоего же блага – я пеклась о твоей душе. Да, начнется скандал, но он утихнет, и я... я ничуть не пострадаю! Тебя здесь не будет, а кто поверит этой бескровной английской девице?! – Полуопущенные веки поднялись, глаза сверкнули холодным блеском. – Но я увижу еще, как тебя выследят, Пьер Бюсак! Даже в Испании, мой милый, я доберусь до тебя! Там я еще кое-что значу! И я, и моя семья! Да, Пьер Бюсак, ты увидишь, что я еще могу кусаться!

В его голосе послышалась насмешка:

– Если вы имеете в виду письмо Ленормана, то считайте, что ваши зубы вырваны.

Донья Франциска спросила после паузы:

– Что ты хочешь этим сказать?

– А вот что.

Послышался шелест бумаги, и кто-то прерывисто вздохнул. Затем испанка быстро проговорила:

– Это только часть. Другая...

– Не сомневаюсь. Но кто поверит письму без подписи?

– Откуда оно у тебя? Отдай немедленно!

Ее рука метнулась к письму, но Бюсак отпрянул и рассмеялся:

– О нет! Даже не пытайтесь! Это мой пропуск на свободу, сеньора, и гарантия вашего хорошего поведения! И бросьте ваши испанские штучки. Иначе, предупреждаю, если попытаетесь преследовать меня, вам конец. А если собираетесь доказать, что были в полном неведении насчет истинной подоплеку моего ремесла – так мы называли это? – то вам лучше хорошенько подумать. Соучастие в убийствах, мадам! И есть свидетель, у которого хранилось это письмо.

– Оно ничего не доказывает! Оно мне не принадлежало!

– Вот как? А я думал, в монастыре-то знают друг о друге чуточку больше. Держу пари, кстати, что найдутся желающие копнуть поглубже там, где обнаружили это письмо.

Из ее горла вырвалось тихое шипение. Бюсак грубо расхохотался:

– Ну что, проняло наконец? А как там ваш маленький тайничок и ваши сокровища, ваше благородное величие, построенное на краденых деньгах... включая, конечно, половину денег Дюпре, будь они неладны, украденных, заметьте, из Бордоского банка. И что интересно, номера банкнот известны полиции!

– Нет!.. – почти беззвучно выдохнула донья Франциска.

Ее глаза были подобны двум зияющим черным провалам на сером лице.

– Да-да, мадам. Я сам только сегодня узнал. Корантен слышал об этом от Аристиды Кельтона. – Он растянул рот в ухмылке. – Так не лучше ли вам поспешить к вашему тайничку, не дожидаясь, пока ищейки найдут его. Если, конечно, наша юная свидетельница еще не привела их туда.

– Нет!!!

От этого крика – нет, вопля – у Дженни похолодело в груди. Дыхание испанки стало отрывистым и учащенным. Она стояла в какой-то странной, застывшей позе, освещенное лампой лицо блестело от пота. В этой искаженной ужасной маске было нечто большее, чем страх и злоба. Дженни глядела на нее словно зачарованная, и в ее памяти всплыли слова, от которых она до сих пор отмахивалась, как от глупости. Одержимая дьяволом... Эта женщина, терзаемая демонами, была одержима той всепожирающей жадой власти, в которой берут начало все человеческие трагедии. И сейчас ее мечта о власти ускользала, как песок между пальцев.

Ее пальцы...

Испанка, как слепая, шарил ладонями по столу. Правая рука коснулась лежащего рядом ножа. Все так же слепо она ощупала его, сжала... Нож вздрогнул в руке, полыхнул живым огнем.

Бюсак ничего не замечал. Он прикрутил фитиль лампы. Свет уменьшился, сжался до янтарного лучика и потускнел. Затем и его поглотила темнота, и комнатой безраздельно завладел свет камина. Мимо огня прошла черная женская тень, заслонив на мгновение красноватые отблески. Ножа не было видно.

Донья Франциска обогнула стол и подошла к Бюсаку. Изысканные шелка прошелестели в тишине. Она схватила его за руку.

– Ты не бросишь меня. – Ее неестественно хриплый голос был почти умоляющим. – Ты можешь взять меня с собой. Ты можешь...

– Вас? Убирайтесь ко всем чертям, сеньора. – И он рассмеялся. – Возможно, вечные муки уготованы и вам, и мне, но сейчас наши пути расходятся!

Он так грубо вырвал свою руку, что испанка едва не упала.

Пошатнувшись и вскрикнув, она ухватила за край стола. Через мгновение раздался судорожный вздох, и она монотонно забормотала все тем же хриплым странным голосом тихие и неразборчивые испанские слова. Это заставило Бюсака повернуться к ней.

И тут донья Франциска бросилась на него. Две тени слились воедино, превратившись в бесформенную громаду. Что-то сверкнуло, в тишине послышался короткий звук, сдавленное проклятие, вздох – и тень разъединилась. Пьер Бюсак согнулся и, медленно опускаясь, упал к ее ногам.

Она долго стояла, не сходя с места, напротив камина, похожая на черную каменную статую. Затем чуть шевельнулась и, не меняя своей монументальной позы, посмотрела вниз. Кровавые отблески огня падали на ее лицо и пламенеющий в руке нож.

И Дженнифер видела все это...

Она видела слюну, ползущую, как слизняк, по подбородку доньи Франциски. Видела тонкие губы, приоткрывшиеся и напоминающие щель в стволе гнилого дерева. Видела эти глаза.

Испанка подняла голову и медленно огляделась. Ее взгляд задержался на двери, за которой лежала Дженнифер.

В этот момент штормовой порыв ветра гроыхнул ставнями, по комнате прошел сквозняк, приоткрыв дверь в спальню. Пламя в камине разгорелось ярче, тени стали длиннее. Дверь скрипнула и приоткрылась шире. Теперь донья Франциска, казалось, глядела прямо на Дженни: безжалостные языки пламени мелькали, высвечивая ужас, застывший в глазах девушки. Полуживая, едва дыша, Дженни зажмурилась.

Дверь спальни скрипнула снова. Этот тихий одинокий звук словно поведал о пустоте, о покинутом доме, о мертвеце на полу и об одинокой женщине в скалистом ущелье.

Издав глубокий стон, донья Франциска повернулась и бросилась из дома.

Глава 23

Ночь в Скалистых горах

Покинутый дом, мертвец на полу и одинокая женщина в скалистом ущелье... Если все, что произошло раньше, было похоже на кошмарный бред, то сейчас он превратился в реальность. Драма? Это определение с присущей ему хронической окраской существовало в другой жизни, где не происходит таких событий. А здесь произошли. И это была реальность. И она, Дженни, находится в ней – прямо сейчас, здесь.

Она лежала на кровати, сотрясаемая мелкой дрожью, тело казалось вместилищем боли, мозг оцепенел, взгляд, как загипнотизированный, был прикован к распластанному на полу телу убитого мужчины. Это была реальность. Неужели это случилось? С ней, с Дженнифер... Здесь и сейчас...

Она забыла о Стивене, о его многотрудной и чертовски опасной дороге из Лу; едва ли даже явились ей мысли о Джиллиан и о донье Франциске с ножом в руке. Она лежала, и ее захлестывали волны страха, в котором замерло даже время, и только часы в колодезном мраке комнаты, секунда за секундой, упрямо отсчитывали мгновения небытия.

Со скрипом, подобным жалобному пisku мыши в норке под стеной, дверь еще немного приоткрылась. Полено в камине распалось надвое, взметнув желтовато-синий огонь, который осветил лежавшее на полу тело, она не могла оторвать от него взгляд. Дверь заскрипела снова, на этот раз протяжным громким скрипом, от которого по спине Дженни побежали мурашки. Отблески огня, точно пальцы, ощупывали тело убитого человека, и вдруг – она готова была поклониться – он пошевелился.

Он пошевелился.

Изо всех сил вытягивая шею, Дженни до боли в глазах пыталась хоть что-нибудь рассмотреть. Ее тело перестало дрожать и замерло. Она почти не дышала, охваченная новой волной паники. Все ее существо сконцентрировалось на простертом на полу перед камином теле.

Он шевелится.

Скованная ужасом, словно в ночном кошмаре, сознавая свое бессилие, Дженни не спускала с него глаз. Его сторбленные плечи дернулись, голова немного приподнялась, потом шевельнулась рука – слабые попытки упереться в плиточный пол не удались, и рука упала, замерла, а затем медленно поползла по плитам и исчезла под черным телом, чтобы зажать рану, нанесенную ножом. Сквозь стиснутые зубы вырвался свистящий тяжелый вздох, тело скорчилось, точно еж, свернувшийся в клубок в минуту опасности.

Потом, словно почерпнув силы из какого-то неведомого источника, он, упираясь в пол другой рукой, медленно приподнялся. Казалось, бесконечно долго он, не двигаясь, опирался на локоть, потом мускулы спины судорожно напряглись, и он встал на одно колено, застонав от боли. Это почти лишило его сил – он дернулся вперед и упал бы снова, если бы не ножка стола, к которой он привалился плечом. Рука его инстинктивно ухватила за край стола, он поднялся с неимоверным трудом и повалился на стол, сжав кулаки. Дженнифер даже прошиб пот при виде этого последнего титанического усилия. Из его груди вырвалось хриплое, прерывистое дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.